

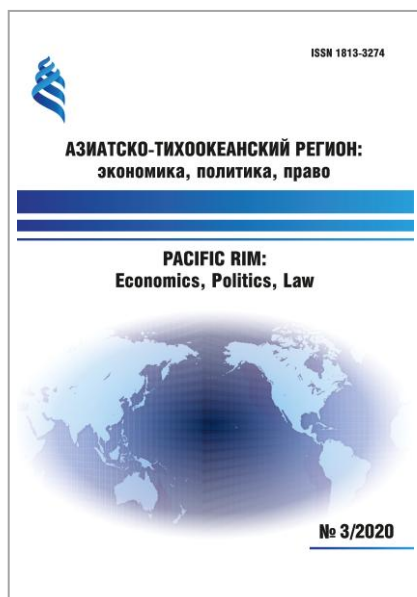
АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Научный
журнал

Основан в 1999 году

2020
№ 3

Учредитель:

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- ISSN 1813-3274 (печатная версия)
- ISSN 2499-9474 (онлайн)
- Индекс 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2020

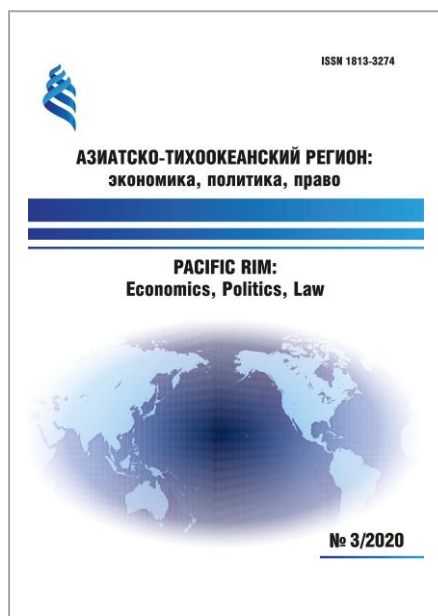
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2020
No 3

Founder:

- Registration certificate ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016
- ISSN 1813-3274 (Print)
- ISSN 2499-9474 (Online)
- Index 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- Materials of the Journal are included into the Russian Science Citation Index.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus

Building A (24), office A920–923

Far Eastern Federal University

Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© FEFU, 2020

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Koroquentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Anatoly Ya. Kapustin	Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
Alexey S. Koshel	Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center fo International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
ЭКОНОМИКА	
<i>Синенко О. А.</i> Налоговые риски в условиях цифровизации экономики	15
<i>Новиков И. А., Лихарева Н. Д.</i> Географическая направленность экспорта: взгляд за пределы гравитационной модели (на примере четырех «азиатских тигров»)	33
<i>Намжилова В. О.</i> Панорама российско-китайской торговли и влияние пандемии COVID-19	51
<i>Кузнецова Н. В., Кочева Е. В., Матев Н. А.</i> Риск потери потенциала взаимных торговых потоков субъектов Российской Федерации: эконометрическое моделирование	68
<i>Рогов В. Ю., Галяутдинов И. И., Ше С. Г.</i> О перспективах развития электронной промышленности на Дальнем Востоке России	89
ПОЛИТИКА	
<i>О Донгон, Еланцева О. П.</i> Тихоокеанская Россия в фокусе политики Сеула на рубеже XX–XXI вв.	101
<i>Песцов С. К.</i> Трудная периферия: стратегия и результаты оживления «ржавого пояса» Китая	126
ПРАВО	
<i>Князева Е. А.</i> Квалификация нарушений требований в области транспортной безопасности с учётом особенностей субъективных признаков преступления, предусмотренного статьёй 263 ¹ УК РФ	137
<i>Филоненко Т. В.</i> О мерах противодействия коррупции в России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Сингапура	146
<i>Литовченко В. В.</i> Россия и Китай: совершенствование законодательства в области борьбы с допингом	157
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ	
«Русские разговоры»: Михаил Дроздов : интервью / С. Ю. Пантелеев, М. В. Дроздов	167

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	
<i>Sinenko Olga A.</i> Tax risks in the context of digitalization of the economy	15
<i>Novikov Igor A., Likhareva Natalya D.</i> Geographic orientation of exports: looking beyond the gravity model (on the example of four "Asian Tigers")	33
<i>Namzhilova Victoria O.</i> Panorama of Russian-Chinese trade and the impact of the COVID-19 pandemic	51
<i>Kuznetsova Natalia V., Kocheva Ekaterina V., Matev Nikolay A.</i> Risk of potential loss of mutual trade flows in the regions of the Russian Federation: econometric modeling	68
<i>Rogov Victor Yu., Galyautdinov Ildus I., She Son G.</i> The prospects of development of the electronic industry in the Russian Far East	89
POLITICS	
<i>Oh Donggeon, Elantseva Olga P.</i> Pacific Russia at the focus of Seoul policy on the cusp of the XX–XXI centuries	101
<i>Pestsov Sergey K.</i> Difficult periphery: strategy and results of revitalizing the "rust belt" of China	126
LAW	
<i>Knyazeva Ekaterina A.</i> Qualification of violations of requirements in the field of transport security, taking into account the features of the subjective side of the crime stipulated by article 263 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation . . .	137
<i>Filonenko Tatyana V.</i> Anti-corruption measures in Russia and in the countries of the Asia-Pacific region: the experience of Singapore	146
<i>Litovchenko Vitaly V.</i> Russia and China: Improving Anti-Doping Legislation	157
INTERNATIONAL LIFE	
«Russian conversations»: Mikhail Drozdov: interview / S. Yu. Panteleev, M. V. Drozdov	167

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чревата замедлением интеграционных процессов. Поэтому выпуск журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуален в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, оформленные по образцу журнала, объёмом не более 20 страниц машинописного текста, включая список литературы;

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках;
- название статьи, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20) – всё на русском и английском языках;
- e-mail для связи с читателями, УДК;
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике.

Рукопись необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14. Образец оформления статьи можно посмотреть на сайте.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: <https://atr.elpub.ru/jour>

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, formatted in accordance with the journal's standards, with a volume of no more than 20 pages of text, including references;

- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;

- The manuscript's title, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20) – in Russian and English languages;

- Access to e-mail for communication means with readers, UDC;

- Links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";

- List of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source.

The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14. A sample design can be viewed on the site.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax village, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: <https://atr.elpub.ru/jour>
Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

УДК 336.225:338:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/15-32>

О. А. Синенко¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: sinenko.oa@dvfu.ru

ORCID: 0000-0001-7497-9475; ResearcherID: AAS-8125-2020

НАЛОГОВЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Применение современных цифровых технологий в процессе налогового администрирования не только открывает новые возможности, но создаёт дополнительные налоговые риски как для государства, так и для налогоплательщиков. В статье проведено исследование налоговых рисков в условиях цифровизации экономики. Целью данного исследования является идентификация и систематизация налоговых рисков, а также разработка критериев их оценки в условиях цифровизации. В работе использованы методы логического и системного анализа налоговых рисков в условиях цифровизации экономики, проведён контент-анализ публикаций и синтез лучших практик цифровизации налогового администрирования, а также исследование практики применения цифровых технологий в целях минимизации налоговых рисков.

Ключевые слова: налоговые риски, цифровизация, риск-ориентированный подход, налоговое администрирование, управление налоговыми рисками, цифровые технологии, налоговые органы, налогоплательщики, налоговый мониторинг социальных сетей.

¹ Ольга Андреевна Синенко, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. *Для цитирования:* Синенко О. А. Налоговые риски в условиях цифровизации экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 15–32. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/15-32>.

Olga A. Sinenko¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sinenko.oa@dvfu.ru

ORCID: 0000-0001-7497-9475; ResearcherID: AAS-8125-2020

TAX RISKS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. Modern digital technologies used in the process of tax administration create new opportunities and additional tax risks for both the state and taxpayers. The article studies tax risks in the context of digitalization of the economy. The purpose of this study is to identify and systematize tax risks, as well as to determine the criteria for their assessment in the context of digitalization. The work uses the methods of logical and systematic analysis of tax risks in the context of the digitalization of the economy. Content analysis of publications and synthesis of best practices for digitalization of tax administration was carried out. The practice of using digital technologies to minimize tax risks has been investigated.

Keywords: tax risks, digitalization, risk-based approach, tax administration, tax risk management, digital technologies, tax authorities, taxpayers, tax monitoring of social networks.

Введение (постановка проблемы). Переход на качественно новый уровень взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков обусловлен развитием информационных технологий и внедрением их в деятельность налоговых органов.

В условиях активного проникновения цифровых технологий в жизнь общества и внедрения их в работу ФНС возникают новые риски как для государства, так и для налогоплательщика. Трансформация системы налоговых отношений происходит под влиянием вызова цифровизации экономики и современных, быстро меняющихся трендов цифровой экономики, главными из которых являются следующие:

- во-первых, трансформация традиционных отраслей и компаний и повсеместное использование сети интернет: изменение бизнес-моделей параллельно с ростом их количества; широкое распространение цифровых товаров и услуг. Численность пользователей сети Интернет в мире увеличилась до 4,5 млрд чел. (60%), при этом во всём мире 3,8 млрд чел. являются пользователями социальных сетей (по данным на январь 2020 г.). В России интернет-пользователями являются 118 млн

¹ Olga Andreevna Sinenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance and Credit, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Sinenko O. A. Tax risks in the context of digitalization of the economy // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 15–32. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/15-32>.

чел. – 81% населения страны, а аудитория социальных сетей насчитывает 70 млн чел. – 48% населения страны. Объём электронной торговли в России ежегодно увеличивается: 2013 г. – 487,83 млрд р., 2014 г. – 616 млрд р., 2015 г. – 732,67 млрд р., 2016 г. – 868, 67 млрд р., 2017 г. – 1 035,8 млрд р., 2018 г. – 1 285 млрд р. [4].

- во-вторых, развитие цифровых платформ и использование большого объёма данных (big data), что способствует трансформации взаимоотношений в налоговой сфере и увеличению трансграничных операций, проводимых в рамках трансграничных платформ, невидимых для регуляторов и налоговых органов. На рынке С2С доля продавцов в процентах от общего числа интернет-пользователей, которые занимаются социальной коммерцией, составляет: Avito – 65%, Юла– 39%, Вконтакте – 33%, Instagram – 9%, Из рук в руки – 8%, Одноклассники – 6%, WhatsApp – 6%, Facebook Messenger – 5%, Auto.ru – 5%, Drom.ru – 4%, Telegram – 2%, Viber – 2%. Объём мирового рынка больших данных в 2018 г. составил 38 млрд долл. США; 2019 г. – 46 млрд долл. США.

- в третьих, развитие робототехники, М2М (от англ. machine-to-machine), искусственного интеллекта (по данным ВШЭ объём мирового рынка робототехники с каждым годом растёт и к 2025 г. достигнет 147 млрд долл. США, а 30 % мирового рынка робототехники к 2022 г. [3] будет приходиться на Китай. По данным проекта RLMS, 26,5% занятых в России работают в профессиях, имеющих высокую вероятность автоматизации (более 70%) [12].

- в четвёртых, развитие рынка криптовалют (увеличение финансовых потоков в обход традиционной банковской системы (теневые онлайн-транзакции). На текущий момент функционирует более 1300 криптовалют (совокупная капитализация ежегодно растёт, и в настоящее время составляет более 597 млрд долл: 259,6 млрд долл. – Биткоин, 72,9 млрд долл. – Ethereum, 57,8 млрд долл. – Bitcoin Cash, 4 млрд долл. – Ripple и др. [3].

С одной стороны, вышеуказанные тренды цифровой экономики создают новые возможности для налогоплательщиков и государства, с другой стороны, являются причиной возникновения новых налоговых рисков для всех субъектов налоговых отношений. Налоговые службы пытаются адаптироваться к происходящим процессам, создавая различные электронные сервисы для удобства взаимодействия с налогоплательщиками и применяя автоматизированные системы, повышающие качество налогового контроля, но и налогоплательщики ищут новые пути оптимизации своей налоговой нагрузки. Например, в России количество посещений интернет-сайта ФНС РФ в 2018 г. превысило 145 млн, в 2019 г. – 160 млн. За период действия автоматизированных систем налогового контроля в РФ (2015–2019 гг.) количество фиктивных компаний, так называемых фирм-однодневок, сократилось более чем в 2 раза. На сегодняшний день их удельный вес составляет 3,2%, что составляет 120 тыс. организаций. В начале 2016 г. фирм-однодневок насчитывалось

1,6 млн [9]. Кроме того, наблюдается уменьшение случаев заявления на возмещение НДС высоко рисковыми организациями в 15 раз, вышеперечисленные факты способствуют сокращению количества организаций, работающих в теневом секторе экономики [11].

Масштабы теневой экономики и реальное количество самозанятых граждан в России остается предметом дискуссий. По данным РАНХиГС, для 11,7% экономически активного населения (8,7 млн человек) теневые доходы — единственный источник поступлений, а 30 млн человек (40,3% работающего населения) совмещают получение теневых доходов с легальной работой*. Кроме того, сегодня особую популярность приобретают блогинг, продажа товаров, а также оказание услуг с использованием социальных сетей (блогер в социальной сети instagram с аудиторией 150 тыс. подписчиков и в среднем с 15 тыс. лайков дополнительно за рекламный пост получает около 15 тыс. руб.)

Налоговые риски. По мнению большинства исследователей, налоговые риски возникают, с одной стороны, в связи с действиями государства, а с другой, — самих плательщиков налогов и сборов. Налоговые органы определяют налоговый риск как незаконные действия налогоплательщиков, имеющие признаки получения необоснованной налоговой выгоды, в соответствии со ст. 54.1 НК РФ, и превышают «пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога» [5]. Подходы к определению понятия «налоговый риск» обобщены в табл. 1. Налоговые риски налогоплательщика по большей части обусловлены их желанием минимизировать свои налоговые обязательства. Последствием реализации подобных рисков является доначисление по налогам, а также начисление штрафов и пеней.

Большинство авторов сходятся во мнении, что полностью нивелировать влияние налоговых рисков невозможно даже в условиях цифровизации [13, 14, 15]. В связи с происходящими цифровыми трансформациями становится актуальна проблема идентификации, оценки, мониторинга и прогнозирования налоговых рисков, как для государства, так и для налогоплательщиков. Таким образом, под налоговым риском в условиях цифровизации предлагаем понимать риски, возникающие у государства или налогоплательщика в условиях развития цифровой экономики, а также риски вследствие внедрения цифровых технологий в деятельность налоговых служб. В рамках исследования выявлены налоговые риски, возникающие в результате последствий трендов цифровой экономики. Результаты обоснования взаимосвязи влияния трендов цифровой экономики и негативных последствий для налогообложения и налогового администрирования представлены в табл. 2.

* Соцопрос РАНХиГС: в России около 17 млн самозанятых – четверть от работающего населения. Центр социально-политического мониторинга Института общественных наук (ИОН) РАНХиГС. 29.08.2019. <https://www.ranepa.ru/sciencehelp/news/socopros-ranhigs-v-rossii-okolo-17-mln-samozanyatyh-chetvert-ot-rabotayushhego-naseleniya-2/>

Таблица 1

Подходы к определению понятия «Налоговый риск»

«Налоговый риск» государства	«Налоговый риск» налогоплательщика
Вероятность недополучения налогов в бюджет и государственные внебюджетные фонды из-за задействования налогоплательщиками методов минимизации налогообложения, возможных в силу тех или иных недостатков в налоговом законодательстве (М. Р. Пинская)	Вероятность (угроза) доначисления ему налогов (сборов), пеней и штрафов в ходе налоговой проверки из-за возникших разногласий между налогоплательщиками и налоговиками в трактовке налогового законодательства, которая может обернуться для хозяйствующего субъекта действительным возрастанием налогового бремени (М. Р. Пинская)
Возможность недоимок фактических налоговых поступлений по сравнению с планом (прогнозом) как в целом по налоговым доходам бюджета, так и по отдельным видам и группам налогов (М. И. Мигунова)	Возможность для налогоплательщика понести финансовые и иные потери, связанные с процессом уплаты и оптимизации налогов, выраженные в денежном эквиваленте (Д. Н. Тихонов, Л. Г. Липник)
Невыполнение плана налоговых поступлений в бюджетную систему страны, в том числе вследствие применения налогоплательщиками «легальных» схем минимизации налоговых платежей (Л. И. Гончаренко)	Вероятность возрастания налоговой нагрузки и соответственно снижение финансового потенциала налогоплательщика (В. Г. Пансков)

Источник: составлено автором на основе [2, 7, 8]

Таблица 2

Взаимосвязь трендов цифровой экономики и налоговых рисков

Тренды цифровой экономики	Налоговые риски
Повсеместное использование сети интернет: изменение бизнес-моделей	сложность контроля сделок, совершаемых с использованием P2P-сервисов, социальных каналов, зарубежных бирж труда, как следствие – уклонение от налогов (проблемы идентификации таких предпринимателей и контроля за их деятельностью)
	размывание налоговой базы; виртуальная оффшоризация; сокращение налоговых поступлений в бюджет в связи с уходом части доходов экономических субъектов из-под действия национального налогового законодательства (беспошлинный ввоз)
Широкое распространение цифровых товаров и услуг	сокращение поступления налоговых платежей от реализации традиционных товаров и услуг; уклонение от уплаты налогов за счёт сложности отследить и идентифицировать продавцов цифровых товаров и услуг

Тренды цифровой экономики	Налоговые риски
Использование большого объёма данных	возможность расширения налоговой базы за счёт цифровых данных
Цифровые валюты и развитие рынка криптовалют	увеличение денежного потока в обход традиционной банковской системы от деятельности связанной с криптовалютой; усложнение налогового администрирования
Применение роботов, М2М, искусственного интеллекта	сокращение налоговых поступлений за счёт роботизации

Источник: составлено автором

Таким образом, можно по результатам анализа выделить основные налоговые риски государства, возникающие в условиях цифровой экономики: риск ведения незаконной предпринимательской деятельности через интернет (с помощью социальных каналов, P2P-сервисов и др.); риск уклонения от налогов из-за сложности идентификации продавцов цифрового контента; риск сокращения налоговой базы за счёт дешевизны цифровых товаров и услуг; риск уклонения от налогов криптопредпринимателей; риск снижения налоговых поступлений вследствие роботизации и др.

О применении цифровых технологий для идентификации налоговых рисков. Для налоговых органов при осуществлении налогового администрирования важно своевременно идентифицировать и оценить степень влияния и вероятность налоговых рисков. При этом эффективное управление налоговыми рисками зависит от совокупности методов и мероприятий, позволяющих прогнозировать наступление рисков событий и принимать меры для их уменьшения. С целью повышения эффективности выявления и оценки налоговых рисков в процесс налогового администрирования по всему миру активно внедряются цифровые технологии. В рамках работы проведён сравнительный анализ технологий, применяемых в налоговом администрировании, по следующим категориям: блокчейн, роботизированная автоматизация процессов, искусственный интеллект, чат-боты, биометрическая идентификация и др. В табл. 3 представлены результаты анализа применения цифровых технологий в налоговом администрировании стран АТР.

В ряде стран АТР уже не просто автоматизированы элементы налогового контроля с целью минимизации налоговых рисков, но и осуществляется роботизация и активно используются возможности искусственного интеллекта и биометрии. Общение с налогоплательщиками и консультирование их по налоговым вопросам во многих странах передано чат-ботам.

**Карта применения цифровых технологий
в налоговом администрировании стран АТР 2016–2017 гг.**

Страна	Цифровые технологии: применяются		Блокчейн		Роботизированная автоматизация процессов		Искусственный интеллект		Чат-боты		Биометрическая идентификация		Другие	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Австралия	+	+	-	-	В	В	В	В	+	+	-	-	-	
Гонконг	+	+	-	-	П	П	П	П	П	П	-	-	-	
Индия	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	
Индонезия	+	+	-	-	-	-	П	П	П	П	П	П	-	
Канада	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	
КНР	+	+	В	В	-	-	П	П	+	+	+	+	В	
Колумбия	+	+	-	-	-	-	В	В	В	В	-	-	-	
Корея	+	+	-	-	-	-	П	П	П	П	В	В	-	
Коста-Рика	-	-	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Д
Малайзия	+	+	-	П	П	В	+	+	П	П	+	+	П	
Мексика	+	+	-	П	-	В	П	П	П	В	+	+	-	
Новая Зеландия	+	+	-	-	-	-	П	П	П	П	+	+	-	
Перу	+	+	П	П	-	-	П	П	+	+	+	+	П	
Россия	+	+	П	П	+	+	П	П	П	П	П	В	-	
Сингапур	+	+	-	-	В	В	+	+	+	+	П	П	-	
США	+	+	П	П	+	+	П	П	+	+	+	+	-	
Тайланд	-	-	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Н Д	Д
Чили	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	
Япония	+	+	-	-	-	-	П	П	-	-	+	+	-	

Источник: составлено автором по материалам [16]

Примечание: «+» – используется, «-» – не используется, «П» – планируется, «В» – внедряется, «НД» – нет данных.

Взаимодействие налоговых органов с налогоплательщиками в электронном формате активно развивается и совершенствуется. С целью исследования инструментов и мер налогового контроля, основанных на цифровых технологиях, по данным официальных сайтов налоговых служб АТР обобщены практики применения цифровых технологий в разных странах. В табл. 4 представлено обобщение практик применения цифровых технологий налоговыми органами стран АТР (по состоянию на 2019 г.). Фискальные органы всех стран АТР используют информацию, в том числе большие данные, от третьих лиц о доходах и операциях налогоплательщиков для оценки налоговых рисков. Пионерами в данном направлении являются Республика Корея, США, Сингапур и Китай. Искусственный интеллект и большие данные находят своё применение не только в идентификации и оценк, но и в прогнозировании налоговых рисков.

Таблица 4

Систематизация практик применения цифровых технологий налоговыми органами стран АТР (по состоянию на 2019 г.)

Цифровые технологии	Страна	Применяемые меры и практики
Электронное взаимодействие с налогоплательщиками	США	Мобильное приложение «IRS2Go app», сервис виртуального предоставления услуг (видеоконференц-связь)
	Сингапур	Электронная система «CorpPass», сайт «myTaxPortal»
	Китай	«Alipay», «WeChat»
Предварительный расчёт возврата НДС	Чили	Приложение создаёт декларацию по НДС на основе электронных налоговых документов
Ведение электронного документооборота (электронные счета-фактуры)	ЕАЭС	Беларусь: программа АРМ «Плательщик ЕАЭС (Web)», Казахстан: посредством «Кабинета налогоплательщика») и др.
	Китай	GTS (Golden Tax System)
Использование искусственного интеллекта и больших данных, интернета вещей	США	Суперкомпьютер IBM Watson – анализ налоговых деклараций
	Ю. Корея	«Налоговый секретарь», AI для прогнозирования налоговых рисков
	Австралия	Виртуальный помощник «Алекс» – консультации налогоплательщикам
	Китай	Использование данных от крупнейших бизнес-структур для анализа налоговых рисков
Налоговый мониторинг социальных сетей	США, Китай	Отслеживание социальных сетей с целью выявления уклонения от уплаты налогов, в т. ч. операций с криптовалютой

Источник: составлено автором по данным налоговых служб исследуемых стран

Использование цифровых технологий позволяет налоговым органам решать достаточно широкий круг задач по выявлению и минимизации налоговых рисков и концептуально трансформировать парадигму налогового администрирования. Несмотря на то, что Россия не относится к числу стран-лидеров по уровню цифрового развития, государство пытается решать проблему управления налоговыми рисками в условиях цифровизации. Эволюционное развитие цифровизации налогового администрирования в России с целью минимизации налоговых рисков государства представлено в табл. 5.

Нужно отметить, что внедрение цифровых технологий отражается на эффективности работы налоговых органов. По данным ФНС России, ежегодно сокращается время проведения налоговых проверок, по итогам 2019 г. количество выездных налоговых проверок уменьшилось с 2011 г. более чем в 7 раз, а количество безрезультативных проверок сократилось в 2 раза. В 2019 г. доля проверок, результаты по которым были признаны недействительными, от общего числа проведённых проверок составила 0,36%, что почти вдвое меньше, чем в 2011 г. За период 2011–2019 гг. количество безрезультативных выездных налоговых проверок в РФ сократилось с 772 до 358. При этом за период 2011–2019 гг. наблюдается увеличение результативности выездного налогового контроля: доля проверок, по итогам которых выявлены нарушения, в процентах от общего числа проведённых проверок, увеличилась с 62,8% до 96,9%.

Внедрение налогового мониторинга с 2015 г. позволило ФНС России сократить трудозатраты на сопровождение налоговых проверок на 30%. При этом на начало 2020 г. количество участников налогового мониторинга достигло 95 компаний, которые обеспечивают 30% налоговых поступлений в федеральный бюджет [6].

В результате реализации проекта ФНС РФ по внедрению онлайн-касс за 2017–2019 гг. средняя выручка на одну кассу увеличилась в два раза. Онлайн-кассы применяют более 1,5 млн налогоплательщиков. В общей сумме количество онлайн-касс на территории РФ на начало 2020 г. составило более 3,2 млн [6].

Благодаря проведению реформы по маркировке и чипизации товаров собираемость акцизов увеличилась на 40%, при этом участниками системы маркировки стали более 10 тыс. юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, более 24% которых являются вновь зарегистрированными, что говорит, в том числе, об их выходе из «теневых секторов». За период реализации проекта количество задекларированных меховых изделий увеличилось на 51%, а перечисленные таможенные платежи выросли на 80% – с 38,7 млн долл. до 69,6 млн долл. [5].

**Эволюция цифровизации системы налогового администрирования
в России (1991–2020)**

Год	Изменения в системе налогового администрирования в условиях цифровизации
1991	внедрение ИНН для целей учёта налогоплательщиков
1992	опробованы отдельные элементы системы «АИС-Налог»
1997	создана первая версия общедоступного Интернет-сайта Госналогслужбы России
1998	начало кампании по массовому присвоению ИНН физическим лицам
2002	внедрение ЭОД как стандарта в работе территориальных налоговых органов; организовано предоставление налоговых деклараций в электронном виде
2003	организован удалённый доступ к Единому государственному реестру налогоплательщиков (ЕГРН); централизация регистрации юридических лиц по принципу «одного окна»
2010	внедрено информирование налогоплательщиков – физических лиц о суммах задолженности по налогам через «Личный кабинет налогоплательщика»;
2011	создание ФКУ «Налог-Сервис» (массовый ввод налоговой отчётности, массовая печать налоговых документов и др.); создание Федерального информационного адресного ресурса (ФИАС).
2012	внедрение сервиса электронной регистрации; запуск сервиса «Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц»; утверждение электронных форматов счетов-фактур
2013	внедрение пилотного проекта АСК НДС-2
2014	ведение в эксплуатацию АИС «Налог-3» (функциональный блок 1); введение сервиса «Личный кабинет налогоплательщика юридического лица»
2015	введение сервиса «Личный кабинет налогоплательщика индивидуального предпринимателя»; ведение в эксплуатацию АИС «Налог-3» (функциональный блок 2); внедрение АСК НДС-2
2016	внедрение онлайн-ККТ; внедрение RFID-маркировки; ведение налогового мониторинга
2017	ведение сервиса «Личный кабинет для налогоплательщиков иностранных организаций»
2018	ведение АИС «Налог-3» (функциональный блок 3); ведение информационной системы «ЕГРН ЗАГС»
2019	внедрение специального налогового режима для самозанятых граждан (мобильное приложение «Мой налог»).
2020	запущен Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчётности (ГИР БО) тестирование Национальной системы прослеживаемости импортных товаров

Источник: составлено автором на основании [6; 9]

Востребованность мобильных приложений ФНС подтверждается в том числе количеством загрузки программ в системе Google play: «Мой налог» (более 500 тыс.), «Налоги ФЛ» (более 1,1 млн), «Личный кабинет предпринимателя» (более 150 тыс.), «Проверка кассового чека» (более 120 тыс.) и т.д. Кроме того в России налогоплательщики активно используют электронные сервисы портала ФНС, что подтверждает количество обращений: «Проверка корректности заполнения счетов-фактур» (более 5,4 млрд обращений), «Сведения об ИНН физического лица» (более 395 млн), «Личный кабинет физического лица» (более 24,2 млн), «Прозрачный бизнес» (более 5 млн), «Личный кабинет индивидуального предпринимателя» (более 1,3 млн) и т.д. [6]. Данные меры способствуют увеличению сумм собранных налоговых платежей в бюджет без роста налоговой нагрузки на налогоплательщиков. Например, за период 2013–2019 гг. поступления по НДС возросли в 2,4 раза [9]. В целях обеспечения системного подхода по выявлению налоговых рисков в планах ФНС России создание виртуальной транзакционной среды – цифровой экосистемы, включающей в себя взаимосвязанные элементы: цифровую среду налогоплательщика, цифровую среду налоговых органов и цифровую среду налогового администрирования [9]. Тем не менее, наряду с положительными сторонами внедрения цифровых технологий в работу ФНС наблюдаются негативные моменты, также возникают новые виды налоговых рисков, с которыми сталкиваются как налоговые органы, так и налогоплательщики.

Классификация налоговых рисков в условиях цифровизации. Внедрение новых цифровых технологий как в бизнес-процессы, так и в систему налогового администрирования в РФ демонстрирует существенный потенциал расширения налогооблагаемой базы и повышения доходов бюджетной системы РФ. С одной стороны, усиливается налоговый контроль, с другой, появляются новые виды рисков, связанные с применением цифровых технологий в экономике в целом и налоговых органах в частности. Эффективность управления рисками во многом определяется степенью точности их классификации, которая позволяет правильно идентифицировать риски и организовать работу по управлению ими. В рамках проведённого исследования за основу построения классификации налоговых рисков в условиях цифровизации положены критерии, разработанные В. Г. Пансковым [9]. В рамках его работ налоговые риски систематизируются по факторам возникновения и по видам последствий для государства и налогоплательщика. По видам последствий для государства налоговые риски могут быть допустимыми, критическими и катастрофическими. Риски налогоплательщика по данному критерию классифицируются следующим образом: риски проверки контролирующим органом, риски увеличения налоговой нагрузки, риски потери деловой репутации и риски уголовного преследования. Основываясь на принципах построения классификации налоговых рисков В. Г. Панскова, в рамках проведённого исследования автором данной статьи были систематизированы выявленные налоговые риски в условиях цифровизации для государства (табл. 6) и для налогоплательщиков (табл. 7).

**Систематизация и оценка налоговых рисков государства
в условиях цифровизации**

Описание риска	Вероятность возникновения риска	Степень опасности потерь
Налоговые риски, обусловленные внутренними факторами		
Риск уклонения от налогов мелкого бизнеса из-за дороговизны технического оборудования (онлайн-кассы, RFID-маркировка, электронный документооборот)	В	К
Риск возникновения фиктивной задолженности из-за отражения фирмами-однодневками всех хозяйственных операций, для сокрытия от ФНС налогового разрыва и др.	В	КР
Риск минимизации налогоплательщиком налоговых обязательств (например, переход на режим для самозанятых)	В	КР
Налоговые риски, обусловленные внешними факторами		
Риск ведения незаконной предпринимательской деятельности через интернет (через социальные каналы, P2P-сервисы)	ВВ	К
Риск уклонения от налогов при использовании зарубежных бирж-труда	В	КР
Риск потери контроля над операциями, проводимыми в рамках электронных трансграничных платформ	В	КР
Риск уклонения от налогов из-за сложности идентификации продавца, осуществляющего продажу цифрового контента	В	КР
Риск сокращения налоговой базы за счёт низкой стоимости цифровых товаров и услуг и устранения посредников	В	КР
Риск уклонения криптопредпринимателей от налогов	ВВ	К
Риск снижения налоговых поступлений по НДС и страховым взносам вследствие автоматизации и роботизации	В	К
Общие риски цифровизации		
Киберриски	М	К
Операционные риски (технические сбои и неполадки)	В	Д
Риски, связанные с цифровой отстранённостью некоторых налогоплательщиков	М	Д
Риски, связанные с отсутствием интернет связи на части территории РФ	В	Д

Примечание: маловероятная (М); вероятная (В); весьма вероятная (ВВ); допустимая (Д), критическая (КР) и катастрофическая (К)

Источник: составлено автором

Налоговые риски налогоплательщиков в РФ

Наименование риска	Основание
Риски проверки контролирующим органом и увеличения налоговой нагрузки	
Риски, предусмотренные Концепцией системы планирования выездных налоговых проверок	Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@
Риски некорректной работы с онлайн-кассами	ст. 122 НК РФ, ст. 14.5, ст. КоАП РФ
Риски, связанные с внедрением электронного документооборота (электронные счета-фактуры, электронное декларирование НДС)	ст. 168 НК РФ, ст. 169 НК РФ, ст. 122 НК РФ, ст. 174 НК РФ, ст. 119 НК РФ
Риски, связанные с техническими сбоями и некорректными данными, при межведомственном взаимодействии ФНС с Росреестром и ГИБДД	Письмо ФНС России от 08.10.2012 № ПА-4-6/16857@; Соглашение о взаимодействии и взаимном информацион. обмене (03.09.2010 №ММВ-27-11/9/37) ред. 01.04.2019
Риски, связанные с использованием необоснованной налоговой выгоды	ст. 54.1 НК РФ
Риски минимизации налогов путём формального дробления бизнеса	ст. 54.1 НК РФ
Риски при совершении операций с криптовалютами (приобретение криптовалюты, обмен на другую криптовалюту или фиатные деньги, оплата товаров, работ, услуг криптовалютой, майнинг криптовалюты)	Письмо Минфина от 08.11.2018 № 03-04-07/80764; Письмо ФНС от 22.11.2018 № БС-4-11/22635@
Риски, связанные с получением дополнительного дохода (продажа товаров с помощью P2P-сервисов, социальных каналов, заработок на биржах труда и др.)	Письмо ФНС России от 07.05.2019 № СА-4-7/8614, ст. 86 НК РФ
Риски уголовного преследования	
Риски, связанные с обязательной маркировкой товаров	ст. 171.1 УК РФ
Создание фирм-однодневок с целью уклонения от уплаты налогов	ст. 173.1 УК РФ
Уклонение от уплаты налогов организацией, совершённое в крупном размере	ст. 199 УК РФ
Риски потери деловой репутации	
Риски внесения в реестр недобросовестных налогоплательщиков	ст.122 НК РФ, приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@
Киберриски, связанные с потерей/кражей данных и разглашением налоговой тайны	ст. 102 НК РФ О персональных данных: фед. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ

Источник: составлено автором

Отметим, что в рамках исследования к новым налоговым рискам государства, обусловленным внутренними факторами, были отнесены риски, связанные с цифровой трансформацией налоговой службы, внедрением новых цифровых решений в налоговое администрирование. К налоговым рискам государства, обусловленным внешними факторами, отнесены риски, связанные с влиянием трендов цифровой экономики на налоговую систему государства. Кроме того, перечень налоговых рисков дополнен общими рисками цифровизации, связанными с внедрением цифровых технологий в работу ФНС.

Принципы риск-ориентированного подхода в отношении налогоплательщиков были заложены в России ещё в 2007 г. в Концепции системы планирования выездных налоговых проверок и первоначально применялись в отношении плательщиков НДС [6]. В настоящее время ФНС на основе данных о безналичных расчётах, сведений, полученных с помощью онлайн-ККТ, данных электронных счёт-фактур, данных RFID-технологии имеет возможность реализовать риск-ориентированную модель налогового администрирования, основываясь на анализе больших данных. В рамках исследования был проведён анализ и осуществлена систематизация налоговых рисков налогоплательщиков, возникающих в условиях цифровизации, с учётом действующего законодательства (табл. 7).

При управлении налоговыми рисками важно определить, какие виды налоговых платежей затрагивают возникающие риски. Результаты анализа влияния цифровых рисков налогоплательщиков на поступление налоговых платежей в бюджет РФ по видам налогов представлены в табл. 8.

Таблица 8

Влияние цифровых налоговых рисков налогоплательщиков на основные виды налоговых платежей РФ

Наименование риска	НДС	Акцизы	Налоги на прибыль и доход	Налоги на имущество	НДФЛ	Земельный налог	Транспортный налог
Риски некорректной работы с онлайн-кассами							
Риски, связанные с внедрением электронного документооборота (электронные счета-фактуры)							
Риски, связанные с техническими сбоями и некорректными данными, при межведомственном взаимодействии ФНС с Росреестром и ГИБДД							

Риски при совершении операций с криптовалютами (приобретение криптовалюты, оплата товаров, работ, услуг криптовалютой, майнинг криптовалюты)							
Риски, связанные с получением дополнительного дохода (продажа товаров с помощью P2P-сервисов, социальных каналов и др.)							
Риски, связанные с обязательной маркировкой товаров							
Киберриски, связанные с потерей/кражей данных и разглашением налоговой тайны	Потеря деловой репутации и конкурентных преимуществ						

Источник: составлено автором

Обобщая, отметим, что налоговые риски, связанные с развитием цифровой экономики, обусловлены появлением новых бизнес-моделей и способов получения дохода, виртуализации товарно-денежных отношений (появление цифровых валют, цифровых товаров, услуг), цифровизацией отраслей экономики и системы налогового администрирования (применение робототехники, искусственного интеллекта, машинного обучения). Проведённое исследование налоговых рисков в условиях цифровизации обосновывает необходимость трансформации налогового администрирования – как отдельных процедур в отношении конкретных налогов, так и совершенствования механизма в целом. Решение проблемы налоговых рисков, по нашему мнению, требует постоянного мониторинга возникающих новых цифровых налоговых рисков и возможно при цифровых трансформациях, предполагающих полную прозрачность экономических процессов для государства, а также при переходе на новый уровень доверия между обществом и государством.

Список литературы

1. Вылкова, Е. С. Технологическая трансформация процедур налогового администрирования как фактор экономического роста / Е. С. Вылкова, Н. Г. Викторова, Н. В. Покровская // Journal of New Economy. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 53–71.
2. Гончаренко, Л. И. Налоговые риски: теория и практика управления // Финансы и кредит. – 2009. – № 2 (338). – С. 2–10.
3. Индикаторы цифровой экономики: 2019 : статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т И60 «Высшая школа экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2019. – 224 с.

4. Исследование «Экономика Рунета. Экосистема цифровой экономики России 2019». Отчет о состоянии и развитии интернет-экономики России, и его влиянии на смежные отрасли. – URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9884/> (дата обращения: 01.10.2020).

5. Налоговый кодекс Российской Федерации : часть первая : от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : (ред. от 01 апреля 2020 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 01.10.2020).

6. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. – URL: <https://www.nalog.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

7. Пансков, В. Г. Налоговые риски: проявление и возможные пути минимизации // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – № 4. – С. 74–80.

8. Пинская, М. Р. Налоговый риск: сущность и проявление // Финансы. – 2009. – № 2. – С. 43–46.

9. Синенко, О. А. Налоговые риски в косвенных налогах в условиях цифровизации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – № 3 (23). – С. 73–91.

10. Синенко, О. А. Трансформация налогообложения доходов физических лиц в условиях цифровизации экономики // Теоретическая экономика. – 2020. – № 5 (65). – С. 60–67.

11. Цифровые технологии налогового администрирования: монография с грифом НИИ образования и науки / под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 263 с. – (Серия «Magister»).

12. ЦМАКП. Развитие цифровой экосистемы: прямые и косвенные эффекты для экономики. – Москва, 2018. – URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf (дата обращения: 01.10.2020).

13. Моделирование процессов воздействия информации о проверках на риск-статусы и уклонения налогоплательщиков / Е. А. Губар, Е. М. Житкова, С. Ш. Кумачева, Г. А. Томилина. – DOI10.21638/11702/spbu10.2019.208 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Прикладная математика. Информатика. Процессы управления. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 245–258.

14. Rad, M. S. Detecting high risk taxpayers using data mining techniques : paper presented at the Proceedings – 2016 2nd International Conference of Signal Processing and Intelligent Systems, ICSPIS 2016 / M. S. Rad, A. Shahbahrani. – DOI 10.1109/ICSPIS.2016.7869895 // 2016 2nd International Conference of Signal Processing and Intelligent Systems (ICSPIS), 14–15 December 2016, Tehran, Iran. – Tehran, 2017. – URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7869895> (дата обращения: 01.10.2020).

15. Silva Pinto M. Impact of digitalization on the transformation of tax administrations. Published by IOTA, 2018, Budapest / M. Silva Pinto, A. Kővágó, M. Craw-

ford. – URL: https://www.iota-tax.org/sites/default/files/publications/public_files/impact-of-digitalisation-online-final.pdf (дата обращения: 01.10.2020).

16. Tax Administration 2017: Comparative information on OECD and other advanced and emerging economies Data tables. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/tax-administration-2017/data-tables_tax_admin-2017-21-en#page1 (дата обращения: 01.10.2020).

References

1. Vylkova E.S., Viktorova N.G., Pokrovskaya N.V. Tekhnologicheskaya transformatsiya protsedur nalogovogo administrirovaniya kak faktor ekonomicheskogo rosta [Technological transformation of tax administration procedures as a factor of economic growth]. *Journal of New Economy*, 2020, vol. 21, no. 1, pp. 53–71.

2. Goncharenko L.I. Nalogovye riski: teoriya i praktika upravleniya [Tax risks: theory and practice of management]. *Finansy i kredit*, 2009, no. 2 (338), pp. 2–10.

3. Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. et al. *Indikatoriy tsifrovoy ekonomiki: 2019: statisticheskii sbornik* [Indicators of the digital economy: 2019: statistical collection]. Moscow : High School of Economics Publ. House, 2019. 224 p.

4. *Research «Economy of Runet / Ecosystem of the digital economy of Russia 2019». Report on the state and development of the Internet economy in Russia, and its impact on related industries*. Available at: <https://raec.ru/activity/analytics/9884/> (accessed 01 October 2020). (In Russian).

5. *Tax Code of the Russian Federation: part one: from 31.07.1998 No. 146-FZ: adopted by the State. Duma 16.07.1998: (01.04.2020)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (accessed 01 October 2020) (In Russian)

6. *Federal Tax Service: Official website*. Available at: <https://www.nalog.ru/> (accessed 01 October 2020).

7. Panskov V.G. Nalogovye riski: proyavlenie i vozmozhnye puti minimizatsii [Tax risks: manifestation and possible ways of minimization]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2013, no. 4, pp. 74–80.

8. Pinskaya M.R. Nalogovyi risk: sushchnost' i proyavlenie [Tax risk: essence and manifestation]. *Finansy*, 2009, no. 2, pp. 43–46.

9. Sinenko O.A. Nalogovye riski v kosvennykh nalogakh v usloviyakh tsifrovizatsii [Tax risks in indirect taxes in the context of digitalization]. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*, 2020, no. 3 (23), pp. 73–91.

10. Sinenko O.A. Transformatsiya nalogooblozheniya dokhodov fizicheskikh lits v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Transformation of personal income taxation in the context of digitalization of the economy]. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2020, no. 5 (65), pp. 60–67.

11. Mayburov I.A., Ivanov Yu.B., eds. *Tsifrovye tekhnologii nalogovogo administrirovaniya: monografiya* [Digital technologies of tax administration: a monograph]. Moscow : UNITY-DANA Publ., 2019. 263 p.

12. *CMASF. Development of the digital ecosystem: direct and indirect effects for the economy. 2018.* Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf (accessed 01 October 2020). (In Russian).

13. Gubar E.A., Zhitkova E.M., Kumacheva S.S., Tomilina G.A. Modelirovanie protsessov vozdeistviya informatsii o proverkach na risk-statusy i ukлонeniya nalogoplatel'shchikov [Modeling of the impact of information on tax audits on the risk statuses and evasions of individuals]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Prikladnaya Matematika, Informatika, Protssesy Upravleniya*, 2019, vol. 15 (2), pp. 245–258. DOI:10.21638/11702/spbu10.2019.208.

14. Rad M.S., Shahbarami A. Detecting high risk taxpayers using data mining techniques: paper presented at the Proceedings – 2016 2nd International Conference of Signal Processing and Intelligent Systems, ICSPIS 2016. *2016 2nd International Conference of Signal Processing and Intelligent Systems (ICSPIS), 14–15 December 2016, Tehran, Iran.* Tehran, 2017. DOI 10.1109/ICSPIS.2016.7869895. Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7869895> (accessed 01 October 2020).

15. Silva Pinto M, Kővágó A., Crawford, M., *Impact of digitalization on the transformation of tax administrations.* Published by IOTA, 2018, Budapest. Available at: https://www.iota-tax.org/sites/default/files/publications/public_files/impact-of-digitalisation-online-final.pdf (accessed 01 October 2020).

16. *Tax Administration 2017: Comparative information on OECD and other advanced and emerging economies Data tables.* Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/tax-administration-2017/data-tables_tax_admin-2017-21-en#page1 (accessed 01 October 2020).

УДК 339.564:316.7(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/33-50>

И. А. Новиков¹

Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия

E-mail: novikov.ia@dvfu.ru

Н. Д. Лихарева²

Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия

E-mail: likhareva.nd@students.dvfu.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭКСПОРТА: ВЗГЛЯД ЗА ПРЕДЕЛЫ ГРАВИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕТЫРЁХ «АЗИАТСКИХ ТИГРОВ»)

Аннотация. С увеличением темпов глобализации, развитием транспортных и информационных технологий, вовлечением в международную торговлю большого количества компаний разного размера всё более широкий спектр факторов оказывает влияние на объём и географическую направленность торговли. В этой статье проверяется гипотеза, что при выходе на зарубежные рынки важную роль, наряду с географической дистанцией и ВВП стран-партнёров (классическая гравитационная модель) должна играть так называемая «психологическая дистанция». Сингапур, Гонконг, Республика Корея и Тайвань – экономики Азиатско-Тихоокеанского региона, которые показывали впечатляющие результаты развития с конца XX в. Одна из причин быстрого роста – ориентированность экономик на экспорт. В структуре внешней торговли «азиатских тигров» первичные товары составляют не более 2%. В то же время, экспорт именно производственных товаров, для которых характерно непостоянство качества, неоднородность и наличие специфических характеристик, должен быть подвержен сильному влиянию психологической дистанции. Успех таких товаров на иностранном рынке во многом зависит от индивидуальных качеств товара и маркетинговой стратегии продавца. В данной статье представлены

¹ Игорь Александрович Новиков, старший преподаватель кафедры мировой экономики, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Наталья Дмитриевна Лихарева, магистрант 2 курса, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Новиков И. А., Лихарева Н. Д. Географическая направленность экспорта: взгляд за пределы гравитационной модели (на примере четырёх «азиатских тигров») // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 33–50. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/33-50>.

результаты исследования влияния ряда факторов, помимо лежащих в основе гравитационной модели, на экспортные потоки четырёх «азиатских тигров» – Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня в 88 стран. С помощью регрессионного анализа была протестирована связь между независимыми переменными (культурная дистанция, прочие определяющие факторы психологической дистанции, разница во времени и наличие соглашений о свободной торговле) и объёмом экспорта в каждую из 88 торговых стран-партнёров. В качестве контрольных переменных выступили показатели гравитационной модели (физическое расстояние и ВВП). По результатам исследования авторы пришли к выводу, что полная картина зависимости экспортных потоков, в частности от психологической дистанции, неоднозначна. Возможно, существующие модели измерения психологической дистанции на уровне страны требуют изменений, пересмотра включаемых факторов.

Ключевые слова: международная торговля, экспорт, гравитационная модель, культурная дистанция, психологическая дистанция, определяющие факторы психологической дистанции, «азиатские тигры», Гонконг, Сингапур, Тайвань, Республика Корея, регрессионный анализ.

Igor A. Novikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: novikov.ia@dvfu.ru

Natalya D. Likhareva²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: likhareva.nd@students.dvfu.ru

GEOGRAPHICAL ORIENTATION OF EXPORT: LOOKING BEYOND THE GRAVITY MODEL (THE EXAMPLE OF FOUR "ASIAN TIGERS")

Abstract. As the pace of globalization accelerates, the transport and information technologies develop even more rapidly, and a large number of companies of different sizes get involved in international trade, wider range of factors affect the volume and geographic focus of trade. This article tests the hypothesis that while entering foreign mar-

¹ Igor A. Novikov, Assistant Professor, International Economics Department, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Natalya D. Likhareva, 2st year Master's degree student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Novikov I. A., Likhareva N. D. Geographical orientation of exports: looking beyond the gravity model (on the example of four "Asian Tigers") // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 33–50. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/33-50>.

kets, along with the geographical distance and GDP of partner countries (the classical gravity model), the "psychic distance", also, plays an important role. Singapore, Hong Kong, South Korea, and Taiwan are the economies of the Asia-Pacific region that have achieved impressive development goals since the end of the 20th century. Rapid growth was partially triggered by the export orientation of these economies. In the foreign trade structure of the "Four Asian Tigers", primary goods make up no more than 2%. At the same time, the exports of manufactured goods – which exhibit inconsistency in quality, heterogeneity, and various specific features – should be strongly influenced by the psychic distance. The success of such products sales in the foreign market largely depends on the individual qualities of the product and the seller's marketing strategy. This article presents the results of a study of the influence of a number of factors, in addition to those underlying the gravity model, on the export flows of the "Four Asian Tigers" (Singapore, Hong Kong, South Korea, and Taiwan) to 88 countries. The relationship between the explanatory variables (cultural distance, other determinants of psychic distance, time difference and the existence of free trade agreements) and the volume of exports to each of the 88 trading partners was tested by using regression analysis. The gravity model indicators (physical distance and GDP) were used as control variables. Based on the results of the study, the authors came to the conclusion that the complete picture of the dependence of export flows, in particular, on psychic distance, is ambiguous. Perhaps the existing models for measuring psychic distance at the country level require changes, a revision of the factors included.

Keywords. International trade, export, gravity model, cultural distance, psychic distance, psychic distance stimuli, Four Asian Tigers, Hong Kong, Singapore, Taiwan, Republic of Korea, regression analysis.

Введение

Экспорт – один из самых распространенных способов выхода на зарубежные рынки. Он требует меньше всего вложений, несёт в себе низкие финансовые риски, позволяет легче адаптироваться в изменяющихся условиях. Исследованию экспорта посвящено множество научных работ [12; 35; 36]. Наибольшую популярность у исследователей приобрела гравитационная модель международной торговли [2; 6], согласно которой объём двусторонней торговли зависит от величины экономик (ВВП) и расстояния между торговыми партнёрами. С увеличением темпов глобализации, развитием транспортных и информационных технологий, увеличением вовлечённости малых и средних предприятий в международную торговлю исследователи пришли к выводу, что на географическую направленность экспорта оказывает влияние более широкий спектр факторов. Было доказано, что особенности среды, характеристики фирмы и личные качества менеджеров могут способствовать или

препятствовать развитию торговли между странами [1; 24; 30; 32; 38]. Было продемонстрировано, что при выходе на зарубежные рынки важную роль играет психологическая дистанция (psychic distance) между партнёрами. Чем она меньше, тем меньше риски, транзакционные издержки, затраты на исследование рынка и адаптацию деятельности [23; 24].

Дискуссия развернулась по поводу способа измерения психологической дистанции. Так, Б. Штоттингер и Б. Шлегельмильх (Stöttinger & Schlegelmilch), Ш. О'Грейди и Г. Лейн (O'Grady & Lane), Л. Хакансон и Б. Амбос (Hakanson & Ambos) утверждают, что необходимо измерять непосредственно представления предпринимателей [20; 28; 36]. Я. Йохансон и Я-Э. Вальне (Johanson & Vahlne), Н. Боясигиллер (Boyasigiller), Д. Доу и А. Карунаратна (Dow & Karunaratna) предложили брать побуждающие факторы (stimuli) психологической дистанции и – макропоказатели, которые формируют и искажают представления менеджеров [9; 15; 23]. Объективные побуждающие факторы более стабильны, доступны и просты в измерении, по сравнению с восприятием предпринимателей в момент принятия решения. Недостаток измерения макропоказателей – психологическая дистанция неоднородна внутри страны. Д. Доу и А. Карунартна решили эту проблему, используя среднее значение побуждающих факторов в модели.

В статье мы исследуем влияние побуждающих факторов психологической дистанции на экспортные потоки четырёх «азиатских тигров»: Гонконга, Южной Кореи, Сингапура и Тайваня.

Основой быстрого развития «тигров» стала ориентация их экономик на экспорт [16]. По данным UNCTAD на 2018 г., Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань занимают 6, 7, 15 и 16 места в мире по объёму экспорта [39]. В структуре их внешней торговли первичные товары (товарная классификация Лолла) составляют не более 2% [26; 40]. Влиянию побуждающих факторов психологической дистанции подвержены только производственные товары, для которых характерно непостоянство качества, неоднородность и наличие специфических характеристик [35]. Их успех на иностранном рынке во многом зависит от индивидуальных качеств товара и маркетинговой стратегии продавца. Сырьевые продукты, которые стандартизированы и гомогенны, не зависят от культурных или деловых различий партнёров, они будут понятны на любом рынке. Мы предполагаем, что несмотря на то, что «азиатские тигры» являются активными участниками международной торговли, экономики стран ориентированы на экспорт, психологическая дистанция оказывает влияние на выбор торгового партнёра. На основе результатов, полученных Д. Доу и А. Карунартна, протестировано влияние побуждающих факторов психологической дистанции на экспортные потоки Сингапура, Гонконга, Ю. Кореи и Тайваня.

Обзор литературы

Впервые в 1956 г. У. Бекерман (Beckerman) предположил, что с развитием транспорта главной темой исследований международной торговли станет «психологическая близость» партнёров [5]. В 1970-е гг. Я. Йохансон и Ф. Видерсхайм-Пауль определили, что психологическая дистанция – это факторы, препятствующие движению информации между фирмой и рынком [24]. В дальнейшем упор стал делаться на субъективную сторону феномена, так как опыт, знания и другие личные характеристики менеджера влияют на восприятие рисков и перспектив международной деятельности. Ш. О’Греди и Г. Лейн определили психологическую дистанцию как степень неуверенности фирмы в отношении иностранного рынка, обусловленную культурными и деловыми различиями, которые препятствуют получению информации и деятельности на рынке [28]. Дж. Эванс и Ф. Мавондо (Mavondo) утверждали, что неопределённость – это отсутствие уверенности в чём-либо, что не является точным определением понятия. Дистанция подразумевает наличие схожести или отличий между странами. Исследователи определили: психологическая дистанция – это дистанция между местным и зарубежным рынками, возникающая в результате восприятия культурных и деловых различий.

В соответствии с определениями понятия различаются и подходы исследования феномена. Л. Хакансон и Б. Амбос, Дж. Эванс и Ф. Мавондо, Ш. О’Греди и Г. Лейн изучали восприятие менеджерами расстояния до зарубежного рынка и влияние побуждающих факторов психологической дистанции на него [19; 20; 28]. Восприятие психологической дистанции неоднородно на территории одной страны и непостоянно во времени, это приводит к необходимости давать оценку расстоянию в момент принятия решения ответственным лицом [31]. Данный метод позволяет избегать корреляции между факторами и выделять оказываемое ими влияние [15]. В то же время, исследователям недоступно получить данные в момент принятия решения, информация собирается уже после наступления исследуемых событий. Сложно получить необходимый объём информации для генерализации результатов. Затруднительно выявить реальную степень влияния восприятия дистанции на принятие бизнес-решения.

Д. Доу и А. Карунатна, П. Эллис (Ellis), П. Брюер (Brewer), К. Бломквист и Р. Дрогендейк (Blomkvist & Drogendijk) анализировали влияние побуждающих факторов психологической дистанции на внешнеэкономическую деятельность [8; 10; 15; 17]. Несмотря на то, что индивидуальные качества менеджеров, знания, опыт, восприимчивость к внешним факторам опосредуют величину психологической дистанции, под влиянием стимулов формируется восприятие менеджеров.

Некоторое время А. Арога и А. Фосфури (Aroga & Fosfuri), Л. Тиханьи (Tihanyi), Б. Когут и Х. Сингх (Kogut & Singh) отождествляли психологическую и культурную дистанции. В измерениях они использовали показатели Г. Хофстеде,

преобразованные в единый индекс с помощью формулы Б. Когута и Х. Сингха [3; 25; 37]. Я. Йохансон и Я. Э. Вальне (Vahlne), Б. Штоттингер и Б. Шлегельмильх, К. Соуза и Ф. Брэдли (Sousa & Bradley), Л. Хакансон и Б. Амбос, Х. Берри, М. Гильен и Н. Чжоу (Berry, Guillen, & Zhou) доказали, что культурные различия – только один из побуждающих факторов [7; 20; 23; 33; 36]. Психологическая дистанция – сложное явление, которое складывается из множества факторов. В него включают как культурные, так и деловые различия.

Внимание исследователей психологической дистанции привлекает широкий диапазон экономических явлений: прогнозирование выбора экспортного рынка П. Эллиса (Ellis) [17], торговых потоков Д. Доу и А. Карунаратны [15], потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) К. Бломквист и Р. Дрогендейка (Blomkvist & Drogendijk) [8], режима выхода на зарубежный рынок К. Мейера (Meyer) [27] и деятельности фирм на внешних рынках Дж. Эванса и Ф. Мавондо [18].

Представленные методы широко применяются для измерения психологической дистанции в контексте исследования бизнес-процессов отдельных стран, например, изучения ПИИ Словакии Д. Доу и С. Ференчиковой (Ferencikova) [14], Китая К. Бломквист и Р. Дрогендейка [8], маркетинговой стратегии Бразилии К. Соузы и Х. Ленглера (Lengler) [34], выбора экспортного рынка Австралии П. Брюера [10].

В работе проведено исследование влияния побуждающих факторов психологической дистанции на географическую направленность экспорта Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня. Для оценки психологической дистанции мы руководствовались методом измерения макроэкономических показателей: культурной и географической дистанций, языковых, религиозных, политических и экономических различий, которые, как предполагается, будут оказывать влияние на объём торговли.

Культурные различия – наиболее значимый и активно исследуемый фактор психологической дистанции [22; 23; 25; 29]. Особенности национальной культуры влияют на передачу, обработку и восприятие информации индивидами. Чем больше культурные различия, тем больше риск недопонимания, выше транзакционные издержки. Предпочтения, привычки и вкусы иностранного потребителя могут отличаться от тех, которые привык видеть продавец на местном рынке [29]. Недостаток знаний и опыта приводит к тому, что различия в культуре недооцениваются. Ш. О'Греди и Г. Лейн продемонстрировали, что необоснованное восприятие целевого рынка как «культурно близкого» может привести к провалу торговой кампании [28].

Гипотеза 1: Культурная дистанция отрицательно связана с объёмом экспорта: а) Сингапура; б) Гонконга; в) Ю. Кореи; г) Тайваня.

Психологическая дистанция – сложный феномен, который складывается из множества факторов. К. Соуза и Ф. Брэдли, А. Арора и А. Фосфури включали в мо-

дели показатель языковых различий [3; 33]. Эффективность коммуникации между иностранными фирмами во многом зависит от владения языком. Языковые различия, как и культурные, будут увеличивать риски недопонимания и величину транзакционных издержек.

К. Бломквист и Р. Дрогендейк, Д. Доу и А. Карунаратна выделяют религиозные различия [8, 15]. Данный показатель реже исследуются авторами, чем предыдущие. Многие культурные нормы и обычаи произрастают из религии, что порождает недопонимание и конфессиональные конфликты.

Дж. Эванс и Ф. Мавондо, Б. Штоттингер и Б. Шлегельмильх, Л. Хакансон и Б. Амбос, Д. Доу и А. Карунаратна в понятие психологической дистанции включают деловые различия [15; 18; 20; 36]. Уровень развития экономики во многом оказывает влияние на стиль и нормы общения в бизнес-среде. Взаимодействие в аграрной стране будет отличаться от коммуникации в постиндустриальном обществе. Различия в ведении бизнеса будут создавать дополнительные издержки при торговле товарами. От размера экономики зависит распространённость информации о культуре, деловом климате и прочих особенностях внутреннего рынка [20]. Чем меньше доступно информации о зарубежном рынке, тем больше рисков видит компания.

Д. Доу и А. Карунаратна предположили, что на величину трансграничной торговли оказывают влияние различия в уровне образования [15]. От образования зависит, как люди воспринимают, анализируют и интерпретируют информацию. Различия в образовании увеличивают затраты и риски недопонимания.

П. Брюер, К. Бломквист и Р. Дрогендейк, Х. Берри и др. выделяют политические различия между странами как один из побуждающих факторов психологической дистанции [7; 8; 10]. Во многих странах государство играет ключевую роль в сфере бизнеса. Государственные институты влияют на структуру и способы взаимодействия организаций. В зависимости от проводимой политики местные органы власти будут по-разному реагировать на зарубежную экономическую экспансию. Правительство может как содействовать проникновению зарубежной продукции, так и, напротив, устанавливать барьеры для входа на рынок.

Гипотеза 2: Прочие факторы психологической дистанции отрицательно связаны с объёмом экспорта: а) Сингапура; б) Гонконга; в) Ю. Кореи; г) Тайвань.

Д. Доу и А. Карунаратна включали в модель ещё один показатель – временные зоны [15]. Показатель практически не встречается в исследованиях, так как сильно коррелирует с географической дистанцией. Д. Доу и А. Карунаратна решили проблему с помощью стандартизированных остатков, которые получили при регрессии географического расстояния на разницу часовых поясов. Остатки – компонент разницы во времени, которая не зависит от географического расстояния.

Разница во времени не создаёт сложности в восприятии и интерпретации информации, но увеличивает риски, связанные с отсутствием актуальных и своевременных данных, усложняет взаимодействие между отдалёнными регионами.

Гипотеза 3: Различия во временных зонах отрицательно связаны с объёмами экспорта: а) Сингапура; б) Гонконга; в) Ю. Кореи; г) Тайваня.

Э.-С. Дисдиа и К. Хед (Disdier & Head), Р. Шривастава и Р. Грина (Srivastava & Green) включали в модель исследования двусторонней торговли показатель наличия соглашений о свободной торговле [13; 35]. Наличие соглашений о свободной торговле уменьшает количество барьеров на пути движения товаров, услуг, рабочей силы, капитала и информации. Соглашения должны содействовать увеличению торговли между странами.

Гипотеза 4: Соглашения о свободной торговле положительно связаны с объёмами экспорта: а) Сингапура; б) Гонконга; в) Ю. Кореи; г) Тайваня.

Методы исследования

В работе методом регрессионного анализа мы оценивали влияние побуждающих факторов психологической дистанции на экспорт Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня в 88 стран. Мы руководствовались результатами, полученными Д. Доу и А. Карунаратна [15]. В модель были включены 4 переменных, которые, как предполагается, являются побуждающими факторами психологической дистанции и оказывают влияние на объёмы торговли «азиатских тигров». Все факторы являются независимыми, мультиколлинеарность отсутствует. В качестве контрольных переменных в исследовании выступают показатели гравитационной модели: ВВП и географическое расстояние.

Данные ЮНКТАД позволили собрать информацию об объёме экспорта Сингапура, Гонконга, Ю. Кореи и Тайваня за 2018 г. по странам [41].

Данные географического расстояния были взяты с сайта французского исследовательского центра СЕРП [42]. Данные по ВВП рассчитаны в текущих долларах США на 2018 г. Всемирным банком [43].

Культурная дистанция была рассчитана на основе шести показателей Хофстеде [44] с помощью комплексного индекса Б. Когута и Х. Сингха:

$$CD = \sum \{(I_i - I_j)^2 / V_i\} / n,$$

где I_{ij} – культурный показатель для i и j страны соответственно, V – дисперсия, n – количество слагаемых [25].

В качестве показателей языковых, религиозных, индустриальных, политических различий и разницы в уровне образования были взяты средние индексы, рассчитанные Д. Доу [4; 21; 45–51].

Три измерения отражают языковые различия между парой стран: пятибалльная шкала, которая отражает различия основных языков; доля населения страны i , которая может говорить на языке страны j ; доля населения страны j , которая может говорить на языке страны i [15; 52].

Три измерения отражают религиозные различия: пятибалльная шкала, которая показывает различия между доминирующими религиями пары стран; доля населения страны i , принадлежащая к главенствующей религии страны j ; доля населения страны i , принадлежащая к главенствующей религии страны j [15; 46–48].

Экономическое развитие характеризуют 9 показателей: ВВП на душу населения, потребление энергии на душу населения, автомобили в собственности на 1000 человек, доля населения, занятого не в аграрном секторе, уровень урбанизации, показатели развития коммуникационных технологий (газеты, радио, телефоны и телевизоры на 1000 человек) [15, 49, 50]. Данный показатель, в отличие от показателя ВВП, включённого в гравитационную модель, отражает структуру экономического развития стран.

Три показателя отражают различия в уровне образования: разница в уровне грамотности между странами; доля населения, включённого в образование второго уровня; доля населения, включённого в образование третьего уровня [15, 49, 50].

Четыре измерения отражают политические различия между парой стран: шкала POLCON В. Хениса (Henisz); показатель Т. Гарра (Gurr) POLITY IV; показатели политических прав и гражданских свобод от Freedom House [21, 45, 51].

Пять побуждающих факторов психологической дистанции были интегрированы в один показатель с помощью индекса Б. Когута и Х. Сингха.

$$PD = \sum \{(I_{ij})^2 / V_i\} / 5,$$

где I_{ij} – расстояние между i и j страной, V – дисперсия [14, 25].

Показатель, отражающий временные зоны, представляет собой стандартизированные остатки, полученные путём регрессии географического расстояния на разницу во времени [15].

Соглашения о свободной торговле – это фиктивная переменная, где 1 – подписанное соглашение, 0 – отсутствие договорённостей.

Результаты исследования

В ходе исследования нами были получены следующие результаты. Из табл. 1 видно, что гипотеза 1 не была опровергнута. Подтвердилась гипотеза 1.а – куль-

турная дистанция оказывает отрицательное влияние на экспортные потоки Сингапура. Гипотеза 1.б не была полностью опровергнута. Как показывают результаты регрессии, культурная дистанция оказывает положительное влияние на экспортные потоки Гонконга. Возможно, полученные результаты связаны с колониальным прошлым страны, а также ролью офшорной зоны и налоговой гавани. Возможно, причина – отношения с материковым Китаем.

Таблица 1

Результаты регрессии

Показатель	Страна			
	Сингапур	Гонконг	Корея	Тайвань
GDP (ln)	0,874(***)	0,976(***)	0,942(***)	0,943(***)
GDIST (ln)	-0,0001(***)	-0,820(***)	-0,0001(***)	-1,355(***)
CULTDIST	-0,257(*)	0,208(*)	-0,019	0,039
PSYDISTMISC	0,143	0,032	-0,000	-0,248(***)
TIMEZONE	-0,416(***)	0,008	-0,152	0,0006
FTA	0,946(***)	0,668(**)	0,438(*)	1,504(***)
R2	0,683	0,832	0,725	0,836

* p<10% ** p<5% *** p<1%

GDP (ln) – ВВП, GDIST (ln) – географическая дистанция, CULTDIST – культурная дистанция, PSYDISTMISC – прочие побуждающие факторы психологической дистанции, TIMEZONE – часовые пояса, FTA – наличие соглашений о свободной торговле.

Гипотеза 1 была опровергнута в случае Кореи и Тайваня. В последние два десятилетия роль Кореи на международной арене увеличивается. Растёт популярность корейской культуры. Вместе с этим сокращается культурная дистанция в отношении корейской продукции, её становится проще продавать на зарубежных рынках. С ростом интернационализации фирм рождается эффект «большого взрыва», когда через сетевые отношения всё больше и больше компаний втягивается в международную деятельность [11].

Гипотеза 2 не была опровергнута. Подтвердилась гипотеза 2.г, психологическая дистанция оказывает отрицательное влияние на экспорт Тайваня. Гипотезы 2.а, 2.б и 2.в были опровергнуты, психологическая дистанция не оказывает влияния на экспортные потоки Сингапура, Гонконга и Кореи. Рост макроэкономических показателей «азиатских тигров» тесно связан с объёмами экспорта. Для осуществления восточноазиатского чуда «азиатские тигры» наладили тесные экономические и политические связи с разными странами, вне зависимости от уровня их развития или культурных различий между ними. В Сингапуре и Гонконге английский язык – официальный, что снижает уровень психологической дистанции. В рамках государ-

ственных программ студенты и работники предприятий обучаются, проходят стажировки и обмениваются опытом в зарубежных странах.

Гипотеза 3 не была полностью опровергнута. Подтвердилась гипотеза 3.а, разница часовых поясов оказывает влияние на экспортные потоки Сингапура. Гипотезы 3.б, 3.в и 3.г были опровергнуты, разница часовых поясов не оказывает влияния на экспорт Гонконга, Кореи и Сингапура. Возможно, это связано с тем, что с развитием коммуникационных технологий доступность актуальной информации растёт, а влияние разницы во времени снижается.

Гипотеза 4 подтвердилась, наличие соглашений о свободной торговле оказывает положительное влияние на экспортные потоки «азиатских тигров».

Обсуждение результатов

Можно сделать вывод, что на экспортные потоки «азиатских тигров» сильнее всего влияет наличие соглашений о свободной торговле. На экспорт Сингапура и Гонконга влияет культурная дистанция. Прочие факторы психологической дистанции оказывают влияние только на экспортные потоки Тайваня.

Таким образом, полная картина зависимости экспортных потоков от психологической дистанции не ясна. В отличие от более ранних исследований, включая базовое исследование стимулов психологической дистанции Д. Доу и А. Карунаратны [15], мы обнаружили, что не все побуждающие факторы ведут себя одинаково в контексте экспортных потоков «азиатских тигров»: некоторые побуждающие факторы, в противоположность ожидаемым результатам, оказывают положительное влияние на экспорт. Психологическая дистанция зависит от субъективных оценок расстояния между странами, поэтому важно учитывать особенности страны, для которой она измеряется. В существующей литературе мало внимания уделяется вопросу, какие побуждающие факторы стоит использовать в определённом контексте. Результаты нашего исследования показали, что побуждающие факторы психологической дистанции специфичны для каждой страны, а не универсальны. При выборе показателей для модели необходимо учитывать культурные и институциональные особенности страны или региона.

Заключение

Данное исследование продемонстрировало несовершенство методов измерения психологической дистанции с помощью макропоказателей. Полученные результаты нельзя генерализировать, требуется их последующая проверка на данных других экономик и временных рядов. В дальнейшем для увеличения объясняющей способности модели возможно добавление новых переменных или уточнение уже имеющихся с учётом особенностей контекста. Возможен переход от исследования психологической дистанции на уровне экономики к рассмотрению конкретных случаев интернационализации компаний.

Список литературы

1. Ambos, B. The concept of distance in international management research / B. Ambos, L. Håkanson // *Journal of International Management*. – 2014. – Vol. 1 (20). – P. 1–7.
2. Anderson, J. E. A Theoretical foundation for the gravity equation // *American Economic Review*. – 1979. – Vol. 1 (69). – P. 106–116.
3. Arora, A. Wholly owned subsidiary versus technology licensing in the worldwide chemical industry / A. Arora, A. Fosfuri // *Journal of International Business Studies*. – 2000. – Vol. 4 (31). – P. 555–572.
4. New tools in comparative political economy: the database of political institutions / T. Beck [et al.] // *The World Bank Economic Review*. – 2001. – Vol. 1 (15). – P. 165–176.
5. Beckerman, W. Distance and the pattern of intra-european trade // *The Review of Economics and Statistics*. – 1956. – Vol. 1 (38). – P. 31–40.
6. Bergstrand, J. H. The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence // *The Review of Economics and Statistics*. – 1985. – Vol. 3 (67). – P. 474–481.
7. Berry, H. An institutional approach to cross-national distance / H. Berry, M. F. Guillen, N. Zhou // *Journal of International Business Studies*. – 2010. – Vol. 9 (41). – P. 1460–1480.
8. Blomkvist, K. The impact of psychic distance on chinese outward foreign direct investments / K. Blomkvist, R. Drogendijk // *Management International Review*. – 2013. – Vol. 53. – P. 659–686.
9. Boyacigiller, N. The role of expatriates in the management of interdependence complexity and risk in multinational corporations // *Journal of International Business Studies*. – 1990. – Vol. 3 (21). – P. 357–381.
10. Brewer, P. Psychic distance and australian export market selection // *Australian Journal of Management (University of New South Wales)*. – 2007. – Vol. 1 (32). – P. 73–94.
11. Buckley, P. J. A longitudinal study of the internationalisation process in a small sample of pharmaceutical and scientific instrument companies / P. J. Buckley, M. Chapman // *Journal of Marketing Management*. – 1997. – Vol. 1–3 (13). – P. 43–55.
12. Cavusgil, S. T. Internal determinants of export marketing behavior: an empirical investigation / S. T. Cavusgil, J. R. Nevin // *Journal of Marketing Research*. – 1981. – Vol. 1 (18). – P. 114–119.
13. Disdier, A. The puzzling persistence of the distance effect on bilateral trade / A. Disdier, K. Head // *Review of Economics and Statistics*. – 2008. – Vol. 1 (90). – P. 37–48.
14. Dow, D. The measurement and impact of psychic distance: testing new scales on FDI in Slovakia / D. Dow, S. Ferencikova // *European International Business Academy*. – 2007. – Vol. 33. – P. 1–26.

15. Dow, D. Developing a multidimensional instrument to measure psychic distance stimuli / D. Dow, A. Karunaratna // *Journal of International Business Studies*. – 2006. – Vol. 5 (37). – P. 578–602.
16. Easterly, W. explaining miracles: growth regressions meet the gang of four // *Growth Theories in Light of the East Asian Experience*. – 1995. – Vol. 4 (11). – P. 267–299.
17. Ellis, P. D. Does psychic distance moderate the market size-entry sequence relationship? // *Journal of International Business Studies*. – 2008. – Vol. 3 (39). – P. 351–369.
18. Evans, J. Psychic of distance performance: an organizational operations / J. Evans, F. T. Mavondo // *International Business*. – 2002. – Vol. 3 (33). – P. 515–532.
19. Evans, J. Explaining export development through psychic distance / J. Evans, A. Treadgold, F. Mavondo // *International Marketing Review*. – 2000. – Vol. 2 (17). – P. 164–169.
20. Hakanson, L. The antecedents of psychic distance / L. Hakanson, B. Ambos // *Journal of International Management*. – 2010. – Vol. 3 (16). – P. 195–210.
21. Henisz, W. J. The institutional environment for economic growth // *Economics and Politics*. – 2000. – Vol. 1 (12). – P. 1–31.
22. Hofstede, G. Dimensionalizing cultures: the hofstede model in context // *Online Readings in Psychology and Culture*. – 2011. – Vol. 1 (2). – P. 1–26.
23. Johanson, J. The internationalization process of the Firm-A model of knowledge development and increasing foreign market / J. Johanson, J.-E. Vahlne // *Journal of International Business Studies*. – 1977. – Vol. 1 (8). – P. 23–32.
24. Johanson, J. The internationalization of the firm – four Swedish cases / J. Johanson, P. F. Wiedersheim // *Journal of Management Studies*. – 1975. – Vol. 3 (12). – P. 305–323.
25. Kogut, B. The effect of national culture on the choice of entry mode / B. Kogut, H. Singh // *Journal of International Business Studies*. – 1988. – Vol. 3 (19). – P. 411–432.
26. Lall, S. The technological structure and performance of developing country manufactured exports, 1985–1998 // *Oxford Development Studies*. – 2000. – Vol. 3 (28). – P. 337–369.
27. Meyer, K. Institutions, transaction costs, and entry mode choice in Eastern Europe // *Journal Of International Business Studies*. – 2001. – Vol. 2 (32). – P. 357–367.
28. O’Grady, S. The psychic distance paradox / S. O’Grady, H. W. Lane // *Journal of International Business Studies*. – 1996. – Vol. 27 (2). – P. 309–333.
29. Ojala, A. Geographic, cultural, and psychic distance to foreign markets in the context of small and new ventures // *International Business Review*. – 2015. – Vol. 5 (24). – P. 825–835.
30. Oviatt, B. M. The internationalization of new ventures: a risk management model / B. M. Oviatt, R. C. Shrader, P. P. McDougall // *Advances in International Management*. – 2004. – Vol. 16. – P. 165–185.

31. Shenkar, O. Cultural distance revisited: towards a more rigorous conceptualization and measurement of cultural differences // *Journal of International Business Studies*. – 2001. – Vol. 3 (32). – P. 519–535.
32. Shirokova, G. The role of social networks and institutions in the internationalization of Russian entrepreneurial firms: Do they matter? / G. Shirokova, P. McDougall-Covin // *Journal of International Entrepreneurship*. – 2012. – Vol. 3 (10). – P. 177–199.
33. Sousa, C. M. P. Cultural distance and psychic distance: two peas in a pod? / C. M. P. Sousa, F. Bradley // *Journal of International Marketing*. – 2006. – Vol. 1 (14). – P. 49–70.
34. Sousa, C. M. P. Psychic distance, marketing strategy and performance in export ventures of Brazilian firms / C. M. P. Sousa, J. Lengler // *Journal of Marketing Management*. – 2009. – Vol. 5–6 (25). – P. 591–610.
35. Srivastava, R. K. Determinants of bilateral trade flows / R. K. Srivastava, R. T. Green // *The Journal of Business*. – 1986. – Vol. 4 (59). – P. 623–640.
36. Stottinger, B. Explaining export development through psychic distance: enlightening or elusive? / B. Stottinger, B. B. Schlegelmilch // *International Marketing Review*. – 1998. – Vol. 5 (15). – P. 357–372.
37. The effect of cultural distance on entry mode choice, international diversification, and MNE performance: a meta-analysis / L. Tihanyi [et al.] // *Journal of International Business Studies*. – 2005. – Vol. 36. – P. 270–283.
38. Virvilaite, R. The influence of psychic distance on export performance: The moderating effects of international experience / R. Virvilaite, B. Seinauskiene // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 213. – P. 665–670.
39. The World Factbook – Central Intelligence Agency. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2078rank.html> (дата обращения: 01.10.2020).
40. UNCTADstat. – URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/> (дата обращения: 01.10.2020).
41. UNCTAD. – URL: <http://unctad.org/en/Pages/Home.aspx> (дата обращения: 01.10.2020).
42. CEPII – GeoDist. – URL: http://www.cepii.fr/cepii/en/bdd_modele/presentation.asp?id=6 (дата обращения: 01.10.2020).
43. The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD> (дата обращения: 01.10.2020).
44. National Culture – Hofstede Insights. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/models/national-culture/>.
45. Melbourne Business School. – URL: <https://sites.google.com/site/ddowresearch/home> (дата обращения: 01.10.2020).

46. World Christian Database. – URL: <http://worldchristiandatabase.org/wcd/about/more.asp> (дата обращения: 01.10.2020).
47. CIA Factbook, 2002. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/download/download-2002/index.html> (дата обращения: 01.10.2020).
48. The Jewish Agency. – URL: <http://www.jewishagency.org/> (дата обращения: 01.10.2020).
49. United Nations Statistics Division - Demographic and Social Statistics. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/socind/> (дата обращения: 01.10.2020).
50. UNSD – Statistical Yearbook. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/publications/statistical-yearbook/past-issues/> (дата обращения: 01.10.2020).
51. Freedom House – Championing Democracy. – URL: <https://freedomhouse.org/> (дата обращения: 01.10.2020).
52. Ethnologue: languages of the world / ed. by R. G. Gordon, Jr. – 15th ed. – Dallas : SIL International, 2005. – 272 p.

References

1. Ambos B., Håkanson L. The concept of distance in international management research. *Journal of International Management*, 2014, vol. 1 (20), pp. 1–7.
2. Anderson J.E. A theoretical foundation for the gravity equation. *American Economic Review*, 1979, vol. 1 (69), pp. 106–116.
3. Arora A., Fosfuri A. Wholly owned subsidiary versus technology licensing in the worldwide chemical industry. *Journal of International Business Studies*, 2000, vol. 4 (31), pp. 555–572.
4. Beck T. et al. New tools in comparative political economy: the database of political institutions. *The World Bank Economic Review*, 2001, vol. 1 (15), pp. 165–176.
5. Beckerman W. Distance and the pattern of intra-European trade. *The Review of Economics and Statistics*, 1956, vol. 1 (38), pp. 31–40.
6. Bergstrand J.H. The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence. *The Review of Economics and Statistics*, 1985, vol. 3 (67), pp. 474–481.
7. Berry H., Guillen M.F., Zhou N. An institutional approach to cross-national distance. *Journal of International Business Studies*, 2010, vol. 9 (41), pp. 1460–1480.
8. Blomkvist K., Drogendijk R. The impact of psychic distance on Chinese outward foreign direct investments. *Management International Review*, 2013, vol. 53, pp. 659–686.
9. Boyacigiller N. The role of expatriates in the management of interdependence complexity and risk in multinational corporations. *Journal of International Business Studies*, 1990, vol. 3 (21), pp. 357–381.

10. Brewer P. Psychic distance and australian export market selection. *Australian Journal of Management (University of New South Wales)*, 2007, vol. 1 (32), pp. 73–94.
11. Buckley P.J., Chapman M. A longitudinal study of the internationalisation process in a small sample of pharmaceutical and scientific instrument companies. *Journal of Marketing Management*, 1997, vol. 1–3 (13), pp. 43–55.
12. Cavusgil S.T., Nevin J.R. Internal determinants of export marketing behavior: an empirical investigation. *Journal of Marketing Research*, 1981, vol. 1 (18), pp. 114–119.
13. Disdier A., Head K. The puzzling persistence of the distance effect on bilateral trade. *Review of Economics and Statistics*, 2008, vol. 1 (90), pp. 37–48.
14. Dow D., Ferencikova S. The measurement and impact of psychic distance: testing new scales on FDI in Slovakia. *European International Business Academy*, 2007, vol. 33, pp. 1–26.
15. Dow D., Karunaratna A. Developing a multidimensional instrument to measure psychic distance stimuli. *Journal of International Business Studies*, 2006, vol. 5 (37), pp. 578–602.
16. Easterly W. Explaining miracles: growth regressions meet the gang of four. *Growth Theories in Light of the East Asian Experience*, 1995, vol. 4 (11), pp. 267–299.
17. Ellis P.D. Does psychic distance moderate the market size-entry sequence relationship? *Journal of International Business Studies*, 2008, vol. 3 (39), pp. 351–369.
18. Evans J., Mavondo F.T. Psychic of distance performance: an organizational operations. *International Business*, 2002, vol. 3 (33), pp. 515–532.
19. Evans J., Treadgold A., Mavondo F. Explaining export development through psychic distance. *International Marketing Review*, 2000, vol. 2 (17), pp. 164–169.
20. Hakanson L., Ambos B. The antecedents of psychic distance. *Journal of International Management*, 2010, vol. 3 (16), pp. 195–210.
21. Henisz W.J. The Institutional environment for economic growth. *Economics and Politics*, 2000, vol. 1 (12), pp. 1–31.
22. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011, vol. 1 (2), pp. 1–26.
23. Johanson J., Vahlne J.-E. The internationalization process of the Firm-A model of knowledge development and increasing foreign market. *Journal of International Business Studies*, 1977, vol. 1 (8), pp. 23–32.
24. Johanson J., WiedersheimPaul F. The internationalization of the firm – four swedish cases. *Journal of Management Studies*, 1975, vol. 3 (12), pp. 305–323.
25. Kogut B., Singh H. The effect of national culture on the choice of entry mode. *Journal of International Business Studies*, 1988, vol. 3 (19), pp. 411–432.
26. Lall S. The technological structure and performance of developing country manufactured exports, 1985–1998. *Oxford Development Studies*, 2000, vol. 3 (28), pp. 337–369.

27. Meyer K. Institutions, transaction costs, and entry mode choice in Eastern Europe. *Journal of international business studies*, 2001, vol. 2 (32), pp. 357–367.
28. O'Grady S., Lane H.W. The psychic distance paradox. *Journal of International Business Studies*, 1996, vol. 27 (2), pp. 309–333.
29. Ojala A. Geographic, cultural, and psychic distance to foreign markets in the context of small and new ventures. *International Business Review*, 2015, vol. 5 (24), pp. 825–835.
30. Oviatt B.M., Shrader R.C., McDougall P.P. The internationalization of new ventures: a risk management model. *Advances in International Management*, 2004. (16), pp. 165–185.
31. Shenkar O. Cultural distance revisited: towards a more rigorous conceptualization and measurement of cultural differences. *Journal of International Business Studies*, 2001, vol. 3 (32), pp. 519–535.
32. Shirokova G., McDougall-Covin P. The role of social networks and institutions in the internationalization of Russian entrepreneurial firms: Do they matter? *Journal of International Entrepreneurship*, 2012, vol. 3 (10), pp. 177–199.
33. Sousa C.M.P., Bradley F. Cultural distance and psychic distance: two peas in a pod? *Journal of International Marketing*, 2006, vol. 1 (14), pp. 49–70.
34. Sousa C.M.P., Lengler J. Psychic distance, marketing strategy and performance in export ventures of Brazilian firms. *Journal of Marketing Management*, 2009, vol. 5–6 (25), pp. 591–610.
35. Srivastava R.K., Green R.T. Determinants of bilateral trade flows. *The Journal of Business*, 1986, vol. 4 (59), pp. 623–640.
36. Stottinger B., Schlegelmilch B.B. Explaining export development through psychic distance: enlightening or elusive? *International Marketing Review*, 1998, vol. 5 (15), pp. 357–372.
37. Tihanyi L. et al. The effect of cultural distance on entry mode choice, international diversification, and MNE performance: a meta-analysis. *Journal of International Business Studies*, 2005. (36), pp. 270–283.
38. Virvilaite R., Seinauskiene B. The influence of psychic distance on export performance: The moderating effects of international experience. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 213, pp. 665–670.
39. *The World Factbook – Central Intelligence Agency*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2078rank.html> (accessed 01 October 2020).
40. *UNCTADstat*. Available at: <http://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed 01 October 2020).
41. *UNCTAD*. Available at: <http://unctad.org/en/Pages/Home.aspx> (accessed 01 October 2020).

42. *CEPII – GeoDist*. Available at: http://www.cepii.fr/cepii/en/bdd_modele/presentation.asp?id=6 (accessed 01 October 2020).
43. *The World Bank*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 01 October 2020).
44. *National Culture – Hofstede Insights*. Available at: <https://www.hofstede-insights.com/models/national-culture/> (accessed 01 October 2020).
45. *Melbourne Business School*. Available at: <https://sites.google.com/site/ddowresearch/home>.
46. *World Christian Database*. Available at: <http://worldchristiandatabase.org/wcd/about/more.asp> (accessed 01 October 2020).
47. *CIA Factbook, 2002*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/download/download-2002/index.html> (accessed 01 October 2020).
48. *The Jewish Agency*. Available at: <http://www.jewishagency.org/> (accessed 01 October 2020).
49. *United Nations Statistics Division – Demographic and Social Statistics*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/socind/> (accessed 01 October 2020).
50. *UNSD – Statistical Yearbook*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/publications/statistical-yearbook/past-issues/> (accessed 01 October 2020).
51. *Freedom House – Championing Democracy*. Available at: <https://freedomhouse.org/> (accessed 01 October 2020).
52. Gordon R.G., Jr., ed. *Ethnologue: Languages of the World*. 15th ed. Dallas: SIL International, 2005. 272 p.

УДК 339.5(470:510):614

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/51-67>

В. О. Намжилова¹, Бурятский научный центр СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
E-mail: dayavika@yandex.ru

ПАНОРАМА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ И ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье рассматривается динамика развития российско-китайской торговли, расширению которой способствует целый ряд факторов, включая снижение взаимных торговых ограничений, действие антироссийских торговых санкций со стороны западных стран, реализацию совместных проектов в энергетике. Автор отмечает, что при сохранении очевидного приоритета сотрудничества в нефтегазовой сфере идёт работа по диверсификации экспорта в части его неэнергетического сектора, а именно – развития экспортного потенциала отечественного агропромышленного комплекса. Динамичной сферой российско-китайских торговых отношений становится международная торговля услугами, что обусловлено бурным развитием туризма и ростом взаимного коммерческого присутствия. Однако в ситуацию вносит коррективы распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Обстановка высокой степени неопределённости в мире, где постепенно большинству стран пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, закрывая государственные границы, приостанавливая производство, вводя серьёзные ограничения перемещения и тотальный контроль, уже негативно сказалась на ряде направлений двусторонней торговли.

Ключевые слова: российско-китайская торговля, внешнеторговый баланс, структурные сдвиги, активное сальдо, торговля услугами, экспорт энергоносителей, поставки сельхозпродукции, импорт продукции машиностроения, удвоение товарооборота, пандемия COVID-19.

¹ Виктория Очировна Намжилова, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Бурятский научный центр СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Для цитирования: Намжилова В. О. Панорама российско-китайской торговли и влияние пандемии COVID-19 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 51–67. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/51-67>.

Victoria O. Namzhilova¹, Buryat Scientific Centre of SB RAS, Ulan-Ude, Russia
E-mail: dayavika@yandex.ru

PANORAMA OF RUSSIAN-CHINESE TRADE AND THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. The article examines the dynamics of Russian-Chinese trade development, the expansion of which is facilitated by a number of factors, including the reduction of mutual trade restrictions, the effect of economic sanctions against Russia, and the implementation of joint projects in the energy sector. The author notes that while maintaining the obvious priority of cooperation in the oil and gas sector, work on export diversification has tended in terms of its non-energy sector, namely, to develop the export potential of the domestic agro-industrial complex. Due to the rapid development of tourism and the growth of business activity international trade in services becomes a dynamic sphere of Russian-Chinese trade relations. However, the situation is being corrected by the spread of a new coronavirus infection (COVID-19). The high degree of uncertainty in the world, where gradually most countries had to resort to emergency measures, closing state borders, suspending production, imposing severe restrictions on movement and total control, has already negatively affected a number of areas of bilateral trade.

Keywords: Russian-Chinese trade, foreign trade balance, structural shifts, trade surplus, services trade, energy exports, agricultural supplies, import of mechanical engineering products, mutual trade doubling, the COVID-19 pandemic.

Динамика российско-китайской торговли. Торговые отношения между Россией и Китаем в последние несколько лет отличаются высокой положительной динамикой: внешнеторговый оборот вырос с 59,3 млрд долл. в 2010 г. до 110,9 млрд долл. в 2019 г. Исключением стало сокращение торговли в 2015 г. вследствие падения мировых цен на основной экспортный товар – нефть, а также резкого снижения курса рубля. Расширению торговли в последние годы способствовал целый ряд факторов, включая снижение взаимных торговых ограничений, действие анти-российских торговых санкций со стороны западных стран, успешный запуск экспорта злаков и сельхозпродукции, реализацию совместных проектов в энергетике, а также постепенное замещение европейского импорта китайским. В целом, на фоне

¹ Victoria O. Namzhilova, Candidate of Sciences in Economics, Research Fellow, Buryat Scientific Centre of SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

For citing: Namzhilova V. O. Panorama of Russian-Chinese trade and the impact of the COVID-19 pandemic // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. N 3. P. 51–67. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/51-67>.

сокращения торговли России с основными внешнеторговыми партнёрами обоюдная торговля с Китаем растёт и развивается в благоприятных условиях.

Отмечается значительный рост присутствия Китая во внешнеторговых операциях России – с 9,5% в 2010 г. до 16,6% в 2019 г. (табл. 1). Китай уже девять лет подряд сохраняет за собой позицию крупнейшего торгового партнёра России, что обусловлено, прежде всего, географическим соседством двух стран и хорошим уровнем двусторонних межгосударственных политических отношений, а также объективной потребностью Китая в ряде товаров российского экспорта [1].

Таблица 1

Динамика внешней торговли России с Китаем, 2000–2019 гг.

Год	Оборот, млн долл.	Доля Китая во внешней торговле России, %	Экспорт, млн долл.	Удельный вес Китая в экспорте России, %	Импорт, млн долл.	Удельный вес Китая в импорте России, %	Сальдо, млн долл.
2000	6 197,0	4,5	5 248,0	5,0	949,0	2,8	4 299,0
2005	20 313,0	6,0	13 048,0	5,4	7 265,0	7,3	5 783,0
2010	59 360,7	9,5	20 324,6	5,1	39 036,1	17,0	-18 711,5
2011	83 503,2	10,1	35 241,0	6,8	48 262,2	15,8	-13 021,2
2012	87 571,1	10,4	35 727,2	6,8	51 843,9	16,5	-16 116,7
2013	88 798,5	10,5	35 625,4	6,7	53 173,1	16,9	-17 547,7
2014	88 350,3	11,3	37 494,3	7,5	50 856,0	17,7	-13 361,7
2015	63 553,1	12,1	28 602,3	8,3	34 950,8	19,1	-6 348,5
2016	66 123,2	14,1	28 018,4	9,8	38 104,8	20,9	-10 086,4
2017	86 974,5	14,8	38 918,6	10,9	48 055,9	21,1	-9 137,5
2018	108 244,8	15,7	56 019,4	12,5	52 225,4	21,9	+3 794,0
2019	110 918,5	16,6	56 791,5	13,4	54 127,0	22,2	+2 664,5

Источник: составлено по данным официального сайта Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru/>

Расширение экспортных возможностей. За 2010–2019 гг. объёмы экспорта увеличились с 20,3 до 56,8 млрд долл., при этом за долгое время в 2018 г. образовался профицит торгового баланса в размере 3,7 млрд долл., который сохранился и в 2019 г. (2,6 млрд долл.). Формирование активного сальдо стало возможным благодаря росту российского экспорта энергоносителей. По итогам 2019 г. основную долю в российском экспорте в Китай составляют минеральные продукты – более 70%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – более 7%, продовольствие и сельскохозяйственное сырьё – более 6%, машины, оборудование, транспортные средства – более 5%, продукция химической промышленности – более 3%, металлы и изделия из них – более 2%.

Рост российского экспорта в Китай в последнее десятилетие заметен практически во всех товарных группах, за исключением поставок текстиля и продукции химической промышленности (табл. 2). Тем не менее, движущей силой наращивания экспорта стали поставки нефтепродуктов – рост составил 3,7 раза. Сильные позиции России на этом направлении сохраняются, в первую очередь, за счёт долгосрочных контрактов. Одним из ключевых направлений экспорта российской нефти Китай стал несколько лет назад: этому предшествовал запуск трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», а также ряд двусторонних соглашений, самое крупное из которых – договор между «Роснефтью» и CNPC, заключённый в 2013 г. [2]. В начале 2018 г. была официально введена в эксплуатацию вторая ветка российско-китайского нефтепровода Мохэ – Дацин, позволяющая увеличить объём поставок с 15 до 30 млн тонн в год. По итогам 2019 г. Россия поставила рекордные 77,6 млн тонн нефти со средним уровнем поставок в 1,6 млн баррелей в сутки.

Кроме того, учитывая запуск восточного маршрута газопровода «Сила Сибири» в конце 2019 г., по которому газ будет поставляться с Чаяндинского месторождения (запасы 1,2 трлн кубометров) в Якутии, а с 2022 г. – по плану и с Ковыктинского (2,7 трлн кубометров) месторождения в Иркутской области, дальнейший рост экспорта энергоносителей представляется вполне очевидным.

Значимой статьёй экспорта в Китай остаётся древесина (рост за 2010–2019 гг. в стоимостном выражении в 1,5 раза), хотя её удельный вес в общем экспорте снизился с 14 до 7%. Ключевой проблемой в этом направлении остаётся поиск баланса между соблюдением национальных интересов и извлечением экономической выгоды. Российские власти постепенно вводят заградительные механизмы для экспортёров древесины, стремясь к сокращению вывоза необработанных лесоматериалов и увеличению доли экспорта продукции лесопереработки.

Помимо традиционных сырьевых статей экспорта особое внимание привлекает увеличение объёмов поставок сельскохозяйственной продукции в Китай (рост в 3,4 раза). Россия из года в год расширяет ассортимент продуктов питания, поставляемых на экспорт. Если в 2010 г. российские продовольственные товары были представлены на китайском рынке в основном рыбой (94%), то в настоящее время на экспорт идут не только водно-биологические ресурсы (53%), но и различные масла (19%), соевые бобы (11%), шоколадные конфеты (3%), пшеница (1%) и другие продукты питания.

Бурный рост поставок российского продовольствия в Китай совпал по времени с раскручиванием американско-китайского торгового конфликта. Это дало наблюдателям повод утверждать, что новые возможности для российских поставщиков появились именно благодаря торговым размолвкам Вашингтона и Пекина. Но работающие в Китае российские поставщики отмечают: утверждение о том, что ускоренный выход российского продовольствия на китайский рынок происходит исключительно благодаря уходу американцев – слишком обобщённое, а в отношении многих товарных позиций попросту неверное [3].

Таблица 2

Товарная структура российского экспорта в Китай в (2010–2019 гг.), млн долл.

Код ТН ВЭД	Группы товаров	Годы									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1–24	Продовольственные товары и с/х сырье	949,8	968,5	1026,4	1133,1	1095,0	1381,5	1620,6	1775,0	2519,2	3189,7
25–27	Минеральные продукты	11302,5	25532,6	27053,3	27087,8	28878,5	19729,4	18696,2	26389,0	42718,3	41508,1
28–40	Продукция химической промышленности	2843,7	3461,3	3081,5	2144,3	1884,2	1847,2	1436,7	1693,6	1585,1	1930,4
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2895,2	3363,2	2868,1	2976,9	3318,7	3043,5	3403,6	4164,3	4790,9	4348,7
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	16,4	11,0	3,1	4,2	6,6	15,7	13,2	10,1	11,7	8,7
72–83	Металлы и изделия из них	684,1	507,6	349,7	369,7	340,8	380,4	209,8	641,0	1335,6	1668,3

Окончание табл. 2

Код ТН ВЭД	Группы товаров	Годы									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
84-90	Машино- строитель- ная продук- ция	1069,0	843,8	1153,8	1357,3	1583,4	1809,4	1944,0	2662,1	1829,5	2707,2
41-43, 68-71, 91-97	Прочие товары	10,0	14,7	21,9	91,9	74,1	69,0	124,8	166,5	76,6	85,6
SS	Секретный код	555,4	538,3	169,2	460,2	313,0	0,3	569,5	1417,0	1150,1	1344,8
	ИТОГО	20326,4	35241,0	35727,2	35625,4	37494,3	28602,3	28018,4	38918,6	56019,3	56791,5

Источник: составлено по данным официального сайта Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru/>

Таблица 3

Товарная структура российского импорта из Китая (2010–2019 гг.), млн долл.

Код ТН ВЭД	Группы товаров	Годы									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1–24	Продовольственные товары и с/х сырье	1332,5	1707,6	1600,0	1691,2	1916,7	1539,0	1620,9	1769,7	1901,9	1722,9
25–27	Минеральные продукты	230,7	301,0	268,0	211,8	108,1	136,5	99,0	137,4	206,2	269,3
28–40	Продукция химической промышленности	2840,9	3811,9	4224,6	4393,1	4534,5	3342,1	3597,1	4309,2	5173,3	5489,6
44–49	Древесина и целлюлоз- но-бумажные изделия	490,1	611,0	678,1	734,5	747,3	388,8	391,8	412,5	484,0	487,4
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	7152,7	7913,4	7801,7	8253,1	7188,5	4542,7	4343,8	5348,4	5835,1	5853,4
72–83	Металлы и изделия из них	3349,6	4100,7	4164,5	4188,0	3954,2	2565,4	2554,7	3405,4	4040,9	4449,8
84–90	Машиностроительная продукция	19366,5	24725,2	27388,8	27775,1	26837,6	19099,3	22340,5	28333,1	29831,6	30871,7
41–43, 68–71, 91–97	Прочие товары	3981,5	4839,9	5152,1	5916,0	5555,4	3315,6	2091,6	4335,1	4745,9	4965,3
SS	Секретный код	219,9	251,6	265,9	10,2	80,6	0,02	10,2	5,1	6,3	17,4
	ИТОГО	38964,4	48262,2	51843,9	53173,1	50856,0	34950,8	38104,8	48055,9	52225,4	54127,0

Источник: составлено по данным официального сайта Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru/>

Экспорт продукции агропромышленного комплекса стимулируется государственной поддержкой. Так, для снижения транспортных издержек РЖД и Российским экспортным центром согласовано предоставление 50%-й скидки на тариф на железнодорожные перевозки для рефрижераторных поездов из Московской и Калужской областей до города Чэнду провинции Сычуань [4].

Растущий потребительский спрос заставляет Китай пересматривать давно действовавшие торговые ограничения на многие продовольственные товары. Так, в феврале 2018 г. Главное государственное управление технического и карантинного контроля за качеством товаров КНР после продолжительных согласований объявило о разрешении импортировать пшеницу из шести регионов России. При этом стороны согласовывают дальнейшую либерализацию экспорта зерновых, а именно отмену регионализации при экспорте пшеницы, ячменя, кукурузы, риса, рапса.

Аналогичные планы по отмене ряда ограничений реализуются в сфере экспорта животноводческой продукции. В 2019 г. Россия получила право экспортировать в Китай замороженное мясо птицы и молочную продукцию [5]. В начале 2020 г. китайской стороной были аттестованы первые российские предприятия для поставок охлаждённой говядины [6]. Продолжается работа по открытию поставок свинины, гороха и круп на китайский рынок.

Импорт товаров из Китая. Структурные сдвиги в импорте китайских товаров (табл. 3) за последние десять лет позволяют выделить две тенденции: рост доли машиностроительной продукции (с 49,7 до 57,0%) и значительное сокращение импорта текстильной продукции и обуви, как в стоимостном выражении, так и удельного веса данной группы товаров (с 18,3 до 10,8%). В первом случае определяющую роль сыграло действие санкционной политики западных стран, переориентация российского закупа оборудования и технологий на китайский рынок, особенно учитывая ограниченные условия импортозамещения отечественной продукцией. Во втором случае сокращение импорта текстиля и обуви из Китая происходит ввиду постепенного его замещения продукцией из других азиатских стран, таких как Вьетнам, Малайзия, Пакистан др.

Панорама российско-китайской торговли услугами. Международная торговля услугами представляет собой относительно небольшую, но динамично развивающуюся сферу российско-китайских торговых отношений. По данным Центрального банка РФ, внешняя торговли услугами России с Китаем в 2019 г. составила 7,6 млрд долл. Данный показатель считается довольно низким: по отношению к товарообороту он составляет всего 6,8%, тогда как в среднем внешняя торговля России услугами достигает 23% внешней торговли товарами. Кроме того, незначительным является присутствие Китая в совокупном внешнеторговом обороте услуг России: доля страны не превышает 4,7%, хотя в последнее десятилетие имеет тенденцию к росту (табл. 4). В экспорте услуг китайское направление уступает США, Швейцарии, Республике Беларусь, Германии, Великобритании и Казахстану.

В импорте российских услуг Китай занимает девятое место, уступая Турции, Германии, Кипру, Франции, Ирландии, Великобритании, США и Швейцарии.

Внешнеторговый оборот взаимных услуг России и Китая, долгое время характеризовавшийся отрицательным сальдо в несколько сотен миллионов долларов, с 2017 г. складывается с профицитом, что обусловлено опережающим ростом экспорта услуг. В период 2010–2019 гг. экспорт услуг в Китай вырос в 3,6 раза, с 1081,7 до 3907,2 млн долл. В структуре экспорта услуг по девяти укрупнённым группам (рис. 1) произошли значительные изменения, которые связаны с увеличением доли транспортных услуг и сокращением доли поездок. При этом абсолютные показатели практически всех групп отмечены ростом, а структурные изменения произошли в основном за счёт стремительного роста предоставления транспортных услуг. Если в 2010 г. транспортные услуги для китайских резидентов оказывались в объёме 340 млн долл., то в 2018 г. уже на уровне 1535 млн долл. Иными словами, здесь мы видим отражение бума китайского выездного туризма.

Импорт услуг из Китая отличается стабильным ростом, за исключением посткризисного 2015 г. В целом за 2010–2019 гг. объёмы импортируемых услуг увеличились с 1394,6 до 3651,9 млн долл. Здесь также произошли существенные структурные сдвиги: сокращение доли поездок (с 64,2 до 37,8%) и опережающий рост по статье «строительство» (с 4,4 до 30,5%). В настоящее время в импорте услуг из Китая значительную долю занимают прочие деловые услуги (14,3%), телекоммуникационные и информационные услуги (3,1%), финансовые и страховые услуги (3,0%), услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров (2,8%), плата за пользование интеллектуальной собственностью (2,2%). Таким образом, импорт услуг из Китая отличается большей диверсификацией, нежели экспорт, что объясняется расширением китайского коммерческого присутствия в российской экономике.

Ориентиры во внешней торговле. По итогам российско-китайских переговоров на высшем уровне и встречи глав правительств России и Китая в Пекине в ноябре 2018 г. поставлена амбициозная задача к 2024 г. вдвое увеличить оборот взаимной торговли. Если в 2018 г. он только преодолел психологически важную отметку в 100 млрд долларов в год, то к 2024 г. будет доведён до 200 млрд долларов. Как отмечают эксперты, для такого удвоения Москве потребуется нарастить объёмы поставок нефти, газа и СПГ, а также «расшить» узкие места транспортной инфраструктуры [4]. Таким образом, основными точками роста двусторонней торговли должны стать расширение торговли энергоносителями, а также такое динамично развивающееся направление, как торговля сельхозпродукцией. По прогнозу Российского экспортного центра, экспорт российского агропромышленного комплекса в Китай вырастет в несколько раз в перспективе пяти лет и составит конкуренцию производителям из Белоруссии, Новой Зеландии и Австралии.

Таблица 4

Торговля услугами России с Китаем в 2010–2019 гг. (млн долл.)

Показатель	Годы									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Оборот торговли услугами	2476,3	3406,0	3679,0	3670,6	3551,9	3305,5	3959,2	4762,4	5859,0	7559,1
- доля Китая во внешней торговле РФ услугами, %	2,0	2,3	2,1	1,8	1,9	2,4	3,2	3,2	3,7	4,7
Экспорт услуг в Китай	2,2	2,4	2,5	1617,3	1497,6	1545,4	1933,4	2386,9	3121,5	3907,2
- доля Китая в общем экспорте услуг, %	1394,6	1998,8	2149,0	2,3	2,3	3,0	3,8	4,1	4,8	6,2
Импорт услуг из Китая				2053,3	2054,4	1760,2	2025,8	2375,5	2737,6	3651,9
- доля Китая в общем импорте услуг, %	1,9	2,2	2,0	1,6	1,7	2,0	2,7	2,7	2,9	3,7
Сальдо баланса торговли услугами	-312,9	-591,6	-618,9	-436,0	-556,8	-214,8	-92,4	11,4	383,9	255,3
Коэффициент покрытия импорта услуг экспортом услуг	0,77	0,70	0,71	0,79	0,73	0,88	0,95	1,01	1,14	1,07
Торговля услугами по отношению к торговле товарами, %	4,2	4,1	4,2	4,1	4,0	5,2	6,0	5,5	5,4	6,8

Источник: составлено по данным ежегодных статистических сборников «Внешняя торговля Российской Федерации услугами», размещенных на официальном сайте Центрального банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/>

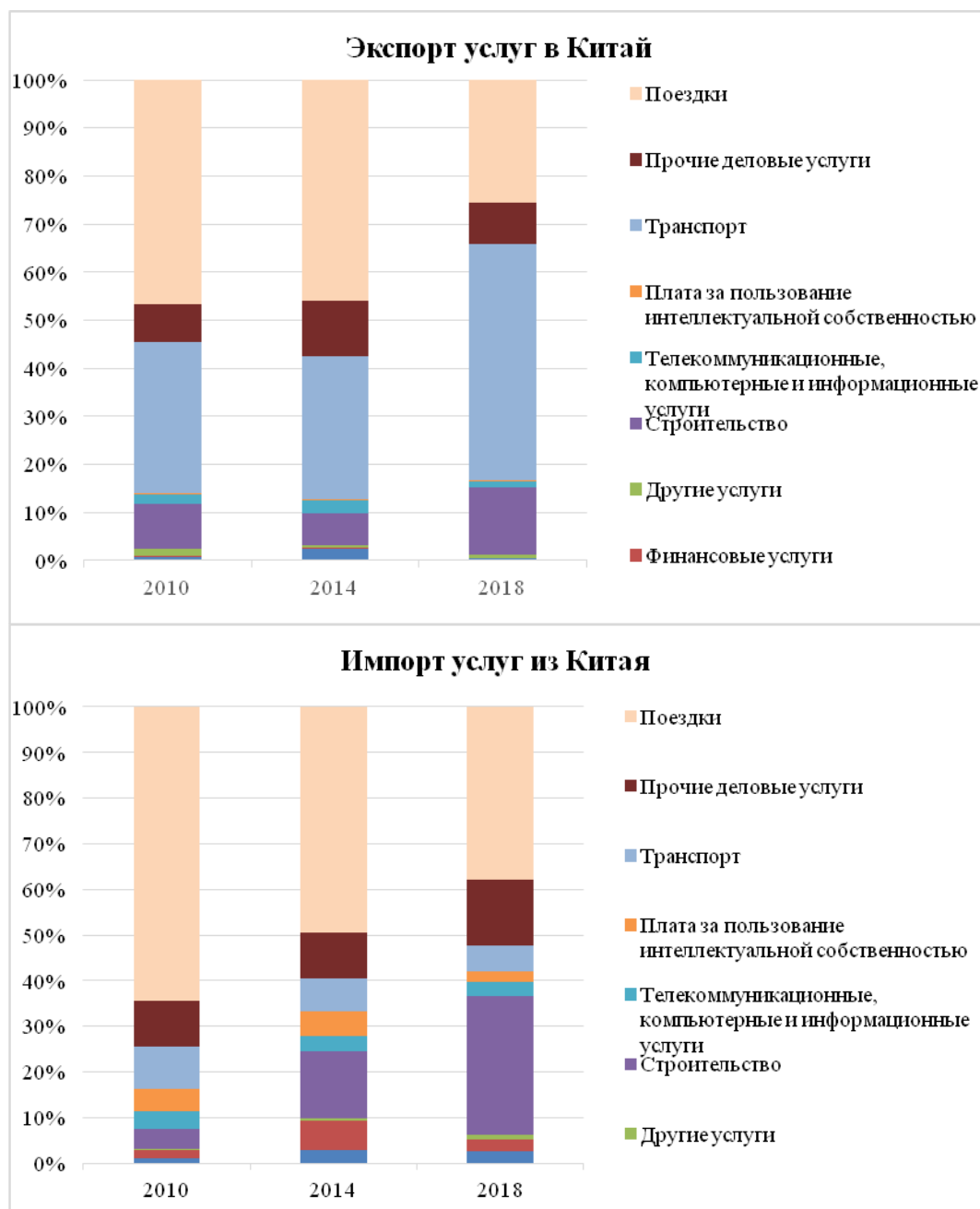

Рис. 1. Структура российско-китайской торговли услугами в 2010–2018 гг.

Источник: составлено по данным ежегодных статистических сборников «Внешняя торговля Российской Федерации услугами», размещённых на официальном сайте Центрального банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/>

При стремлении к сбалансированности взаимной торговли целевой ориентир в части российского экспорта в Китай составляет 100 млрд долл. Экспертный анализ и формульные расчеты по методике Международного торгового центра ЮНКТАД/ВТО, проведённые специалистами Всероссийской академии внешней торговли и Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, дают оценку потенциала российского экспорта товаров к 2024–2025 гг. в 91,3 млрд долл. Данные расчёты были сделаны с учётом запуска в эксплуатацию Восточного маршрута газопровода «Сила Сибири», реализации проекта «Ямал СПГ», а также ввода в строй Амурского газоперерабатывающего завода. В общей величине вероятного прироста экспорта к 2024–2025 гг. по методике МТЦ свыше 60% приходится на топливно-минеральные товары, примерно 14% – на руды, металлы и изделия из них, около 9% – на химическую продукцию, 8% – на различные продовольственные товары, 5% – на лесобумажную продукцию [7].

Влияние пандемии COVID-19 на российско-китайскую торговлю.

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в начале этого года стало, пожалуй, одним из наиболее непредвиденных обстоятельств в развитии международной торговли во всём мире. Обстановка высокой степени неопределённости в мире, где постепенно большинству стран пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, закрывая государственные границы, приостанавливая производство, вводя серьёзные ограничения перемещения и тотальный контроль, была охарактеризована как «идеальный шторм» [8].

Первой на сообщения из Китая о COVID-19 отреагировала электронная торговля: в конце прошлого года сократилось количество онлайн-покупок на китайских торговых площадках. Причём негативное влияние оказал именно информационный фон относительно эпидемии: покупатели опасались заражений инфекцией через полученные посылки [9]. Далее воздействие распространявшейся новой коронавирусной инфекции стало ощутимым и в других сферах российско-китайской торговли.

Пандемия COVID-19 спровоцировала рекордное снижение цен на нефть из-за обвала спроса на сырьё. Ввиду высокой доли энергоносителей в структуре экспорта цена на нефть оказывает сильное влияние на российско-китайский товарооборот. По итогам первого квартала 2020 г. Россия ожидаемо нарастила темпы экспорта нефти, газа и сжиженного природного газа благодаря новым запущенным проектам «Сила Сибири» и «Ямал СПГ», однако на рынок негативно повлиял тот факт, что в марте этого года страны ОПЕК+ не смогли договориться о продлении прежней сделки – новое соглашение по сокращению добычи было принято лишь 1 мая [10]. Эксперты прогнозируют, что под влиянием резкого падения мировых цен на энергоносители показатели обоюдной торговли продемонстрируют сокращение по итогам 2020 г. Избежать драма-

тичного падения товарооборота представляется возможным с учётом новых проектов в энергетической сфере при стабилизации ценовой динамики на сырьевых площадках в диапазоне 40–50 долл. за баррель [11].

Потери в торговле с начала года отмечаются и у экспортёров леса. Спровоцированный вспышкой коронавирусной инфекции резкий спад производства в Китае привёл к ощутимому снижению спроса на древесину, что, в свою очередь, заметно отразилось на закупочных ценах лесоматериалов. По заявлению Приморской ассоциации лесопромышленников и экспортёров леса, цена за кубометр древесины упала с 200 до 122 долл. [12]. Кроме того, существует большая неопределённость по ранним договоренностям: срыв контрактов возможен ввиду приостановки деловых визитов из-за закрытия государственных границ.

В начале года одним из немногих направлений в обоюдной торговле, демонстрирующих положительную динамику, стал экспорт медицинских изделий: значительная часть российских производителей медицинских защитных масок и костюмов работали только на Китай. Однако угроза дефицита на отечественном рынке вынудила российское правительство ввести временный запрет на вывоз ряда медицинских изделий, включая маски, респираторы, очки, защитные костюмы и пр. [13].

Статистика двусторонней торговли по итогам первого квартала демонстрировала рост объёмов двусторонней торговли на 3,4%, что выглядело совсем неплохо на фоне сокращения торговли Китая с другими странами. Более того, Россия поднялась в рейтинге внешнеторговых партнёров Китая, отеснив Бразилию и войдя в первую десятку по товарообороту. Однако стоит отметить, что положительная динамика первого квартала во многом была инерционной. Так, по данным таможенной статистики за январь – июнь 2020 г., торговля с Китаем сократилась на 5,7%: экспорт упал на 11,6% до 23,7 млрд долл., импорт вырос на 0,8% до 24,4 млрд долл.

Наиболее пострадавшей сферой в условиях распространения пандемии COVID-19 становится взаимная торговля услугами. Согласно статистике ЦБР обоюдная торговля услугами сократилась на 15,3% по итогам первого квартала 2020 г., при этом дальнейшее падение показателей очевидно. Запрет на пересечение государственных границ, продолжительный режим самоизоляции и, в целом, неопределённость будущего сценария развития событий – всё это скажется на ключевых составляющих ещё недавно сулящей хорошие перспективы торговли услугами: сходят на нет туристические поездки, оказание транспортных услуг и услуги строительства.

На этом фоне справедливыми представляются опасения по поводу достижения поставленной цели удвоить двусторонний товарооборот до 200 млрд долларов к 2024 г., поскольку изначально планировалось придерживаться еже-

годных темпов прироста взаимной торговли на уровне 15%. Тем не менее, российская сторона не отказывается от ориентира и изъявляет надежду, что влияние пандемии COVID-19 на взаимную торговлю носит временный характер, оставляя многообещающими планы в долгосрочной перспективе [14]. К тому же, определённый оптимизм вселяют антикризисные меры Китая, направленные на восстановление экономики после пандемии [15].

Отмечая перспективы достижения поставленных ориентиров в российско-китайской торговле, специалисты выделяют целую группу факторов, способных существенно скорректировать ожидания: влияние торгово-экономической конфронтации Китая и США, быстрое освоение Китаем собственного выпуска импортируемой продукции, неопределённость динамики и глубины структурных изменений в китайской экономике, последствия развития цифровых технологий, постепенное ужесточение в Китае экологического законодательства и т.д. [7]. Теперь к обозначенным факторам добавилось и влияние пандемии COVID-19: глубину и масштабы её последствий для бесперебойной торговли России и Китая ещё только предстоит оценить.

Список литературы

1. Островский, А. В. Как нам развивать российско-китайскую торговлю // Современные российско-китайские отношения. – Москва : ДеЛи плюс, 2017. – С. 66–81.
2. Каткова, Е. Ставка на чёрное: российская нефть заливает Китай // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/02/26/11663455.shtml> (дата обращения: 29.08.2020).
3. Щепин, К. Утка по-московски. Российские производители выходят на рынок Поднебесной // Российская газета. – 2019. – 12 сентября. – URL: <https://rg.ru/2019/09/12/kak-rossijskie-proizvoditeli-vyhodiat-na-kitajskij-rynok.html> (дата обращения: 29.08.2020).
4. Крючкова, Е. Россия и Китай пошли на удвоение / Е. Крючкова, Т.О.Едовина // Коммерсант. – 2019. – 18 сентября, № 169. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4095545> (дата обращения: 29.08.2020).
5. Щепин, К. Россия – Китай: будем торговать // Российская газета. – 2019. – 27 сентября. – URL: <https://rg.ru/2019/09/27/rossiia-i-kitaj-udvoiat-tovarooborot-k-2024-godu.html> (дата обращения: 29.08.2020).
6. Узбекова, А. Россия начинает поставки говядины в Китай // Российская газета. – 2020. – 17 января. – URL: <https://rg.ru/2020/01/17/rossiia-nachinaet-postavki-goviadiny-v-kitaj.html> (дата обращения: 29.08.2020).

7. Спартак, А. Н. Современный масштаб российско-китайского торгово-экономического сотрудничества и перспективы удвоения взаимной торговли к 2024 г. // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 220, № 6. – С. 83–108.

8. Лукьянов, Ф. Глобальная коррекция // Россия в глобальной политике. – 2020. – 19 марта. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/globalnaya-korrekcziya/> (дата обращения: 29.08.2020).

9. «Известия»: количество покупок россиян в Китае в 2019 году сократилось на 7,1% // ТАСС. – 2020. – 27 мая. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/8572491> (дата обращения: 29.08.2020).

10. Цены на нефть выросли на фоне вступления в силу новой сделки ОПЕК+ // РИА Новости. – 2020. – 1 мая. – URL: https://ria.ru/20200501/1570848565.html?rcmd_alg=svd&rcmd_id=1569423498 (дата обращения: 29.08.2020).

11. У Поднебесной товарооборот со всем миром падает, а с Россией – растёт // Всё о таможене. – 2020. – 10 марта. – URL: <https://www.tks.ru/reviews/2020/03/10/02> (дата обращения: 29.08.2020).

12. Свинова, Е. Тёмный лес: о новых убытках заявили лесопромышленники ДФО // ИА «Восток России». – 2020. – 10 марта. – URL: <https://www.eastrussia.ru/material/temnyu-les-o-novykh-ubytkakh-zayavili-lesopro-myshlenniki-dfo/> (дата обращения: 29.08.2020).

13. Маски не пускают за границу. Правительство ограничивает экспорт медицинских изделий из-за коронавируса // Коммерсант. – 2020. – 04 марта. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4276347> (дата обращения: 29.08.2020).

14. Российский посол оценил сокращение торговли с Китаем // РИА Новости. – 2020. – 20 мая. – URL: <https://ria.ru/20200520/1571708410.html> (дата обращения: 29.08.2020).

15. Чем лучше, тем хуже. Александр Габуев о влиянии антикризисной программы Китая на российский ТЭК // Коммерсант. – 2020. – 5 июня. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4366233> (дата обращения: 29.08.2020).

References

1. Ostrovskii A.V. Kak nam razvivat' rossiisko-kitaiskuyu torgovlyu [How can we develop Russian-Chinese trade]. In: *Sovremennye rossiisko-kitaiskie otnosheniya* [Modern Russian-Chinese relations]. Moscow: DeLi plyus Publ., 2017, pp. 66–81.

2. Katkova E. Stavka na chernoe: rossiiskaya neft' zalivaet Kitai [Stake on black: Russian oil floods China]. *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2018/02/26/11663455.shtml> (accessed 29 August 2020).

3. Shchepin K. Utka po-moskovski. Rossiiskie proizvoditeli vykhodyat na rynek Podnebesnoi [Duck in Moscow. Russian manufacturers enter the Chinese market]. *Rossiiskaya gazeta*, 2019, September 12. Available at: <https://rg.ru/2019/09/12/kak-rossijskie-proizvoditeli-vyhodiat-na-kitajskij-rynok.html> (accessed 29 August 2020).
4. Kryuchkova E., Edovina T. Rossiya i Kitai poshli na udvoenie [Russia and China went for doubling]. *Kommersant*, 2019, September 18, no. 169. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4095545> (accessed 29 August 2020).
5. Shchepin K. Rossiya – Kitai: budem torgovat' [Russia – China: we will trade]. *Rossiiskaya gazeta*, 2019, September 27. Available at: <https://rg.ru/2019/09/27/rossiia-i-kitaj-udvoiat-tovarooborot-k-2024-godu.html> (accessed 29 August 2020).
6. Uzbekova A. Rossiya nachinaet postavki govyadiny v Kitai [Russia begins deliveries of beef to China]. *Rossiiskaya gazeta*, 2020, January 17. Available at: <https://rg.ru/2020/01/17/rossiia-nachinaet-postavki-goviadiny-v-kitaj.html> (accessed 29 August 2020).
7. Spartak A.N. Sovremennyi masshtab rossiisko-kitaiskogo torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva i perspektivy udvoeniya vzaimnoi torgovli k 2024 g. [The modern scale of Russian-Chinese trade and economic cooperation and the prospects for doubling mutual trade by 2024]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2019, vol. 220, no. 6, pp. 83–108.
8. Luk'yanov F. Global'naya korrektsiya [Global correction]. *Rossiia v global'noi politike*, 2020, March 19. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/globalnaya-korrektsiya/> (accessed 29 August 2020).
9. «Izvestia»: the number of purchases of Russians in China in 2019 decreased by 7.1%. *TASS*, 2020, May 27. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/8572491> (accessed 29 August 2020). (In Russian).
10. Oil prices rose against the backdrop of the entry into force of the new OPEC + deal. *RIA Novosti*, 2020, May 1. Available at: https://ria.ru/20200501/1570848565.htm?rcmd_alg=svd&rcmd_id=1569423498 (accessed 29 August 2020). (In Russian).
11. In the Celestial Empire, trade with the whole world is falling, and with Russia – it is growing. *All about customs*, 2020, March 10. Available at: <https://www.tks.ru/reviews/2020/03/10/02> (accessed 29 August 2020). (In Russian).
12. Svinova E. Temnyi les: o novykh ubytkakh zayavili lesopromyshlenniki DFO [Dark Forest: timber merchants of the Far Eastern Federal District announced new losses]. *Vostok Rossii*, 2020, March 10. Available at: <https://www.eastrussia.ru/material/temnyy-les-o-novykh-ubytkakh-zayavili-lesopromyshlenniki-dfo/> (accessed 29 August 2020).

13. Masks are not allowed abroad. The government restricts the export of medical devices due to the coronavirus. *Kommersant*, 2020, March 04. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4276347> (accessed 29 August 2020). (In Russian).

14. The Russian ambassador assessed the decline in trade with China. *RIA Novosti*, 2020, May 20. Available at: <https://ria.ru/20200520/1571708410.html> (accessed 29 August 2020). (In Russian).

15. The better the worse. Alexander Gabuev on the impact of China's anti-crisis program on the Russian fuel and energy complex. *Kommersant*, 2020, June 5. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4366233> (accessed 29 August 2020). (In Russian).

УДК 339.5:330.4(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/68-88>

Н. В. Кузнецова¹, Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Россия

E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Е. В. Кочева², Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kocheva.ev@dvfu.ru

Н. А. Матев³, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: matev.na@dvfu.ru

РИСК ПОТЕРИ ПОТЕНЦИАЛА ВЗАИМНЫХ ТОРГОВЫХ ПОТОКОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ*

Аннотация. Особую актуальность в современных условиях приобретают вопросы оценки влияния внутренних социально-экономических факторов на минимизацию риска потери потенциала взаимных торговых потоков субъектов России со странами-партнёрами. Данный риск был выделен и количественно оценен в рамках большого вызова, стоящего перед Российской Федерацией по преодолению консервативности внешнеэкономической деятельности с целью догнать страны-лидеры по продвижению продукции на мировые рынки. Для определения ключевых факторов, оказывающих влияние на риск потери потенциала торговых потоков,

¹ Наталия Викторовна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Екатерина Викторовна Кочева, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

³ Николай Анатольевич Матев, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Кочева Е. В., Матев Н. А. Риск потери потенциала взаимных торговых потоков субъектов Российской Федерации: эконометрическое моделирование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 68–88. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/68-88>.

* Результаты были получены при выполнении научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-014-00001 «Модель мультивекторной социально-экономической политики взаимодействия российского Дальнего Востока и стран АТР – пути снижения неожиданных эффектов от наступления «больших вызовов».

был сформирован априорный набор статистических показателей. С помощью корреляционного анализа была рассчитана матрица парных коэффициентов корреляции и был сформирован апостериорный набор предикторов, оказывающих наибольшее влияние на зависимую переменную. В статье представлены три модели: сквозной регрессии, с фиксированными эффектами, со случайными эффектами. Представленное сравнение трёх построенных моделей показало, что наиболее предпочтительной для описания изменчивости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов является модель с фиксированными эффектами. Авторами были построены детализированные модели с фиксированными эффектами с учётом влияния индивидуальных особенностей субъектов России, временных эффектов, а также модель, учитывающая их одновременное влияние. Доказано, что безусловно индивидуальные эффекты субъектов РФ оказывают значимое влияние на изменение риска потери потенциала взаимных торговых потоков, в особенности это является актуальным для Дальневосточного федерального округа (ДФО) ввиду неразвитости инфраструктуры, отдалённости от центральной части России, высокими миграционными оттоками постоянного населения в сочетании с его естественной убылью, недостаточным уровнем жизни населения, а также низкой покупательной способностью жителей региона.

Ключевые слова: риск, модель, торговые потоки, сквозная модель регрессии, модель с фиксированными эффектами, модель со случайными эффектами, тест Хаусмана, тест Бройша-Пагана, дамми-переменные, инвестиции, ДФО, АТР, уровень бедности, реальные денежные доходы, уровень безработицы.

Natalia V. Kuznetsova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Ekaterina V. Kocheva², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kocheva.ev@dvfu.ru

Nikolay A. Matev³, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: matev.na@dvfu.ru

RISK OF POTENTIAL LOSS OF MUTUAL TRADE FLOWS OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: ECONOMETRIC MODELING*

Abstract. The special relevant features in modern conditions have the issues of assessing the influence of internal socio-economic factors on minimizing the risk of losing the potential of mutual trade flows of Russian regions with partner countries. This risk was identified and quantified within the framework of the grand challenge which facing the Russian Federation in overcoming the conservatism of foreign economic activity in order to catch up with the leading countries in promoting products to world markets. In order to determine the key factors affecting the risk of losing the potential of trade flows, a priori set of statistical indicators was formed. Using correlation analysis, a matrix of paired correlation coefficients was calculated and a posteriori set of predictors that had the greatest impact on the dependent variable was formed. The article presents three models: sequentially regression, fixed effects, and random effects. The presented comparison of three constructed models showed that the most preferable for describing the variability of the risk of losing the potential of mutual trade flows from the selected factors is the model with fixed effects. The authors constructed detailed models with fixed effects, taking into account the influence of individual characteristics of the regions of Russia, time effects, as well as a model that take into account its simultane-

¹ Natalia V. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor, International Economics Department, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Ekaterina V. Kocheva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Business Informatics, Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Nikolay A. Matev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Business Informatics, Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kuznetsova N. V., Kocheva E. V., Matev N. A. Risk of potential loss of mutual trade flows of regions of the Russian Federation: econometric modeling // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 68–88. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/68-88>.

* The results were obtained during the implementation of the scientific project of the Russian Foundation for Basic Research (RFR) No. 18-014-00001 "Model of a multi-vector socio-economic policy of interaction between the Russian Far East and the APR countries - ways to reduce unexpected effects from the onset of "large calls".

ous influence. It was proved that the individual effects of the regions of the Russian Federation have a significant impact on the changing in the risk of losing the potential of mutual trade flows, it is especially relevant for the Far Eastern Federal District due to the underdeveloped infrastructure, remoteness from the central part of Russia, high migration outflows of the resident population, combined with its natural declining process, insufficient standard of living of the population, as well as the low purchasing power of the inhabitants of the region.

Keywords: risk, model, trade flows, sequentially regression model, fixed effects model, random effects model, the Hausman test, the Breusch-Pagan test, dummy variables, investment, FEFD, APR, poverty rate, real incomes, unemployment rate.

Введение

В современных условиях ни одно государство не способно развиваться без внешнеторговой деятельности, значительно возрастает роль внешней торговли в развитии национальной экономики страны. Внешняя торговля считается одним из приоритетных направлений, способствующих становлению и стабилизации экономики страны, а также росту благосостояния нации. Рассмотрение проблематики формирования и развития внешнеторговых отношений имеет большую историю.

Ф. Родригес и Д. Родрик утверждают, что международная торговая политика тесно связана со многими другими аспектами экономической политики и это усложняет определение степени влияния международной торговли на экономический рост [1]. Представители неоклассического направления Э. Хекшер [2] и Б. Олин [3] в факторной теории внешней торговли показали, что внешняя торговля приводит к увеличению доходов владельцев относительно избыточных факторов производства и экспорта продукта и, как следствие, стимулирует экономический рост.

Многие исследования воздействия открытости торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на экономический рост в рамках модели ELGH не дают однозначных эмпирических результатов. В частности, Balasubramanyam и др. [4] на основе регрессионного анализа обосновали взаимосвязь открытости внешней торговли с эффективностью воздействия ПИИ на экономический рост в развивающихся странах. Р. Вачарг также показал, что международная торговля влияет на экономический рост посредством прямых иностранных инвестиций [5]. Caudros и др. [6] использовал модель авторегрессии для обоснования наличия причинно-следственной связи экономического роста с притоком прямых иностранных инвестиций и внешней торговлей, в исследовании подтвердилась гипотеза FLGH.

Результаты эконометрического анализа Baliamoune-Lutz [7] показали наличие двусторонней взаимосвязи между экспортом и прямыми иностранными инвестициями, позитивно влияющими на динамику экономического роста.

Однако Hisarciklilar и др. [8], изучавшие взаимосвязь между экономическим ростом, ПИИ и торговлей с применением коинтеграции Энгла и тестов Грейнд-

жера, так же как и Darrat и др. [9], не обнаружили такой причинно-следственной связи в большинстве средиземноморских стран.

Алау [10], обнаружил, что экономический рост большей частью определяется динамикой экспорта и внутренних инвестиций и в меньшей степени — параметрами человеческого капитала. Однако Дж. Франкель и Д. Ромер ещё в 1999 г. специфицировали влияние торговли на экономический рост посредством фактора накопления человеческого капитала [11].

Ещё один метод статистического анализа — анализ причинности, который использует либо одно уравнение регрессии Гранжера, либо множественную векторную авторегрессию (*VAR*). *VAR* модели постоянно используются для оценки воздействия международной торговли на экономический рост. Ряд исследований использовали уравнения регрессии, в которых все переменные приведены в уровнях, а не по темпам роста. В этой связи Дж. Франкель и Д. Ромер заявляют, что большие различия между уровнями переменных позволяют более точно оценивать регрессию [11].

В нашем исследовании были разработаны эффективные формы взаимодействия Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона и выделены четыре основных вида экономической деятельности по следующей номенклатуре товарных групп: 03 – Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 44 – Древесина и изделия из неё; древесный уголь; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части. Как было определено на предыдущем этапе исследования, основными торговыми партнёрами ДФО выступают следующие страны АТР: Китайская Народная Республика, Тайвань, Таиланд, США, Республика Корея, Япония, Канада, Сингапур, Индонезия, Филиппины, Малайзия и Вьетнам.

Ранее в исследовании «Методика оценки социально-экономических рисков для ответа России на большие вызовы» нами были определены и оценены уровни социально-экономических рисков для ответа России на большие вызовы. В частности, для оценки был сформирован набор показателей и разработана методика, позволяющая количественно оценить потенциальные риски [12]. Были проанализированы внешнеэкономические торговые отношения Дальнего Востока России и стран-партнёров Азиатско-Тихоокеанского региона в рамках разработанных моделей эффективных международных форм взаимодействий, а также выделены основополагающие факторы, оказывающие влияние на стоимостные объёмы экспортно-импортных операций [13].

Особую актуальность, в продолжение исследования эффективных международных форм взаимодействия, приобретают вопросы оценки влияния внутренних социально-экономических факторов на изменение (а конкретнее – на минимиза-

цию) риска потери потенциала взаимных торговых потоков субъектов России со странами-партнёрами. Данный риск был выделен и количественно оценен в рамках большого вызова, стоящего перед Российской Федерацией по преодолению консервативности внешнеэкономической деятельности с целью догнать страны-лидеры по производству продукции на мировые рынки.

Методика исследования

Для определения ключевых факторов, оказывающих влияние на риск потери потенциала торговых потоков, был сформирован априорный набор статистических показателей из 47 наименований (см. рис. 1).

Объем промышленного производства на душу населения, тыс. рублей	Поступление прямых иностранных инвестиций в расчете на душу населения
Объем выпущенной продукции организаций с участием иностранного капитала, на душу населения, млрд. рублей	Индекс физического объема инвестиций
Удельный вес убыточных организаций, в процентах	Общий коэффициент рождаемости
Степень износа основных фондов, в процентах	Общий коэффициент смертности
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в процентах	Коэффициент младенческой смертности
Доля организаций, выполняющих НИР в общем количестве, в процентах	Коэффициент миграционного прироста
Затраты на НИР на душу населения, тыс. рублей	Уровень бедности
Затраты на технологические инновации на душу населения, тыс. рублей	Коэффициент фондов
Объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме, в процентах	Коэффициент Джини
Количество выданных патентов на 1 млн. человек населения	Новообразования на 1000 человек населения
Доля персонала, занятого НИР в общей численности занятых, в процентах	Заболеемость с впервые в жизни установленным диагнозом активного туберкулеза на 100 000 человек населения
Численность исследователей с учеными степенями на 10000 человек населения	Заболеемость с впервые в жизни установленным диагнозом ВИЧ-инфекции на 100 000 человек населения
Численность студентов, обучающихся по программам <u>бакалавриата, специалитета</u> , магистратуры на 10000 человек	Заболеемость с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании, на 100 000 человек населения
Число передовых производственных технологий, на 1 млн. человек	Реальные денежные доходы населения
Индекс производства в сфере добычи полезных ископаемых	Реальный размер назначенных пенсий
Доля ВДС добывающих производств в общем объеме	Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя
Доля отгруженных товаров добывающих производств в общем объеме	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций
Доля работников добывающих производств в общей численности занятых	Нагрузка на работников сферы здравоохранения
Объемы реализации пищевых продуктов организациями торговли и общественного питания	Уровень безработицы
Доля расходов на продовольствие в общих расходах населения	Коэффициент напряженности
Индекс потребительских цен на пищевые продукты	Среднее время поиска работы
Инвестиции в основной капитал на душу населения	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух
	Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты
	Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников
	Индекс физического объема ВРП в процентах к предыдущему году

Рис. 1. Набор статистических показателей.

Источник: составлено авторами

Далее из априорного набора показателей с помощью корреляционного анализа была рассчитана матрица парных коэффициентов корреляции, характеризующая степень зависимости между исследуемыми переменными. Затем на основе анализа абсолютных значений коэффициентов корреляции факторов и зависимой переменной, в качестве которой выступил риск потери потенциала взаимных торговых потоков, был сформирован апостериорный набор предикторов, оказывающих наибольшее влияние на зависимую переменную. Итоговый набор факторов представлен в табл. 1.

Апостериорный набор предикторов для моделирования изменчивости риска потери потенциала взаимных торговых потоков

Обозначение	Типы переменной	Наименование показателя	Единицы измерения
<i>risk</i>	зависимая	риск потери потенциала взаимных торговых потоков в субъекте	—
<i>im_prom_pr</i>	факторные	объём промышленного производства на душу населения	тыс. руб.
<i>iznos_of</i>		степень износа основных фондов	%
<i>zatrati_nir</i>		затраты на НИР на душу населения	руб.
<i>index_potreb_tcen</i>		индекс потребительских цен	%
<i>invest_v_ok</i>		инвестиции в основной капитал на душу населения	руб.
<i>pryam_inosrt_inv</i>		прямые иностранные инвестиции на душу населения	тыс. долл. США
<i>migr_prirost</i>		миграционный прирост на 10 000 чел. населения	чел.
<i>urov_bednosti</i>		уровень бедности	%
<i>real_den_doh_nas</i>		реальные денежные доходы населения	% к предыдущему году
<i>urov_bezrab</i>		уровень безработицы	%
<i>index_fix_ob_vrp</i>		индекс физического объёма ВРП	% к предыдущему году
<i>dobicha</i>		дамми-переменная, принимающая значение 1, если основу экономики региона составляют добывающие производства, 0 – в остальных случаях	—

Источник: составлено авторами

Структура исходной выборки представляет собой панельные данные за 8 лет в период 2010–2017 гг. по 80 субъектам Российской Федерации. Информационной базой для подготовки исходной выборки послужили данные Федеральной службы государственной статистики России. Таким образом мы получили сбалансированную панель, состоящую из 640 наблюдений.

Это позволило качественно анализировать распределение тех или иных эффектов как во времени, так и с учётом индивидуальных ненаблюдаемых характеристик субъектов России, которые не меняются или незначительно меняются во вре-

мени и принимают различные значения для каждого конкретного региона (например, климатические условия, удалённость региона от центра страны, развитость инфраструктуры и т.п.). Специфические особенности каждого субъекта при этом учитывались через индивидуальные эффекты, устойчивые на протяжении всего рассматриваемого периода времени.

Реализация оценок эконометрических моделей проводилась с помощью языка программирования *R* в среде *Rstudio*. Перед проведением эконометрического анализа были рассчитаны описательные статистики по каждому из представленных в апостериорном наборе показателей в разрезе исследуемых периодов (2010–2017 гг.)

Результаты исследования

В начале эконометрического исследования рассмотрим модель сквозной регрессии, в которой предполагается, что индивидуальные особенности субъектов России и временные эффекты не оказывают влияние на риск потери потенциала взаимных торговых потоков, таким образом модель сквозной регрессии предписывает одинаковое поведение всем объектам выборки во все периоды времени. Также отметим, что в качестве спецификации модели была выбрана линейная спецификация в связи с тем, что по ней лучше всего интерпретировать влияние исходного набора предикторов. На рис. 2 представлена *сквозная модель регрессии*.

Согласно данным рис. 2, можно сказать, что все выделенные предикторы оказывают значимое влияние как минимум при 10% уровне значимости. В целом построенная модель объясняет изменчивость риска потери потенциала взаимных торговых потоков на 64,33% и является статистически значимой при любом разумном уровне значимости согласно *F*-критерию Фишера ($p\text{-value} < 2.22e-16$).

Отметим, что положительное влияние на риск потери потенциала взаимных торговых потоков оказывают следующие факторы: объёмы промышленного производства в расчёте на душу населения, затраты на НИР, прямые иностранные инвестиции, миграционный прирост, а также факторы, отвечающие за производственный потенциал и добычу полезных ископаемых: при их росте значение показателя риска будет увеличиваться, а, следовательно, согласно нашей методике построения данного показателя, риск будет снижаться. Знаки при данных коэффициентах не противоречат действительности.

Отрицательное значимое влияние на изменчивость результативного показателя (тем самым провоцирующее увеличение риска потери потенциала взаимных торговых потоков субъектов России и стран) оказывают предикторы: уровень износа основных фондов, доля инновационных товаров в общем объёме, индекс потребительских цен, объёмы инвестиций в основной капитал в расчёте на душу населения, уровни бедности и безработицы, а также темпы ростов реальных денежных доходов населения.

```

Pooling Model

Call:
plm(formula = risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir +
      index_potreb_tcen + invest_v_ok + pryam_inosrt_inv + migr_prirost +
      urov_bednosti + real_den_doh_nas + urov_bezrab + index_fix_ob_vrp +
      dobicha, data = data_panel, model = "pooling")

Balanced Panel: n = 80, T = 8, N = 640

Residuals:
      Min.      1st Qu.        Median      3rd Qu.       Max.
-0.2963061 -0.0449416  0.0041542  0.0461709  0.3540675

Coefficients:
              Estimate Std. Error t-value Pr(>|t|)
(Intercept)  8.4184e-01 1.2550e-01  6.7079 4.421e-11 ***
im_prom_pr   1.5531e-04 2.5295e-05  6.1400 1.466e-09 ***
iznos_of     -3.0592e-03 3.8503e-04 -7.9455 9.022e-15 ***
share_in_tov -1.1165e-03 5.2126e-04 -2.1419  0.032590 *
zatrati_nir   2.8245e-06 8.7229e-07  3.2381  0.001267 **
index_potreb_tcen -1.1416e-03 6.0713e-04 -1.8804  0.060520 .
invest_v_ok   -1.4123e-07 7.6696e-08 -1.8415  0.066029 .
pryam_inosrt_inv 8.6495e-03 2.0695e-03  4.1795 3.338e-05 ***
migr_prirost  3.8564e-04 6.6565e-05  5.7934 1.093e-08 ***
urov_bednosti -4.8627e-03 8.2095e-04 -5.9233 5.206e-09 ***
real_den_doh_nas -1.8102e-03 6.4634e-04 -2.8007  0.005257 **
urov_bezrab   -6.9768e-03 6.6720e-04 -10.4568 < 2.2e-16 ***
index_fix_ob_vrp 2.0710e-03 9.1204e-04  2.2707  0.023503 *
dobicha       4.6024e-02 7.9928e-03  5.7582 1.333e-08 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Total Sum of Squares:    10.364
Residual Sum of Squares: 3.6971
R-Squared:               0.64328
Adj. R-Squared:          0.63587
F-statistic: 86.8366 on 13 and 626 DF, p-value: < 2.22e-16

```

Рис. 2. Модель сквозной регрессии зависимости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов.

Источник: расчёты авторов

Исходя из результатов оценивания данной эконометрической модели возникает противоречивая ситуация, когда увеличение потока инвестиций в основной капитал и доли инновационной продукции в общем объёме приводят к увеличению риска потери потенциала взаимных торговых потоков. Чтобы проверить, не вызван ли этот неожиданный результат смещением оценки данных коэффициентов, оценим модель с фиксированными эффектами (рис. 3).

Мы видим, что в числе незначимых оказались следующие факторы: доля инновационных товаров в общем объёме, индекс потребительских цен и индекс физического объёма валового регионального продукта. В целом оставшиеся факторы оказывают значимое влияние на зависимую переменную, а их знаки аналогичны знакам из предыдущей модели. Отметим, что модель учитывает общие для всех субъектов России струк-

турные изменения, которые происходят с течением времени. Кроме этого видно, что модель с фиксированными эффектами имеет лучшее качество как согласно значению коэффициента детерминации, так и значению исправленного коэффициента детерминации. В целом с помощью данной модели удалось объяснить 71,97% изменчивости зависимой переменной, а в силу того, что значение *p-value* критерия Фишера достаточно мало, следует принять гипотезу о значимости всей модели регрессии в целом.

```
Oneway (time) effect Within Model

Call:
plm(formula = risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir +
      index_potreb_tcen + invest_v_ok + pryam_inosrt_inv + migr_prirost +
      urov_bednosti + real_den_doh_nas + urov_bezrab + index_fix_ob_vrp +
      dobicha, data = data_panel, effect = "time", model = "within")

Balanced Panel: n = 80, T = 8, N = 640

Residuals:
      Min.      1st Qu.      Median      3rd Qu.      Max.
-0.2775008 -0.0378545  0.0078249  0.0419480  0.3252815

Coefficients:
              Estimate Std. Error t-value Pr(>|t|)
im_prom_pr      2.0445e-04  2.2765e-05  8.9807 < 2.2e-16 ***
iznos_of        -3.1419e-03  3.4044e-04 -9.2290 < 2.2e-16 ***
share_in_tov    -4.5346e-04  4.5970e-04 -0.9864  0.3243089
zatrati_nir     2.6612e-06  7.6894e-07  3.4608  0.0005756 ***
index_potreb_tcen 1.5644e-03  1.5314e-03  1.0215  0.3074102
invest_v_ok     -1.4645e-07  6.7212e-08 -2.1790  0.0297076 *
pryam_inosrt_inv 4.2053e-03  1.8878e-03  2.2277  0.0262625 *
migr_prirost    4.2119e-04  5.9407e-05  7.0898  3.675e-12 ***
urov_bednosti   -5.2722e-03  7.2244e-04 -7.2977  9.014e-13 ***
real_den_doh_nas -3.6954e-03  8.2812e-04 -4.4624  9.630e-06 ***
urov_bezrab     -7.1502e-03  5.8711e-04 -12.1786 < 2.2e-16 ***
index_fix_ob_vrp -8.8784e-04  8.7592e-04 -1.0136  0.3111645
dobicha         3.7971e-02  7.0884e-03  5.3568  1.196e-07 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Total Sum of Squares: 9.9658
Residual Sum of Squares: 2.7939
R-Squared: 0.71965
Adj. R-Squared: 0.71059
F-statistic: 122.227 on 13 and 619 DF, p-value: < 2.22e-16
```

Рис. 3. Модель регрессии с фиксированными эффектами зависимости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов.

Источник: расчёты авторов

Оценим третью модель – модель со случайными эффектами (см. рис. 4). Её смысл заключается в том, что она отражает влияние ненаблюдаемых или пропущенных в модели переменных, которые характеризуют индивидуальные особенности субъектов Российской Федерации. Стоит заметить, что данные индивидуальные различия носят теперь случайный характер и в среднем сглаживаются.

```
Oneway (individual) effect Random Effect Model
(Swamy-Arora's transformation)

Call:
plm(formula = risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir +
      index_potreb_tcen + invest_v_ok + pryam_inosrt_inv + migr_prirost +
      urov_bednosti + real_den_doh_nas + urov_bezrab + index_fix_ob_vrp +
      dobicha, data = data_panel, model = "random")

Balanced Panel: n = 80, T = 8, N = 640

Effects:
              var std.dev share
idiosyncratic 0.001989 0.044603 0.474
individual    0.002211 0.047019 0.526
theta: 0.682

Residuals:
      Min.      1st Qu.      Median      3rd Qu.      Max.
-0.2496518 -0.0231667  0.0034957  0.0302873  0.2396398

Coefficients:
              Estimate Std. Error z-value Pr(>|z|)
(Intercept)   7.0171e-01  1.0484e-01  6.6931 2.185e-11 ***
im_prom_pr    8.1799e-05  2.4685e-05  3.3137 0.0009207 ***
iznos_of     -1.4040e-03  5.4443e-04 -2.5788 0.0099147 **
share_in_tov -2.6567e-04  4.8515e-04 -0.5476 0.5839659
zatrati_nir   4.5556e-06  1.4063e-06  3.2395 0.0011975 **
index_potreb_tcen -1.3247e-03  4.3152e-04 -3.0700 0.0021407 **
invest_v_ok   -7.1750e-08  8.5297e-08 -0.8412 0.4002441
pryam_inosrt_inv 9.2293e-03  2.2126e-03  4.1713 3.029e-05 ***
migr_prirost  1.6126e-04  7.8100e-05  2.0648 0.0389407 *
urov_bednosti -1.2611e-03  1.0346e-03 -1.2189 0.2228729
real_den_doh_nas -1.0668e-03  4.9580e-04 -2.1517 0.0314193 *
urov_bezrab  -1.5277e-03  8.1251e-04 -1.8802 0.0600768 .
index_fix_ob_vrp 1.2491e-03  6.8042e-04  1.8358 0.0663823 .
dobicha      4.2480e-02  1.2443e-02  3.4140 0.0006402 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Total Sum of Squares: 2.1861
Residual Sum of Squares: 1.7743
R-Squared: 0.18837
Adj. R-Squared: 0.17152
ChiSq: 145.29 on 13 DF, p-value: < 2.22e-16
```

Рис. 4. Модель регрессии со случайными эффектами зависимости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов.

Источник: расчёты авторов

В числе незначимых факторов выделились следующие: доля инновационных товаров в общем объёме, инвестиции в основной капитал и уровень бедности. Отметим, что в модели со случайными эффектами невозможно интерпретировать значение коэффициента детерминации и он не является адекватной мерой качества построенного уравнения. Значимость построенной эконометрической модели определяет статистика Вальда $Chisq=145,29$.

Результаты оценок уравнения со случайными эффектами отличаются от результатов, полученных в предыдущей модели с фиксированными эффектами. Так снизилась статистическая значимость показателей износа основных фондов, затрат на НИР,

миграционного прироста, темпов прироста денежных доходов населения, а также уровня безработицы, т.е. данные факторы в этой модели не оказывают серьёзного влияния, по сравнению с предыдущей моделью, на риск потери потенциала взаимных торговых потоков. При этом стоит отметить, что значимость иностранных инвестиций выросла, а также значимым стал показатель индекса потребительских цен.

На следующем этапе проведем *сравнение трёх построенных моделей* и выберем одну, которая наилучшим образом описывает изменчивость риска потери потенциала взаимных торговых потоков в субъектах Российской Федерации.

Проведём *F*-тест для определения предпочтительного уравнения регрессии между уравнением сквозной регрессии и моделью с фиксированными эффектами (рис. 5).

F test for time effects

```
data: risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir + index_potreb_tcen + ...
F = 28.587, df1 = 7, df2 = 619, p-value < 2.2e-16
alternative hypothesis: significant effects
```

Рис. 5. Результаты *F*-теста сравнения моделей сквозной регрессии и регрессии с фиксированными эффектами.

Источник: расчёты авторов

Как видно из рисунка 5, *p-value* теста Фишера не превышает уровня значимости в 10%, следовательно нулевую гипотезу о верной сквозной модели необходимо отвергнуть в пользу модели с фиксированными эффектами.

Выбор между уравнением сквозной регрессии и моделью со случайными эффектами осуществляется с помощью теста Бройша-Пагана, который по сути является одним из тестов множителей Лагранжа. Нулевая гипотеза этого теста заключается в том, что дисперсия случайных эффектов равна нулю, таким образом можно сказать, что все объекты в выборке являются однородными. Результаты сравнения моделей представлены на рис. 6.

Lagrange Multiplier Test - (Breusch-Pagan) for balanced panels

```
data: risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir + index_potreb_tcen + ...
chisq = 336.36, df = 1, p-value < 2.2e-16
alternative hypothesis: significant effects
```

Рис. 6. Результаты теста Бройша-Пагана сравнения моделей сквозной регрессии и регрессии со случайными эффектами.

Источник: расчёты авторов

Значение наблюдаемой статистики достаточно велико, а значение *p-value* < 2,2e-16. Таким образом, нулевая гипотеза отвергается в пользу модели со случайными эффектами, а модель сквозной регрессии не является предпочтительной по отношению к моделям с фиксированными и случайными эффектами.

Для выбора лучшей из оставшихся двух моделей воспользуемся тестом Хаусмана. Результаты тестирования представлены на рис. 7.

Hausman Test

```
data: risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir + index_potreb_tcen + ...
chisq = 216.33, df = 13, p-value < 2.2e-16
alternative hypothesis: one model is inconsistent
```

Рис. 7. Результаты теста Хаусмана сравнения моделей с фиксированными и со случайными эффектами.

Источник: расчёты авторов

Итоги теста Хаусмана свидетельствуют о том, что модель с фиксированными эффектами предпочтительней модели со случайными эффектами: значение рассчитанной статистики позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о том, что ОМНК оценки модели со случайными эффектами являются состоятельными.

Таким образом, из представленных трёх моделей наиболее предпочтительной для описания изменчивости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов является модель с фиксированными эффектами. В числе незначимых оказались следующие факторы: доля инновационных товаров в общем объеме, индекс потребительских цен и индекс физического объема валового регионального продукта.

Рассмотрим различные формы записи модели с фиксированными эффектами зависимости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов. Построим модели с фиксированными эффектами, добавив в качестве факторов дамми-переменные, отвечающие за период наблюдения, а также дамми-переменные, характеризующие принадлежность объекта выборки к субъекту Российской Федерации.

Во избежание полной мультиколлинеарности в качестве базовых категорий были выделены 2010 год – при введении дамми-переменных, отвечающих за временную составляющую, и г. Москва – при введении дамми-переменных, характеризующих субъект России.

Рассмотрим развёрнутую модель с фиксированными эффектами, характеризующую зависимость риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов, с учётом временных периодов. Техника построения данной модели базируется на построении модели сквозной регрессии с добавлением фиктивных переменных, характеризующих год, коэффициенты при основных предикторах являются абсолютно равными коэффициентам регрессии *within*, рассмотренной выше. В данном случае особую значимость приобретают оценки коэффициентов при временных дамми-переменных. Модель с фиксированными эффектами с учётом временных периодов представлена на рис. 8.


```

Pooling Model

Call:
p1m(formula = risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir +
     index_potreb_tcen + invest_v_ok + pryam_inosrt_inv + migr_prirost +
     urov_bednosti + real_den_doh_nas + urov_bezrab + index_fix_ob_vrp +
     dobicha + y_11 + y_12 + y_13 + y_14 + y_15 + y_16 + y_17,
     data = data_panel, model = "pooling")

Balanced Panel: n = 80, T = 8, N = 640

Residuals:
    Min.   1st Qu.   Median   3rd Qu.    Max.
-0.2775008 -0.0378545  0.0078249  0.0419480  0.3252815

Coefficients:
              Estimate Std. Error t-value Pr(>|t|)
(Intercept)  1.1226e+00  2.1723e-01  5.1677 3.202e-07 ***
im_prom_pr   2.0445e-04  2.2765e-05  8.9807 < 2.2e-16 ***
iznos_of     -3.1419e-03  3.4044e-04 -9.2290 < 2.2e-16 ***
share_in_tov -4.5346e-04  4.5970e-04 -0.9864 0.3243089
zatrati_nir  2.6612e-06  7.6894e-07  3.4608 0.0005756 ***
index_potreb_tcen 1.5644e-03  1.5314e-03  1.0215 0.3074102
invest_v_ok  -1.4645e-07  6.7212e-08 -2.1790 0.0297076 *
pryam_inosrt_inv 4.2053e-03  1.8878e-03  2.2277 0.0262625 *
migr_prirost  4.2119e-04  5.9407e-05  7.0898 3.675e-12 ***
urov_bednosti -5.2722e-03  7.2244e-04 -7.2977 9.014e-13 ***
real_den_doh_nas -3.6954e-03  8.2812e-04 -4.4624 9.630e-06 ***
urov_bezrab   -7.1502e-03  5.8711e-04 -12.1786 < 2.2e-16 ***
index_fix_ob_vrp -8.8784e-04  8.7592e-04 -1.0136 0.3111645
dobicha       3.7971e-02  7.0884e-03  5.3568 1.196e-07 ***
y_11          -2.6120e-02  1.8111e-02 -1.4422 0.1497410
y_12          -7.1350e-02  1.4570e-02 -4.8969 1.244e-06 ***
y_13          -1.0625e-01  1.4615e-02 -7.2699 1.090e-12 ***
y_14          -1.4926e-01  1.2123e-02 -12.3113 < 2.2e-16 ***
y_15          -1.0826e-01  1.3936e-02 -7.7689 3.302e-14 ***
y_16          -1.0095e-01  2.0573e-02 -4.9071 1.183e-06 ***
y_17          -6.2189e-02  2.3400e-02 -2.6576 0.0080734 **
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Total Sum of Squares:  10.364
Residual Sum of Squares: 2.7939
R-Squared:  0.73043
Adj. R-Squared: 0.72172
F-statistic: 83.8606 on 20 and 619 DF, p-value: < 2.22e-16
    
```

Рис. 8. Модель регрессии с фиксированными эффектами зависимости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов с учётом времени.

Источник: расчёты авторов

Как видно из рис. 8, оцененные регрессионные коэффициенты при дамми-переменных, характеризующих период исследования, являются статистически значимыми за исключением 2011 г. Все полученные оценки имеют отрицательные значения, что свидетельствует о том, что с течением времени по отношению к базовой категории (2010 году) значение риска потери потенциала взаимных торговых потоков больше, чем на начальный период исследования. Например, видно, что максимально отрицательное значение коэффициента среди всех дамми-переменных приходится на 2014 г.: по итогам расчётов значение составило минус 0,14926. Следовательно, этот период по сравнению с 2010 г. был наиболее кризисным в части риска потери потенциала взаимных торговых потоков. Это логично объясняется введением экономических санкций, что имело доста-

точно серьёзные последствия в части притока иностранных инвестиций, а также для многих отраслей промышленности России, в том числе и топливно-энергетического комплекса. Всё это оказало влияние на внешнеторговые потоки страны и её субъектов в части их уменьшения и, как следствие, увеличение риска потери их потенциала.

Отметим, что с течением времени данные негативные последствия ослабили свое влияние (значение коэффициентов в следующие периоды постепенно снижается). Данный факт обусловлен переориентацией российских внешнеторговых отношений в сторону стран АТР.

Аналогичным образом построим модель с фиксированными эффектами с учётом особенностей каждого субъекта Российской Федерации, поскольку индивидуальные особенности каждого субъекта играют важную роль в определении риска потери потенциала взаимных торговых потоков.

Регрессионная модель с учётом каждого субъекта представлена на рис. 9. Отметим, что часть дамми-переменных была скрыта ввиду громоздкости модели (79 дамми-переменных без учёта основных предикторов). Нас интересуют торговые потоки Дальневосточного федерального округа.

В числе значимых факторов, оказывающих влияние на риск потери потенциала взаимных торговых потоков, находятся индекс промышленного производства, уровень бедности населения в субъектах, темпы роста реальных денежных доходов населения, уровень безработицы. Отметим, что знаки при оценках коэффициентов не противоречат действительности, а выделенные предикторы характеризуют весьма типичные проблемы субъектов Дальнего Востока России. Особая роль при построении данной модели отводилась дамми-переменным, характеризующим индивидуальные особенности, присущие каждому субъекту Российской Федерации. Обозначения субъектов в модели представлены в табл. 2.

Таблица 2

Обозначения субъектов ДФО в модели с фиксированными эффектами

Обозначение	Субъект Дальнего Востока России	Обозначение	Субъект Дальнего Востока Росси
s_61	Республика Бурятия	s_76	Амурская область
s_65	Забайкальский край	s_77	Магаданская область
s_72	Республика Саха (Якутия)	s_78	Сахалинская область
s_73	Камчатский край	s_79	Еврейская автономная область
s_74	Приморский край	s_80	Чукотский автономный округ
s_75	Хабаровский край		

Источник: составлено авторами

Рассмотрим оценки коэффициентов при дамми-переменных, характеризующих субъекты ДФО. В соответствии с нашими расчётами, в число субъектов с наиболее

высокими рисками потери потенциала взаимных торговых потоков по сравнению с базовым субъектом (г. Москва) вошли Еврейская автономная область, Забайкальский край, Республика Бурятия и Амурская область. Меньшими рисками в ДФО обладают Сахалинская область, Приморский край и Чукотский автономный округ.

```

Pooling Model

Call:
plm(formula = risk ~ im_prom_pr + iznos_of + share_in_tov + zatrati_nir +
      index_potreb_tcen + invest_v_ok + pryam_inosrt_inv + migr_prirost +
      urov_bednosti + real_den_doh_nas + urov_bezrab + index_fix_ob_vrp +
      dobicha + s_1 + s_2 + s_3 + _ + s_61 + _ + s_65 + _ + s_72 + s_73 + s_74
      + s_75 + s_76 + s_77 + s_78 + s_79 + s_80, data = data_panel,
      model = "pooling")

Balanced Panel: n = 80, T = 8, N = 640

Residuals:
      Min.      1st Qu.      Median      3rd Qu.      Max.
-0.17987540 -0.01979383  0.00021445  0.01918082  0.26745471

Coefficients:
              Estimate Std. Error t-value Pr(>|t|)
(Intercept)  1.0034e+00  1.1217e-01  8.9462 < 2.2e-16 ***
im_prom_pr   4.3195e-05  2.2547e-05  1.9157 0.0559200 .
iznos_of     4.4720e-04  6.0570e-04  0.7383 0.4606342
share_in_tov -2.2271e-05  4.2951e-04 -0.0519 0.9586660
zatrati_nir  -1.4530e-06  1.9266e-06 -0.7542 0.4510528
index_potreb_tcen -1.3116e-03  3.6655e-04 -3.5781 0.0003768 ***
invest_v_ok   9.3948e-08  8.2331e-08  1.1411 0.2543300
pryam_inosrt_inv 2.9334e-03  2.2341e-03  1.3130 0.1897232
migr_prirost -4.5094e-05  7.9407e-05 -0.5679 0.5703457
urov_bednosti -5.4294e-03  1.0908e-03 -4.9777 8.636e-07 ***
real_den_doh_nas -8.1162e-04  4.2923e-04 -1.8909 0.0591677 .
urov_bezrab  -2.6773e-03  8.0243e-04 -3.3364 0.0009062 ***
index_fix_ob_vrp 2.6042e-04  5.8428e-04  0.4457 0.6559860
dobicha      4.5450e-03  1.6003e-02  0.2840 0.7765031
s_1          -2.3848e-01  5.5049e-02 -4.3321 1.758e-05 ***
s_2          -4.0251e-01  5.4976e-02 -7.3216 8.813e-13 ***
s_3          -3.7356e-01  5.0838e-02 -7.3480 7.363e-13 ***
-----
s_61         -4.3181e-01  5.3494e-02 -8.0721 4.417e-15 ***
-----
s_65         -4.7375e-01  5.5555e-02 -8.5276 < 2.2e-16 ***
-----
s_72         -3.5654e-01  5.5275e-02 -6.4503 2.458e-10 ***
s_73         -3.6398e-01  4.9379e-02 -7.3712 6.288e-13 ***
s_74         -2.9303e-01  4.9654e-02 -5.9013 6.327e-09 ***
s_75         -3.4858e-01  5.2499e-02 -6.6398 7.586e-11 ***
s_76         -4.1224e-01  5.5753e-02 -7.3940 5.379e-13 ***
s_77         -3.2599e-01  5.1102e-02 -6.3792 3.795e-10 ***
s_78         -1.7571e-01  5.8137e-02 -3.0223 0.0026258 **
s_79         -5.0482e-01  5.5420e-02 -9.1091 < 2.2e-16 ***
s_80         -2.9476e-01  5.7922e-02 -5.0889 4.959e-07 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Total Sum of Squares:    10.364
Residual Sum of Squares: 1.0882
R-Squared:               0.895
Adj. R-Squared:          0.87734
F-statistic: 50.6815 on 92 and 547 DF, p-value: < 2.22e-16
    
```

Рис. 9. Модель регрессии с фиксированными эффектами зависимости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов с учётом индивидуальных особенностей субъектов.

Источник: расчёты авторов

Можно сказать, что безусловно индивидуальные эффекты субъектов оказывают значимое влияние на изменение риска потери потенциала взаимных торговых потоков, в особенности это является актуальным для ДФО ввиду неразвитости инфраструктуры, отдалённости от центральной части России, высокими миграционными оттоками постоянного населения в сочетании с его естественной убылью, недостаточным уровнем жизни населения, а также низкой покупательной способностью жителей региона.

На следующем шаге построим *регрессионную модель с фиксированными эффектами*, включив в неё два набора дамми-переменных, характеризующих как временные эффекты, так и индивидуальные (рис. 10).

Согласно построенной модели, видно, что значимое влияние на изменение риска потери потенциала взаимных торговых потоков с учётом временных и индивидуальных эффектов оказывают индекс промышленного производства, индекс физического объема ВРП и индекс потребительских цен. Что касается временных фиктивных переменных, то в полученной эконометрической модели в числе незначимых коэффициентов оказались оценки за 2011 и 2017 гг. Также отмечено, что в 2014 г. по отношению к базовому периоду (2010 г.) наблюдается наибольший риск потери потенциала взаимных торговых потоков по причинам, описанным выше.

Таким образом, согласно проведенным оценкам, наиболее предпочтительной при анализе изменчивости риска потери потенциала взаимных торговых потоков в субъектах Российской Федерации является модель с фиксированными эффектами.

Кроме этого, были построены детализированные модели с фиксированными эффектами с учётом влияния индивидуальных особенностей субъектов России, временных эффектов, а также модель, учитывающая их одновременное влияние.

В каждой из построенных моделей из рассматриваемого апостериорного набора показателей значимое влияние на изменение зависимой переменной оказывал индекс промышленного производства. Данный факт логично объясняется ключевой ролью добывающих производств в экспортных потоках России и её регионов.

Что касается Дальневосточного федерального округа, то можно отметить, что индивидуальные особенности субъектов ДФО (а именно их социально-экономическое развитие) оказывают влияние на снижение риска потери потенциала взаимных торговых потоков. Также на снижение риска в субъектах Дальнего Востока России значимое влияние оказывают темпы прироста индекса промышленного производства, индекс потребительских цен, а также индекс физического объёма валового регионального продукта. Так как ДФО включает в себя преимущественно субъекты с сырьевой направленностью экономики, основным видом экономической деятельности которых является добыча полезных ископаемых, то в регионе, безусловно, необходимо поддерживать потенциал экспортно-сырьевой модели экономического развития.

```

Balanced Panel: n = 80, T = 8, N = 640

Residuals:
  Min.   1st Qu.   Median   3rd Qu.   Max.
-0.191323 -0.012993  0.001705  0.017075  0.231667

Coefficients:
              Estimate Std. Error t-value Pr(>|t|)
(Intercept)  7.7434e-01  1.4741e-01  5.2529  2.158e-07 ***
im_prom_pr   8.3714e-05  2.1967e-05  3.8109  0.0001544 ***
iznos_of     3.8990e-04  5.8975e-04  0.6611  0.5088188
share_in_tov 4.4766e-04  3.8051e-04  1.1765  0.2399237
zatrati_nir  8.7316e-08  1.7453e-06  0.0500  0.9601176
index_potreb_tcen 2.2077e-03  9.5991e-04  2.2999  0.0218317 *
invest_v_ok  -5.3318e-08  7.2209e-08  -0.7384  0.4606034
pryam_inosrt_inv 2.0512e-03  1.9624e-03  1.0453  0.2963715
migr_prirost -3.7415e-06  7.1345e-05  -0.0524  0.9581960
urov_bednosti 3.7506e-04  1.0349e-03  0.3624  0.7171829
real_den_doh_nas -7.4149e-04  5.3985e-04  -1.3735  0.1701594
urov_bezrab  -2.9174e-04  7.9317e-04  -0.3678  0.7131538
index_fix_ob_vrp 1.0394e-03  5.5453e-04  1.8744  0.0614126 .
dobicha     9.9741e-03  1.3982e-02  0.7134  0.4759224
s_1         -2.1009e-01  4.9375e-02  -4.2550  2.464e-05 ***
s_2         -3.2461e-01  5.0091e-02  -6.4805  2.063e-10 ***
s_3         -2.9540e-01  4.6111e-02  -6.4063  3.249e-10 ***
-----
s_61        -3.1686e-01  5.0221e-02  -6.3093  5.844e-10 ***
s_65        -3.5591e-01  5.1854e-02  -6.8637  1.847e-11 ***
-----
s_72        -2.7195e-01  4.9966e-02  -5.4427  7.974e-08 ***
s_73        -2.6598e-01  4.5382e-02  -5.8610  8.013e-09 ***
s_74        -1.9908e-01  4.6474e-02  -4.2836  2.177e-05 ***
s_75        -2.7343e-01  4.8272e-02  -5.6644  2.401e-08 ***
s_76        -3.2564e-01  5.1684e-02  -6.3007  6.155e-10 ***
s_77        -2.8870e-01  4.5593e-02  -6.3321  5.094e-10 ***
s_78        -1.7111e-01  5.1212e-02  -3.3412  0.0008920 ***
s_79        -3.6731e-01  5.2201e-02  -7.0364  6.006e-12 ***
s_80        -2.9195e-01  5.1162e-02  -5.7064  1.904e-08 ***
y_11        1.2340e-02  1.1682e-02  1.0563  0.2912964
y_12        -3.8341e-02  9.6730e-03  -3.9637  8.372e-05 ***
y_13        -5.3488e-02  1.0223e-02  -5.2323  2.400e-07 ***
y_14        -9.0107e-02  8.7468e-03  -10.3017 < 2.2e-16 ***
y_15        -4.7693e-02  1.0237e-02  -4.6591  4.004e-06 ***
y_16        -2.5131e-02  1.5064e-02  -1.6683  0.0958426 .
y_17        5.2373e-04  1.6812e-02  0.0312  0.9751594
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Total Sum of Squares:  10.364
Residual Sum of Squares: 0.8128
R-Squared:  0.92158
Adj. R-Squared: 0.9072
F-statistic: 64.0973 on 99 and 540 DF, p-value: < 2.22e-16

```

Рис. 10. Модель регрессии с фиксированными эффектами зависимости риска потери потенциала взаимных торговых потоков от выделенных факторов с учётом индивидуальных особенностей субъектов и временных эффектов.

Источник: расчёты авторов

Пока данный потенциал имеется, регион будет интересен странам АТР. Регион экспортирует в больших объёмах ресурсы, а взамен приобретает продукцию с высокой добавленной стоимостью. Однако ресурсы истощаются, а с расширением технологических возможностей освоения новых видов энергии роль ресурсов в будущем может стремительно снижаться. Именно поэтому субъекты уникального региона крайне нуждаются в реализации государственных программ инновационного развития экономики.

Список литературы

1. Rodriguez, F. Trade policy and economic growth: a sceptics guide to the cross-national evidence / F. Rodriguez, D. Rodrik. – Cambridge : MIT Press, 2000. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/pdf/10.1086/654419> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Hecksher, E. F. The effect of foreign trade on the distribution of income. *Economise Tidskrift*. 1919. P. 497–512. Reprinted as Chapter 13 in A.E.A. (1949). *Readings in the Theory of international trade*, 272-300 (Philadelphia: Blakiston) with a translation in H. Flam and M. J. Flanders (eds.) // *Heckscher-Ohlin trade theory*. – Cambridge : MIT Press, 1991. – P. 43–69.
3. Ohlin, B. *Interregional and international trade* / B. Ohlin. – Rev. ed. – Cambridge : Mass., Harvard University Press, 1967. – XVII, 324 p. – (Harvard Economic Studies ; vol. XXXIX).
4. Sapsford foreign direct investment and growth in EP and IS countries / V. N. Balasubramanyam [et al.] // *Economic Journal*. – 1996. – № 106. – P. 92–105.
5. Wacziarg, R. Measuring the dynamic gains from trade // *World Bank Economic Review*. – 2001. – Vol. 15, no. 3. – P. 393–429.
6. Caudros, A. Openness and growth: re-examining foreign direct investment, trade and output linkages in Latin America / A. Caudros, V. Orts, M. T. Alguacil // *Journal of Development Studies*. – 2004. – № 40. – P. 167–192.
7. Balamoune-Lutz, M. Does FDI contribute to economic growth? // *Business Economics*. – 2004. – № 39 (2). – P. 49–56.
8. Foreign direct investment and growth in Mediterranean countries / M. Hisarciklilar [et al.] // Conference concluding a Jean Mon-net Project on «Sustainable development and adjustment in the MEDA countries following the EU enlargement», Spetses Island, Greece, 3–5 July, 2006. – URL: http://emo.pspa.uoa.gr/data/papers/2_paper.pdf (дата обращения: 10.10.2020).
9. Darrat, A. F. FDI and economic growth in CEE and MENA countries: a tale of two regions / A. F. Darrat, S. Kherfi, M. Soliman. – DOI 10.19030/iber.v4i12.3649 // *International Business & Economics Research Journal (IBER)*. – 2011. – Vol. 4 (12). – 12th Economic Research Forum's Annual Conference, Cairo, Egypt, 2005. – URL:

file:///C:/Users/youhi/Downloads/FDI_and_economic_growth_in_CEE_and_MENA_countries_.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

10. Alaya, M. Investissement direct étranger et croissance économique : une estimation a partir d'un modèle structurel pour les pays de la rive sud de la méditerranée. Développement Institutions et Analyse de Long terme (DIAL). – [Brighton], 2004. – 35 p.

11. Frankel, J. Does trade cause growth? / J. A. Frankel, D. Romer // *American Economic Review*. – 1999. – Vol. 89, no. 3. – P. 379–399.

12. Кузнецова, Н. В. Методика оценки социально-экономических рисков для ответа России на большие вызовы / Н. В. Кузнецова, Е. В. Кочева, Н. А. Матев // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право*. – 2019. – № 4. – С. 29–52.

13. Региональные вызовы российского Дальнего Востока : учебное пособие / Н. В. Кузнецова, Е. В. Кочева, Н. А. Матев, А. А. Кравченко ; ДВФУ, ШЭМ. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. – 350 с.

References

1. Rodriguez F., Rodrik D. *Trade policy and economic growth: a sceptics guide to the cross-national evidence*. Cambridge: MIT Press, 2000. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/pdf/10.1086/654419> (accessed 10 October 2020).

2. Heckscher E.F. The effect of foreign trade on the distribution of income. *Economise Tidskrift*. 1919. P. 497–512. Reprinted as Chapter 13 in A.E.A. (1949). *Readings in the Theory of international trade*, 272–300 (Philadelphia: Blakiston) with a translation in H. Flam and M. J. Flanders (eds.). *Heckscher-Ohlin trade theory*. Cambridge: MIT Press, 1991, pp. 43–69.

3. Ohlin B. *Interregional and international trade*. Rev. ed. Cambridge: Mass., Harvard University Press, 1967. XVII, 324 p. (Harvard Economic Studies ; vol. XXXIX).

4. Balasubramanyam V.N. et al. Sapsford Foreign direct investment and growth in EP and IS countries. *Economic Journal*, 1996, no. 106, pp. 92–105.

5. Wacziarg R. Measuring the dynamic gains from trade. *World Bank Economic Review*, 2001, vol. 15, no. 3, pp. 393–429.

6. Caudros A., Orts V., Alguacil M.T. Openness and growth: re-examining foreign direct investment, trade and output linkages in Latin America. *Journal of Development Studies*, 2004, no. 40, pp. 167–192.

7. Balamoune-Lutz M. Does FDI contribute to economic growth? *Business Economics*, 2004, no. 39 (2), pp. 49–56.

8. Hisarciklilar M. et al. Foreign direct investment and growth in Mediterranean countries. *Conference concluding a Jean Mon-net Project on «Sustainable development and adjustment in the MEDA countries following the EU enlargement», Spetses Island,*

Greece, 3–5 July, 2006. Available at: http://emo.pspa.uoa.gr/data/papers/2_paper.pdf (accessed 10 October 2020).

9. Darrat A.F., Kherfi S., Soliman M. FDI and economic growth in CEE and MENA countries: a tale of two regions. *International Business & Economics Research Journal (IBER)*, 2011, vol. 4 (12). DOI: 10.19030/iber.v4i12.3649. Available at: file:///C:/Users/youhi/Downloads/FDI_and_economic_growth_in_CEE_and_MENA_countries_.pdf (accessed 10 October 2020).

10. Alaya, M. *Foreign direct investment and economic growth: an estimate based on a structural model for the countries of the southern shore of the Mediterranean. Institutional Development and Long-term Analysis (DIAL)*. 2004. 35 p.

11. Frankel J., Romer D. Does trade cause growth? *American Economic Review*, 1999, vol. 89, no. 3, pp. 379–399.

12. Kuznetsova N. V., Kocheva E. V., Matev N. A. Metodika otsenki sotsial'no-ekonomicheskikh riskov dlya otveta Rossii na bol'shie vyzovy [Methods of assessing socio-economic risks for the response of Russia to grand challenges]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: Ekonomika. Politika. Pravo – Pacific RIM: Economics. Politics. Law*, 2019, no. 4, pp. 29–52.

13. Kuznetsova N. V., Kocheva E. V., Matev N. A., Kravchenko A. A. *Regional'nye vyzovy rossiiskogo Dal'nego Vostoka: uchebnoe posobie* [Regional challenges of the Russian Far East: textbook. FEFU, School of Economics and Management]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2019. 350 p.

УДК 338. 4: 621.38(571.6)
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/89-100>

В. Ю. Рогов¹, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
E-mail: rogovvu@mail.ru

И. И. Галяутдинов², Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
E-mail: iliga@irk.ru

С. Г. Ше³ «Hankook I. S.» Co. Ltd., г. Ансан, Республика Корея
E-mail: sosongun@rambler.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Аннотация. Обоснована актуальность организации электронной промышленности. Приведены системные проблемы в электронике России. Рассматривается возможность формирования в Дальневосточном регионе полюса развития электронной промышленности преимущественно с использованием малого и среднего бизнеса. Сформулированы предложения по развитию российского малого бизнеса в рассматриваемой сфере. Основой такого национального проекта является формирование свободной экономической зоны на Дальнем Востоке России. Представлен подход к формированию трансграничной свободной экономической зоны развития предпринимательства в высокотехнологичной сфере в районе реки Туманная. Обсуждены выгоды от реализации проекта в рамках международной особой экономической зоны «Туманган». Описаны преимущества организации высокотехнологичной предпринимательской деятельности с учётом эксплуатации нового транспортного коридора через СЭЗ «Туманган» в Евро-

¹ Виктор Юрьевич Рогов, доктор экономических наук, профессор кафедры автоматизации и управления Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск, Россия.

² Ильдус Ильясович Галяутдинов, кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизации и управления Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск, Россия.

³ Сон Гун Ше, кандидат экономических наук, специалист по оптико-автоматизированному контролю качества в электронике «Hankook I. S.» Co. Ltd., г. Ансан, Республика Корея.

Для цитирования: Рогов В. Ю., Галяутдинов И. И., Ше С. Г. О перспективах развития электронной промышленности на Дальнем Востоке России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2020. № 3. С. 89–100. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/89-100>.

пу по Северному морскому пути. Представлен подход к решению проблемы увеличения числа рабочих мест путём создания предприятия электронной промышленности в СЭЗ на Дальнем Востоке России, которое может быть осуществлено в рамках межкорейского сотрудничества, в условиях соблюдения трудовых отношений и резолюций совета безопасности ООН. Обоснована актуальность выработки современных методов по противостоянию пандемии COVID-19. Исследован южнокорейский подход к разработке государственной политики по борьбе с коронавирусом. Авторы статьи могут утверждать, что южнокорейский подход к социально-экономическому противодействию COVID-19 имеет достаточные основания для применения в России на региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: электронная промышленность России, Дальневосточный регион, малый бизнес, международная свободная экономическая зона, проект «Гуманган», пандемия COVID-19, социально-экономические методы по противодействию распространению коронавируса.

Victor Yu. Rogov¹, Irkutsk National Research State Technical University. Irkutsk, Russia
E-mail: rogovvu@mail.ru

Ildus I. Galyautdinov², Irkutsk National Research State Technical University. Irkutsk, Russia
E-mail: iliga@irk.ru

Son G. She³, «Hankook Infra Solution» Co. Ltd., Ansan, Republic of Korea
E-mail: sosongun@rambler.ru

THE PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE ELECTRONIC INDUSTRY IN THE RUSSIAN FAR EAST

Abstract. The urgency of organizing the electronic industry has been substantiated. Systemic problems in the electronics of Russia are presented. The possibility of forming a pole for the development of the electronic industry in the Far East region, mainly with the

¹ Victor Yu. Rogov, Doctor of Economics, Professor of Department of management of industrial enterprises, Irkutsk National Research State Technical University, Irkutsk, Russia.

² Ildus I. Galyautdinov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of Department of management of industrial enterprises, Irkutsk National Research State Technical University, Irkutsk, Russia.

³ Son G. She, PhD in Economics, Inspector for optical-automated quality control in electronics, «Hankook Infra Solution» Co. Ltd., Ansan, Republic of Korea.

For citing: Rogov V. Yu., Galyautdinov I. I., She S. G. The prospects of development of the electronic industry in the Russian Far East // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 3. P. 89–100. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/89-100>.

use of small and medium-sized businesses, is being considered. Suggestions for the development of Russian small business in this area are formulated. This national project is based on establishing a free economic zone in the Russian Far East. The approach to the formation of a cross-border free economic zone for the development of entrepreneurship in the high-tech sphere in the area of the Tumannaya River is presented. The benefits from the project implementation within the international special economic zone "Tumangan" were discussed. The advantages of organizing high-tech entrepreneurial activity, taking into account the operation of a new transport corridor through the FEZ "Tumangan" to Europe along the Northern Sea Route, are described. The approach to solving the problem of increasing the number of jobs by creating an electronic industry enterprise in the FEZ in the Far East of Russia, which will be carried out within the inter-Korean cooperation, in compliance with labour relations and UN Security Council resolutions, is presented. The urgency of developing modern methods to counter the COVID-19 pandemic has been substantiated. The South Korean approach to the development of state policy to combat the coronavirus is explored. The authors of the article can argue that the South Korean approach to socio-economic counteraction to COVID-19 has sufficient grounds for being applied in Russia at the regional and municipal levels.

Key words: Russian electronics industry, Far Eastern region, small business, international free economic zone, Tumangan project, COVID-19 pandemic, socio-economic methods to counter the spread of coronavirus.

Электронная промышленность относится к числу стратегических отраслей, определяющих уровень технологического развития любой страны. Для её успешного развития необходимы высококачественные химические материалы, современные машины и оборудование по производству отдельных компонентов и узлов, научно-технические, инженерные, рабочие кадры высокой квалификации, креативные менеджеры и многие другие ресурсы. Электронная промышленность – наиболее динамично развивающаяся сфера деятельности, продукционные и технологические обновления в которой происходят с наиболее коротким периодом (3–4 года). Ввиду особой сложности и разнообразия производимых продуктов, на сегодняшний день ни одна страна мира не является полностью самодостаточной для функционирования данной отрасли, включая производство машин и оборудования для электронных компонентов и печатных плат. Институциональное оформление организации электронной промышленности в России должно основываться на малом предпринимательстве, быть изначально парадигмальным к формам, сложившимся в Европейской части России, где доминируют крупные предприятия с государственным участием. Ключевым объектом развития электроники в России могла бы стать свободная экономическая зона на Дальнем Востоке по выпуску электронных комплек-

тующих, на основе кооперации российского малого бизнеса и предприятий электронной промышленности соседних стран АТР. Данная вертикально-интегрированная экосистема может быть углублена добычей и выработкой сырья в Норильском промышленном районе (медь, никель, серебро, золото, серная кислота и т.д.). Такой подход приведёт к увеличению грузооборота по Северному морскому пути. С целью активизации предпринимательской деятельности в высокотехнологичном производстве и увеличения экспорта электронных компонентов субъектам хозяйствования, вовлечённым в данные технологические цепочки, могут быть предоставлены льготные условия на транзит грузов из СЭЗ в районе реки Туманган через Севморпуть в Европу.

Подход к реализации дальневосточной парадигмы развития российской электронной промышленности

В России развитие электронной промышленности до последнего времени определялось потребностями обороны, безопасности и таких наукоёмких производств, как атомная энергетика, системы связи, космические аппараты. До начала рыночных преобразований Советский Союз был самодостаточным в производстве продукции электронной и радиотехнической промышленности, отставание не носило качественного характера. До 1985 г. отставание СССР от США в производстве микроэлектроники составляло 1,5–2 года, однако в разработках новых изделий отставания практически не было [5].

Основная часть предприятий электронной промышленности России размещается в Европейской части страны. Развитой электронной промышленностью среди стран бывшего СССР обладают Республика Беларусь и Украина.

«Ареал распространения» электронной и радиотехнической промышленности в современной России завершается, пожалуй, Красноярским краем. Между тем до начала рыночных преобразований в эту зону входила и Иркутская область, где наряду с действующими (Производственное объединение «Восток», завод конденсаторов «Радиан», релейный завод) был построен радиозавод в г. Черемхово и подготовлена документация на строительство завода измерительной радиоаппаратуры.

Анализ публикаций стратегического и концептуального характера практически не выявляет проблематику изменения размещения электронной промышленности. Между тем имеются серьёзные основания для рассмотрения вопроса о смене парадигмы в направлении формирования дальневосточного полюса развития электронной промышленности России.

К настоящему времени сложилось существенное отставание российской электронной промышленности. Многие электронные компоненты, включая процессоры, закупаются за рубежом. На Россию приходится 3 % мирового потребления электронной продукции. В то же время выпуск российской электронной промышлен-

ленности составляет лишь около 0,4 % от мирового производства. На рынке электроники в России доминируют крупные государственные предприятия, доля малых и средних предприятий, специализирующихся на производстве потребительской электроники, составляет 11 % [3].

Данное состояние указывает, на наш взгляд, на необходимость системной реконструкции отрасли, во многом – начиная с чистого листа, в том числе и в размещении новых центров, используя имеющиеся существенные достижения в научной сфере.

Введённые рядом стран санкции в отношении России, в том числе в отношении электронных компонентов, а также оборудования для их производства, имеют долгосрочный и геополитический характер. Для снижения таможенной (стоимостной и бюрократической) нагрузки, а также для обхода санкций целесообразно разместить производство некоторых электронных изделий в особых экономических зонах. Примерами здесь могут служить: свободная экономическая зона «ИТ-парк «Калининград», специализирующаяся на электронной промышленности и производстве программных продуктов; особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Томск» (квантовая электроника, сильноточная электроника), также производящая программные продукты; отчасти – инновационный центр «Сколково».

Отметим, что развитие электронной промышленности Китая, ставшего лидером в этой сфере, тесно связано с созданием особых экономических зон, где она и сосредоточена в настоящее время. Особый интерес представляет международный опыт создания трансграничных особых экономических зон [2] для решения рассматриваемой здесь нетривиальной задачи.

Дальневосточный регион России, в первую очередь юг Приморского и Хабаровского края, может стать полюсом развития современной электронной промышленности, используя территориальную близость к азиатским центрам мировой электронной индустрии. Так, страны Северо-Восточной (Япония, Республика Корея, Китай), Юго-Восточной (Сингапур, Таиланд), Южной (Индия) Азии производят основную часть продукции мировой электронной промышленности. Преимущества, вызванные указанной близостью к мировым центрам производства и потребления продукции электронной промышленности, выражаются в следующем:

1. Возможность получения современных высококачественных материалов и комплектующих в приемлемые сроки в условиях межфирменной и международной конкуренции.

2. Современные методы менеджмента и организации бизнеса, во многом альтернативные тем, которые сложились на «материковой» части России.

3. Возможность разнообразной кооперации, организации сбыта (маркетинга) с участием зарубежных партнёров по бизнесу.

Индустриальное развитие Дальневосточного региона России до последнего времени проводилось, скажем так, путём «насаждения», когда формирование про-

мышленных центров осуществлялось в интересах обеспечения обороноспособности страны, а также для добычи разнообразных природных ресурсов, в первую очередь, морских биоресурсов, минерального сырья, лесных ресурсов.

Важнейшим ограничением для развития экономики региона является ограниченность трудовых ресурсов; с другой стороны, отсутствие рабочих мест с высокими квалификационными параметрами на фоне слаборазвитой социальной инфраструктуры вызывает отток трудоспособного населения. Между тем в практике развития народного хозяйства России имеется множество примеров создания региональных научных центров и наукоёмких производств с использованием научно-инженерных кадров, приглашённых из Европейской части страны: Новосибирский Академгородок, закрытые административные образования (ЗАО), производящие наукоёмкую продукцию оборонного характера. Строго говоря, создание крупных промышленных объектов в Азиатской части России традиционно обеспечивалось за счёт притока инженерно-технических кадров из Европейской части.

В настоящее время во Владивостоке создана особая экономическая зона в форме порто-франко, специализированная на логистических операциях, создании сети логистических центров [6]. Наличие такой СЭЗ само по себе является неплохой транспортной предпосылкой для формирования в ней других организационных предпринимательских структур в производственной сфере, как это происходит в Калининградской особой экономической зоне. Однако созданная в 2014 г. особая экономическая зона промышленно-производственного типа на территории города Владивостока через два года была ликвидирована, поскольку за два года не было создано ни одного действующего производства. Отметим, впрочем, что в 2018 г. на острове Русском, расположенном рядом с г. Владивосток и административно являющимся частью Фрунзенского района Владивостока, создана офшорная зона, что может иметь благоприятные последствия для развития международного бизнеса в этом регионе.

На наш взгляд, для развития высокотехнологичного бизнеса, включая электронную промышленность, следует выстраивать стратегически значимые для страны проекты, обеспечивая их серьёзной финансовой и организационной поддержкой. Иными словами, наряду с привычными бизнес-планами требуется стратегическая проработка развития бизнеса, предусматривающая не только импортозамещение, но и выход на зарубежные рынки.

Основной формой стратегии развития электронной промышленности России, на наш взгляд, является создание совместных предприятий и кооперация с зарубежными компаниями, в рамках которых обеспечиваются поставки необходимых комплектующих и продвижение товаров на экспорт. Последняя услуга является решающей для освоения инноваций.

Если рассматривать создание дальневосточного полюса развития электронной промышленности как стратегический национальный проект, то его реализация,

безусловно, должна опираться на разнообразную государственную поддержку. Отметим, на прошедшем в 2004 г. специальном совещании в Государственной Думе России по вопросам развития электронной промышленности предусмотрено предоставление государственных гарантий для создания совместных с зарубежными инвесторами высокотехнологичных производств, ориентированных как на внутренних, так и на зарубежный рынок [5]. Рассмотрим подробнее подход к организации свободной экономической зоны развития высокотехнологичного предпринимательства на Дальнем Востоке РФ.

Геоэкономический подход к организации высокотехнологичной предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке России

Глобальное потепление открыло для России новые возможности в освоении Северного морского пути (далее – СМП). При высокой загруженности этот транспортный коридор может стать альтернативой Суэцкому каналу, поскольку обладает кратчайшим расстоянием между портами Европы и Азии. Между тем организация вертикально-интегрированных высокотехнологичных кластеров в суровых условиях Арктики требует огромных затрат (сотни миллиардов долларов). По этой причине в основе освоения этой территории может лежать подход, который используется в организации производственных цепочек в электронной промышленности. Так, по авторскому мнению, технологические процессы с позиции неоиндустриализации могут быть выстроены в следующем порядке: *НИОКР, патентование, юридическое обеспечение – выработка сырья Норильского промышленного района – организация СЭЗ по развитию электронной промышленности и туризма на Дальнем Востоке России – грузоперевозки по Севморпути.*

Высказанные общие соображения позволяют в рамках Туманганского проекта ООН организовать международную свободную экономическую зону по выпуску электронной продукции и широкого набора комплектующих в районе реки Туманная с участием КНР, КНДР, Республики Корея, России, Японии и Монголии.

Особенность производства в электронной промышленности заключается в том, что оно основано на применении химических реакций, которые значительно ускоряют производственные циклы. Данные процессы проходят в условиях строгого соблюдения температурных и реакционных режимов. Гидродинамические операции и негативное влияние внешней среды на электронные полуфабрикаты приводят: во-первых, к локальной концентрации малых предприятий, которые зачастую вынуждены находиться поблизости друг от друга (например, в одной промышленной зоне, в одном здании и т.п.); во-вторых, к увеличению грузооборота транспортных сообщений, что достигается за счёт использования большого количества вспомогательных и химических материалов, поступающих на обрабатывающие заводы практически со всего мира; в-третьих, к загрузке высокоскорост-

ных и наиболее эффективных логистических линий, поскольку, например, сокращение времени нахождения компонентов между соответствующими переделами является необходимым условием повышения качества и объёмов выпуска конечной продукции. По этим причинам развитие высокотехнологичных отраслей в свободных экономических зонах приведёт к загрузке эксплуатируемых транспортных систем Северного морского пути.

Организация производства в электронной промышленности может быть осуществлена посредством кооперации азиатских транснациональных корпораций с субъектами малого бизнеса из России. На основе данных отношений, как правило, формируются производственные кластеры и вертикально-интегрированные сети, поскольку значительная часть производства комплектующих передается на аутсорсинг малому бизнесу.

Выпуск современных товаров осуществляется в условиях организации предпринимательских экосистем. Организационной моделью в СЭЗ «Туманган» может стать промышленная экосистема, аналогичная той, которая функционировала в индустриальном комплексе Кэсон (КНДР). Её особенность заключается в том, что в рамках межкорейского сотрудничества в промышленном технопарке было задействовано около 120 южнокорейских предприятий, на которых трудились более 50 тыс. северокорейских граждан [7].

Представленный подход приведёт к развитию инновационной предпринимательской деятельности и росту производительности труда, он может иметь достаточные основания для воплощения на практике, если организация промышленной экосистемы на Дальнем Востоке России будет осуществлена в рамках межкорейского сотрудничества, в условиях соблюдения трудовых отношений и резолюций совета безопасности ООН.

Южнокорейский опыт противодействия пандемии COVID-19 как форма защиты рабочих мест на российско-корейских геоэкономических проектах

Сегодня мы можем утверждать о том, что COVID-19 на достаточно продолжительный период времени способен парализовать общественный и экономический порядок в любой стране, с любым уровнем жизни, поскольку он вносит катастрофические изменения в жизнедеятельность человека. Так, пандемия коронавируса уже оказала негативное влияние на снижение экспорта в Южной Корее. Снижение курса рубля по отношению к доллару может привести к удорожанию комплектующих и химических материалов, необходимых в российской электронике. В условиях пока ещё небольшой доступности вакцины единственным способом локализовать очередные вспышки COVID-19 является метод выявления и помещения заражённых в карантин. Такой подход на сегодняшний день может стать эф-

фективным, если эпидемия начнётся вдруг в трансграничных промышленных зонах, где приток людей из других стран будет особенно велик. Следует отметить, что авторы статьи не ставят перед собой задачу выполнения оценки эффективности тех или иных методов, поскольку в мире нет единых стандартов социально-экономического противодействия пандемиям. Вместе с тем существуют примеры эффективной организации государственной политики в чрезвычайных ситуациях, в которой поддержка населения и бизнеса как единой экосистемы приводит к снижению заболеваемости и сохранению рабочих мест. Такой опыт продемонстрировала нам, например, Южная Корея.

После вспышек ближневосточного синдрома Mers в Республике Корея в 2015 г. и коронавируса в г. Ухань (КНР) в декабре 2019 г. пандемию COVID-19 Южная Корея встретила подготовленной. К тому времени страна уже имела опыт профилактического противодействия эпидемиям. 15 февраля 2020 г. в РК началась вспышка коронавируса, а уже 5 марта количество заражённых достигло 6604 чел., при этом за сутки тогда выявили 438 заражённых, общее количество умерших на тот день составило 3 чел. [1].

Отличием южнокорейской государственной политики по противодействию пандемии COVID-19 явилось то, что правительство РК в первые дни эпидемии организовало распределение средств индивидуальной защиты (маски и санитайзеры в местах общественного пользования и на транспорте). Распространение масок осуществлялось в аптеках с продажей по 2-3 шт. на человека один раз в неделю, в зависимости от года рождения, по льготной цене. В РК широко использовалась система информационного оповещения о новых случаях заражения коронавирусом на региональном и местном уровнях. Помимо общих профилактических мероприятий по всей стране выполнялся мониторинг всех инфицированных на предмет их контактирования с другими людьми, была введена административная ответственность за предоставление ложной или сокрытие эпидемиологической информации. Повсеместное видеонаблюдение, отслеживание применения кредитных карт и всеобщее тестирование позволили в кратчайшие сроки определить всех заражённых и основной массив их контактов. За относительно небольшой промежуток времени удалось изолировать большую часть больных коронавирусом в основных эпицентрах страны и прибывших из-за рубежа инфицированных, назначить им соответствующее лечение.

Основное отличие южнокорейской экономической политики в условиях борьбы с пандемией COVID-19 заключалось в том, что в стране не проводилось принуждение к социальной самоизоляции населения, как это происходило в КНР и России. Ключом к преодолению экономического кризиса президент РК Мун Чжэ Ин назвал защиту рабочих мест [4]. Так, во всех общественных, государственных, муниципальных учреждениях, а также на предприятиях всех форм собственности и сфер деятельности был организован первичный контроллинг, при котором при-

бывшие на службу, работу или посетители того или иного учреждения были обязаны пройти температурный тест, предоставить свои личные данные, указать недавнюю геолокацию (Ф.И.О., номер телефона, дату рождения, указать в краткой анкете, посещали ли они места заражения или прибыли из-за рубежа и т.д.). Помимо эпицентров заражений в г. Тэгу и провинции Кёнсан-Пукто предприятия во всех остальных регионах страны не прекращали свою работу. С небольшим ограничением во времени функционировали общественный транспорт и метро. Медицинские, государственные и муниципальные службы, за исключением школ и прочих образовательных учреждений, при усиленных мерах безопасности в непрерывном режиме обеспечивали порядок и жизнеобеспечение в стране. Благодаря такому подходу первая и вторая вспышки COVID-19 в Южной Корее были локализованы.

Таким образом, южнокорейский подход к защите страны от пандемии COVID-19 имеет достаточные основания для применения в регионах и крупных агломерациях с высокой плотностью населения, подверженных эпидемиологическим заболеваниям, а также может быть использован на крупных совместных геоэкономических проектах в качестве противоэпидемиологической модели.

Выводы

В рамках данной работы не представляется возможным подробно изложить особенности данного подхода к формированию дальневосточного полюса электронной промышленности России. Однако имеющийся анализ реализации подобных проектов на практике указывает, пожалуй, на основной дефект, заключающийся в ориентации на привлечение корпоративного бизнеса в крупные инвестиционные проекты, безотносительно к их научно-техническому уровню и содержанию. Вместе с тем следует отметить, что современные наукоёмкие инновационные технологии в зарубежной практике реализуются силами малого бизнеса и развиваются в процессе серьёзной конкуренции на внутренних и внешних рынках. Второй дефект заключается в отсутствии стратегической проработанности и обоснованности проектов, претендующих на глобализированные последствия (яркий пример – проекты фонда «Сколково» в отношении производства полупроводниковых материалов). Третий дефект имеет общесистемный характер и относится к игнорированию индикативного и стратегического планирования в народнохозяйственном регулировании. Отсутствие сбалансированности, сопряжённости проектов между собой, между действующими и создаваемыми производствами по сути обрекает такую проектную деятельность на неудачу. И, наконец, системный дефект имеет также практика бюджетного софинансирования государством таких проектов и коммерческого кредитования участников, тогда как наиболее эффективным является кредитная эмиссия – кредитование под будущую стоимость, то есть под продукцию создаваемых бизнесов.

Таким, образом, авторы статьи представили собственное видение на организацию электронной промышленности и предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке, с учётом современного положения России в изменяющемся геополитическом мире, подверженном влиянию внешних факторов, приводящих к глобальным кризисам.

Список литературы

1. 코로나 확진자수. – URL: https://m.search.naver.com/search.naver?sm=mtp_sug.top&where=m&query=%EC%BD%94%EB%A1%9C%EB%82%98+%ED%99%94%EC%A7%84%EC%9E%90&acq=%EC%BD%94%EB%A1%9C%EB%82%98&acr=0&qdt=0 (дата обращения: 09.01.2020). – Количество цветков короны.
2. Костюнина, Г. М. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) / Г. М. Костюнина, В. И. Баронов // Вестник МГИМО – Университета. – 2011. – № 2. – С. 169–178.
3. Микроэлектроника (рынок России): состояние, тенденции, перспективы. – URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Микроэлектроника_\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Микроэлектроника_(рынок_России)) (дата обращения: 09.02.2020).
4. Мун Чжэ Ин: Защита рабочих мест – ключ к преодолению экономического кризиса / KBS WORLD RADIO.2020.04.20. – URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Po&Seq_Code=61449 (дата обращения: 09.01.2020).
5. Рахманов, М. Электроника России: «восстановить нельзя похоронить» // CNews.ru. – URL: https://www.cnews.ru/articles/elektronika_rossii_vosstanovit_nelzya (дата обращения: 10.02.2020).
6. Ryzhova, P. M. The reserch of international experience of creating common economic zones as a factor of successful development of the free port of Vladivostok / P. M. Ryzhova, T. N. Bondarenko // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2016. – No. 7. – P. 1043–1048.
7. 개성공단 생산액 및 근로자 현황/ Kostat. – 2018. – 16 March. – URL: http://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=2717 (дата обращения: 10.02.2020). – Объем производства промышленного комплекса Кэсон и статус рабочих.

References

1. *Hvakchinha Coronavirus*. Available at https://m.search.naver.com/search.naver?sm=mtp_sug.top&where=m&query=%EC%BD%94%EB%A1%9C%EB%82%98+%ED%99%94%EC%A7%84%EC%9E%90&acq=%EC%BD%94%EB%A1%9C%EB%82%98&acr=0&qdt=0 (accessed 09 January 2020). (in Korean)

2. Kostyunina G.M., Baronov V.I. Transgranichnye svobodnye ekonomicheskie zony v zarubezhnykh stranakh (na primere Kitaya) [Cross-border free economic zones in foreign countries (for example, China)]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, 2011, no. 2, pp. 169–178. (In Russian).

3. Microelectronics (Russian market): state, trends, prospects. Available at: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Микроэлектроника\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Микроэлектроника(рынок_России)) (accessed 09 February 2020). (In Russian).

4. Mun CHzhe In: Zashchita rabochih mest – klyuch k preodoleniyu ekonomicheskogo krizisa [Moon Jae-In: Protecting Jobs – Key to Overcoming the Economic Crisis]. *KBS WORLD RADIO*. 2020.04.20. Available at: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Po&Seq_Code=61449 (accessed 09 January 2020).

5. Rahmanov M. Elektronika Rossii: «vosstanovit' nel'zya pohoronit'» [Electronics of Russia: «it is impossible to rebuild»]. *CNews.ru*. Available at: https://www.cnews.ru/articles/elektronika_rossii_vosstanovit_nelzya (accessed 10 February 2020).

6. Ryzhova P.M., Bondarenko T.N. The reserch of international experience of creating common economic zones as a factor of successful development of the free port of Vladivostok. *International journal of applied and fundamental research*, 2016, no 7, pp. 1043–1048.

7. Volumes of industrial production and Number of workers in the industrial complex Kaesong. *Kostat*, 2018, 16 March. Available at: http://www.index.go.kr/potalma in/EachDtIPageDetail.do?idx_cd=2717> (accessed 10 February 2020). (In Korean).

УДК 327(519.5:571.6)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/101-125>

Донгон О¹, Пусанский университет иностранных языков, г. Пусан, Республика Корея; Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: oh.donggeon@outlook.kr

О. П. Еланцева², Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В ФОКУСЕ ПОЛИТИКИ СЕУЛА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Аннотация. Рассматриваются исторические этапы сближения двух стран, установление дипломатических отношений между Республикой Корея и СССР, формирование определённой политики Республики Корея по отношению к Дальнему Востоку России. Авторы приводят примеры сотрудничества, такие как строительство корейско-российского промышленного комплекса в свободной экономической зоне «Находка», расширение инвестиций в рыбный и сельскохозяйственный секторы, использование передовых технологий на Дальнем Востоке и в Сибири и др. Подчёркивается значимость тесной связи корейского порта Пусан и российского порта Владивосток в успешном развитии торгово-экономических отношений двух стран. Приводится мнение Комитета экономического сотрудничества по северному направлению при президенте Кореи о том, что 2020 г. станет Годом активного сотрудничества по северному направлению, если сконцентрировать все возможности

¹ Донгон О, выпускник бакалавриата департамента русского языка Колледжа европейских и американских исследований Пусанского университета иностранных языков, г. Пусан, Республика Корея; магистр истории, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Ольга Павловна Еланцева, доктор исторических наук, профессор, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: О Донгон, Еланцева О. П. Тихоокеанская Россия в фокусе политики Сеула на рубеже XX–XXI вв. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2020. № 3. С. 101–125. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/101-125>.

для достижения целей «Новой северной политики» по формированию механизма будущего роста, а также по созданию основы для объединения двух Корей.

Ключевые слова: дипломатические отношения, политика мирного сосуществования, взаимодополняющие потенциалы двух стран, расширение торгово-экономического и культурного сотрудничества, отношения взаимного доверия и всестороннего партнёрства, создание новых рынков и новых рабочих мест, порт Пусан, порт Владивосток.

Donggeon Oh¹, Busan University of Foreign Studies, Busan, Republic of Korea;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: oh.donggeon@outlook.kr

O. P. Elantseva², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

PACIFIC RUSSIA AT THE FOCUS OF SEOUL POLICY ON THE CUPS ABROAD OF THE XX–XXI CENTURIES

Abstract. The historical stages of the rapprochement of the two countries, the establishment of diplomatic relations between the Republic of Korea and the USSR, the formation of a certain policy of the Republic of Korea in relation to the Russian Far East are examined. The authors give examples of successful cooperation: the construction of the Korean-Russian industrial complex in the Nakhodka Free Economic Zone, the expansion of investments in the fishing and agricultural sectors, advanced technologies in the Far East and Siberia, etc. The importance of the close connection of the Korean port of Busan and the Russian port of Vladivostok is emphasized. Vladivostok in the successful development of trade and economic relations between the two countries. The opinion of the Presidential Committee on Northern Economic Cooperation is suggested that 2020 will be the Year of the New Northern Cooperation, if we concentrate all the possibilities to achieve the goals of the “New Northern Policy” to create engines of future growth, as well as create the basis for the unification of the two Koreas.

Keywords: diplomatic relations, the policy of peaceful coexistence, complementary potentials of the two countries, the expansion of trade, economic and cultural cooperation,

¹ Donggeon Oh, graduate of Department of Russian, College of European and American Studies, Busan University of Foreign Studies, Busan, Republic of Korea; Master of Historical Sciences, Department of History and Archeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Olga P. Elantseva, Doctor of Historical Sciences, Professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Oh Donggeon, Elantseva O. P. Pacific Russia at the focus of Seoul policy on the cups of the XX–XXI centuries // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 2. P. 101–125. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/101-125>.

relations of mutual trust and comprehensive partnership, the creation of new markets and new jobs, the port of Busan, the port of Vladivostok.

Интерес Республики Корея в отношении Дальнего Востока России и проводимая ею политика являются надёжным фундаментом для расширения экономического пространства Кореи и максимизации её экономических выгод за счёт совместного сотрудничества между Республикой Корея и Россией, импорта природных ресурсов, включая газ и нефть, и создания прочной основы для связи с евразийским континентом, а также улучшения межкорейских отношений через стабильность в Северо-Восточной Азии. Отметим, что Сеул интересовался ценностью Дальнего Востока даже в то время, когда между Республикой Корея и СССР не было официальных дипломатических отношений. Можно привести такой пример. В начале 1980-х годов правительство Республики Корея во главе с президентом Чон Духваном приступило к обсуждению участия страны в сибирском газовом проекте. В декабре 1982 г. Министерство иностранных дел РК направило специальное распоряжение своим посольствам в Великобритании, Франции, Австрии, Финляндии и Италии собрать сведения о советском газовом проекте и высказать своё мнение об участии в нём Кореи. В январе 1983 г. МИД Республики Корея смог предсказать, что Советскому Союзу вряд ли потребуется вклад корейской стороны в развитие Западной Сибири; если советская сторона предложит такое участие, то оно будет касаться территории Восточной Сибири [1, с. 1105]. Но можно сказать, что правительство Чон Духвана ещё не имело конкретной и официальной политики в отношении восточных территорий СССР.

Однако в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда активизировались обмен и сотрудничество между Кореей и СССР, были установлены дипломатические отношения между двумя странами, стала постепенно проявляться позиция корейского правительства в отношении российского Дальнего Востока и начала формироваться определённая политика.

С точки зрения Республики Корея (если говорить о государственной безопасности), в то время СССР выступал дружественным государством по отношению к КНДР, и к тому же географически расположен ближе к ней. Вместе с тем, Советский Союз был в состоянии реализовать экономические интересы Республики Корея с помощью использования её высокого инвестиционного потенциала, включая развитие Сибири [2, с. 23].

На пресс-конференции, состоявшейся в Москве 15 декабря 1990 г., президент Ро Дэу отметил, что с первым визитом президента Республики Корея в СССР и с подписанием корейско-советской совместной декларации наступал новый период мира и сотрудничества не только Республики Корея и СССР, но и на Корейском полуострове и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом [3].

Развитие отношений РК и РФ: политика президентов Республики Корея

№	Президент РК	Годы правления	Основные идеи по развитию отношений РК и РФ
1	Ро Дэу	1988–1993	«Северная политика»
2	Ким Ёнсам	1993–1998	Начало практического сотрудничества между РК и РФ на Дальнем Востоке России
3	Ким Дэчжун	1998–2003	Создание Корейско-российского подкомитета Дальнего Востока и Сибири
4	Но Мухён	2003–2008	«Сбалансированная дипломатия» в Северо-Восточной Азии
5	Ли Мёнбак	2008–2013	«Прагматический дух» внешней политики Республики Корея
6	Пак Кынхе	2013–2017	«Евразийская инициатива»
7	Мун Чжэин	2017–2022	«Новая северная политика»

По мнению президента Ро Дэу, причиной разрыва отношений между двумя государствами на 86 лет являлось колониальное вторжение Японии и конфронтация времён холодной войны, а также то, что корейский народ столкнулся с угрозой войны и трагедией разделения отечества. Быстрое развитие корейско-советских отношений означало, что в конфронтационной структуре Корейского полуострова происходят значительные изменения, которые сигнализировали корейскому народу о наступлении эпохи мира и воссоединения [3].

Руководители Республики Корея и СССР согласились с тем, что порядок установления мира и сотрудничества, утверждённый на саммите между США и СССР на Мальте и в собрании Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Париже, должен также осуществляться на Корейском полуострове и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. По мнению Ро Дэу, развитие корейско-советских отношений и проведение корейско-советского саммита в Москве явились неизбежным результатом новой страницы истории, когда в Республике Корея осуществлялась «Северная политика», а Советском Союзе – перестройка [3].

Президент Ро Дэу, обосновывая интересы сторон к экономическому сотрудничеству, выделил взаимодополняющие характеристики экономик двух государств. В корейской экономике присутствовало много элементов, в которых нуждался СССР. Республика Корея, например, весьма успешно прошла определённый исторический этап развития рыночной экономики, накопила ценный опыт в области современного судостроения, автомобильной промышленности, электроники, связи и в производстве товаров народного потребления, материалов и передовых технологий, необходимых для увеличения социального капитала; РК обладала высококвалифицированной рабочей силой и навыками корпоративного управле-

ния. Прямое или косвенное использование указанных ресурсов РК могло содействовать продвижению реформ в СССР. Ро Дэу по достоинству оценил потенциал Советского Союза, а именно: владение обширными территориями, богатейшими природными ресурсами и широким потенциальным рынком; СССР имел передовую науку и технологии. Учитывалось то обстоятельство, что развитие торгово-экономического сотрудничества РК и СССР было связано с развитием политики, общества, культуры, науки и спорта [3].

В этой связи ярко прослеживалась заинтересованность участников диалога: советская сторона пыталась использовать нормализацию корейско-советских отношений в качестве движущей силы для расширения социального капитала и экономических преобразований в сегодняшней Тихоокеанской России; корейская сторона надеялась «залечить национальные раны», вызванные холодной войной, отменяя международный порядок в Северо-Восточной Азии; заложить основы для воссоединения двух Корей; доминировать в дипломатической конкуренции с КНДР; технологическое сотрудничество с СССР позволяло вывести корейскую промышленность на новый уровень международной коммерциализации.

Такой аргумент подтверждается работами корейских и российских исследователей. Л. В. Забровская придерживается именно этой точки зрения: СССР ожидал прежде всего экономических, а Республика Корея – политических дивидендов в связи с трагической историей корейской нации в холодной войне, а также с реализацией второго скачка корейской экономики и промышленности с помощью разработки ресурсов и инвестициями на Дальнем Востоке России [4, с. 29–30]. По мнению Ян Суми, решающими факторами для дипломатических отношений между двумя странами являлись дипломатические и экономические параметры: во-первых, связанные с КНДР факторы, такие как улучшение межкорейских отношений и проблема вступления Республики Корея в ООН; во-вторых, стратегия установления дипломатических отношений с КНР, находившейся в непосредственной близости от КНДР и быстро развивающейся, что могло принести пользу Республике Корея; в-третьих, диверсификация экономических союзников Республики Корея [2, с. 9–33]. Ли Ёну проанализировал внешнюю политику Республики Корея в отношении коммунистических стран как одно из зарубежных соревнований по «легитимности» между двумя Корейями в 1980-х годах. По мнению этого автора, КНДР также хотела наладить отношения с развитыми капиталистическими странами, включая США и Японию, с целью изоляции Республики Корея от международного сообщества и улучшения отношений КНДР с США и Японией в ответ на нормализацию отношений Республики Корея с КНР и СССР [5, с. 192–193]. Ю Сехи считал, что, с точки зрения корейской стороны, ослабление холодной войны может повлиять на улучшение межкорейских отношений и мирное воссоединение двух стран Корейского полуострова как важной цели «Северной политики» [6, с. 131]. Автор затронул наме-

рения советской стороны, направленные на нормализацию дипломатических отношений с Республикой Корея [6, с. 131–139].

В начале 1990-х гг. интерес Сеула к Дальнему Востоку получил дальнейшее продолжение благодаря конкретному сотрудничеству, связанному с промышленностью и ресурсами. В ноябре 1991 г. состоялся первый после создания Российской Федерации корейско-российский саммит. В соответствии с совместной корейско-российской декларацией, объявленной в Сеуле 20 ноября того же года, Ро Дэу и Б. Н. Ельцин обсудили вопрос о создании обеими сторонами корейского промышленного комплекса в свободной экономической зоне «Находка», а также о возможности использования запасов нефти Сибири, Дальнего Востока и Сахалина. Обе стороны подчеркнули важность участия Кореи в разведке и разработке ресурсов, включая газ и лес [7, с. 115–116].

Ким Ёнсам, избранный в 1993 г. президентом РК от правящей Демократической либеральной партии, стал первым корейским лидером, посетившим российский Дальний Восток. 7 июня 1994 г., возвращаясь из поездки в Узбекистан и Россию, Ким Ёнсам остановился во Владивостоке. Он познакомился с Тихоокеанским флотом России и даже побывал на подводной лодке «Адмирал Виноградов». По оценкам современников, этот визит Ким Ёнсама в столицу Приморского края, военный и торговый город-порт позволил ощутить необходимость ликвидации холодной войны [8], способствовал выстраиванию дружественных отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией. Это событие выявило то, что российский Дальний Восток находится в поле зрения корейской стороны. Однако конкретной правительственной политики РК, связанной с этим регионом, не появилось. Вместе с тем в середине 1990-х годов Республика Корея, отдавая приоритет потребностям корейских компаний, продолжала проявлять внимание к созданию промышленного комплекса в свободной экономической зоне «Находка» [9].

Интерес Республики Корея к российскому Дальнему Востоку, сосредоточенный на «Находке», сохранялся и после того, как в 1998 г. Ким Дэчжун (из оппозиционного Народного конгресса за новую политику) вступил в должность президента. В корейско-российской совместной декларации, подписанной Ким Дэчжуном и Б. Н. Ельциным и опубликованной 28 мая 1998 г., обе стороны заявляли о торгово-инвестиционном и экономическом сотрудничестве при вовлечении в этот процесс восточных территорий Российской Федерации. Предстояло изучить возможность установления такового. Вновь было подчеркнuto, что создание корейско-российского индустриального парка в свободной экономической зоне «Находка» является полезным проектом для развития экономического сотрудничества между двумя странами [7, с. 183–186; 10].

К этой же мысли Ким Дэчжун обратился через год, 27 мая 1999 г., выступая с речью на торжественном ужине корейских и российских бизнесменов. Он отметил

необходимость активного сотрудничества с опорой на взаимодополняющие потенциалы двух стран, такие как значительные ресурсы России, её передовые фундаментальные науки и технологии, а также эффективное использование рабочей силы и технологий в Республике Корея. Касаясь Дальнего Востока, Ким Дэчжун подчеркнул, что значение экономического взаимодействия на северо-востоке азиатского региона будет более весомым, чем ожидалось [11].

18 сентября 2000 г. состоялась церемония закладки железной дороги между двумя Кореями – от Сеула до северокорейского Синьиджу. Ким Дэчжун высказал уверенность, что ввод в строй железнодорожной линии Кёный усилит Корейский полуостров, выведет его на лидирующие позиции в качестве распределительного центра для континентов и океанов, центра, объединяющего Евразию и Тихий океан. Однако нельзя не учитывать опосредованное отношение железнодорожной линии Кёный к российскому Дальнему Востоку [12].

Ещё через полгода идея вовлечения дальневосточных территорий России в контакты РК и РФ получила новый импульс. Согласно совместному заявлению президентов Ким Дэчжуна и В. В. Путина (Сеул, 27 февраля 2001 г.) стороны договорились о создании Корейско-российского подкомитета Дальнего Востока и Сибири для существенного содействия сотрудничеству в экономической сфере. Ким Дэчжун и В. В. Путин согласились с тем, что корейско-российский промышленный комплекс в свободной экономической зоне «Находка» следует построить в кратчайшие сроки [7, с. 218–219; 13; 14]. В это же время Сеул и Москва продолжали интересоваться взаимодействием Транскорейской железной дорогой и Транссибирской магистрали. В этом контексте достаточно упомянуть соглашение, подписанное 5 декабря 2001 г. о транспортном сотрудничестве между Министерством строительства и транспорта Республики Корея и Министерством путей сообщения Российской Федерации [7, с. 229–230].

В 2003 г. президентскую должность в Республике Корея занял Но Мухён, политический преемник Ким Дэчжуна. Он надеялся на более тесное сотрудничество с Россией в целях содействия миру и процветанию в Северо-Восточной Азии. На саммите, состоявшемся в Бангкоке 22 октября 2003 г., встретились президенты Но Мухён и В. В. Путин. Они обсудили усилия, направленные на реализацию общих крупных проектов, включая соединение железных дорог двух государств [15]. 3 июля 2004 г. на встрече с министром иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавровым Но Мухён особо подчеркнул, что корейский «План мира и процветания в эпоху Северо-Восточной Азии» имеет общую цель с российской политикой по развитию Дальнего Востока и Сибири, и, следовательно, имеются точки роста для взаимодействия [16].

При очередной аудиенции с В. В. Путиным, состоявшейся 21 сентября 2004 г., Но Мухён подтвердил общий характер «Плана мира и процветания в эпоху Северо-

Восточной Азии» и российской политики в её восточных регионах [17; 18]. В результате встреч Но Мухёна с С. В. Лавровым и В.В. Путиным корейско-российские отношения вышли на уровень «взаимного доверия и всестороннего партнёрства». Были достигнуты соглашения о совместных проектах по разработке и транспортировке нефтяных и газовых месторождений на Дальнем Востоке и в Сибири, по Транскорейской железной дороге и Транссибирской магистрали [19].

Безусловно, следующим важным шагом явился обмен мнениями между Но Мухёном и В. В. Путиным, состоявшийся во время саммита АТЭС (Пусан, ноябрь 2005 г.). Предметом разговора являлся «Корейско-российский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества». Положения документа подчеркивали экономическую целесообразность совместных разработок нефтяных и газовых месторождений Дальнего Востока и Сибири, целесообразность соединения железных дорог между двумя странами, а также необходимость реализации намеченных задач в определённых временных рамках [20].

На президентских выборах в Корее в 2007 г. победил кандидат Ли Мёнбак из оппозиционной Партии великой страны. Правящий режим в Республике Корея получил новое направление. Ли Мёнбак долгое время работал в Hyundai Engineering and Construction в составе Hyundai Group. В 1988 г. он стал руководителем Hyundai Engineering and Construction. В то время он пришёл к следующему выводу: проекты, которые станут стимулировать как бизнес, так и национальную экономику, будут осуществимы совместно с коммунистическими странами. При этом молодые корейские компании могли получить такой шанс в сибирских и дальневосточных торгово-экономических инициативах. В то время он уговорил своего начальника Чон Чжуёна, основателя и председателя Hyundai, посетить СССР. В 1989 г. Ли Мёнбак вместе с Чон Чжуёном побывали в СССР и договорились с советской стороной о создании Корейско-советского комитета экономического сотрудничества, о сотрудничестве в области лесного хозяйства в Приморском крае и взаимодействии в строительстве целлюлозного завода в порту Ольга Приморского края [21].

Ли Мёнбак назвал своё правительство «Прагматическим правительством», особенность которого раскрыл в своей инаугурационной речи 25 февраля 2007 г.: «Мы должны выйти за пределы идеологической эры и перейти к прагматической эре. Практический дух – это рациональный принцип, который пронизывает историю Востока и Запада, и практическая мудрость, которую можно использовать для преодоления волны глобализации» [22]. Российская политика Ли Мёнбака, основанная на его «прагматическом духе», началась с первого дня его президентства. На встрече нового корейского президента и премьер-министра РФ В. И. Зубкова, проходившей вскоре после инаугурационной церемонии в Корее, в основном обсуждались корейские инвестиции в Россию, в частности в нефтяное месторождение на Сахалине и в развитие российского Дальнего Востока и Сибири. Ли Мёнбак под-

черкнул, что в Республике Корея высокий уровень технологий, но не хватает ресурсов, поэтому корейские компании заинтересованы в инвестициях в Россию [23].

11 марта 2008 г. Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея доложило Ли Мёнбаку о своих внешнеполитических целях и планах действий по их реализации, о том, что Министерство создаст «Новую систему сотрудничества Восточной Азии» с Японией, Китаем, Россией, АСЕАН, Индией и Австралией». Министерство планировало активно выстраивать дипломатические отношения между президентами Республики Корея и Российской Федерации, укреплять сотрудничество в сфере энергетики и ресурсов, включая развитие и Восточной Сибири [24].

В мае 2008 г. Д. А. Медведев вступил в должность президента РФ. 20 мая 2008 г. в телефонном разговоре Ли Мёнбака и Д. А. Медведева было подтверждено обоюдное стремление к тесному сотрудничеству для укрепления практического экономического взаимодействия, в том числе путём увеличения инвестиций, продолжения контактов железнодорожных секторов Республики Корея и России [25; 26].

Важное место в продвижении позиции Ли Мёнбака по отношению к России занимала его беседа с корреспондентами «Известий», телеканала «Россия» и другими СМИ, проведённая 26 сентября 2008 г. в Сеуле перед визитом в Россию. Ли Мёнбак выразил своё убеждение в том, что соединение Корейского полуострова и России железной дорогой позволит России и Республике Корея стать единой экономической зоной. Ли Мёнбак сказал, что хочет, чтобы Республика Корея и Россия имели такие отношения, которые бы способствовали ведению переговоров и оказанию помощи друг другу во всех областях, включая экономику, торговлю, культурно-исторические связи и поддержание мира в Северо-Восточной Азии [27]. Он также отметил важность восточных регионов России для дальнейшего устойчивого развития всей страны и то, что Корея близка к Тихоокеанской России. Ли Мёнбак обратился к гражданам Российской Федерации, подчёркивая, что он хорошо понимает Россию, любит её культуру и искусство и надеется, что Россия и Республика Корея считают друг друга близкими соседями [27]. Содержание беседы Ли Мёнбака имело большой положительный резонанс.

Подробнее взгляды Ли Мёнбака были раскрыты в ходе Корейско-российского бизнес-форума (29 сентября 2008 г.). Ли Мёнбак осветил основные позиции плана «Трёх новых Шёлковых путей в железнодорожной, энергетической и сельскохозяйственной сферах». Он вновь подчеркнул, что, когда Транссибирская железнодорожная магистраль и Транскорейская транзитная железная дорога будут соединены, то будет достигнут эффективный логистический транспортный проект между Пусаном и Европой, культура и жизнь Востока и Запада будут в тесном общении, снизится напряжённость в Северо-Восточной Азии [28]. Создав социальную инфраструктуру (дороги, аэропорты и морские порты), Республика Корея и Россия смогут извлекать взаимную выгоду. Энергетические ресурсы России, в том числе нефть и газ, а также

сотрудничество с ней Республики Корея в области технологического и инфраструктурного строительства будут объединены, и этим открывается перспектива Евразийского энергетического шёлкового пути. Кроме того, можно ожидать вторую зелёную революцию, объединив технологии ведения сельского хозяйства в Корее с эффективной системой управления и лесоразведением в обширной сельскохозяйственной и лесной зоне Приморского края [28]. В итоге Ли Мёнбак отметил, что укрепление отношений России с Республикой Корея означает, что Россия присоединится к экономической сфере Северо-Восточной Азии, а Республика Корея присоединится к развитию восточной части России. Непосредственным участником сотрудничества станет и Корейская Народно-Демократическая Республика. Всё это позволит заложить основу для трёхстороннего взаимодействия между Республикой Корея, КНДР и Россией в интересах мира и стабильности [28]. В тот же день было объявлено корейско-российское совместное заявление по итогам визита Ли Мёнбака. Документ зафиксировал выход корейско-российских отношений на уровень стратегического партнёрства.

Вместе с тем приближался 2012 г., очередной саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, местом проведения которого был избран Владивосток. Создание инфраструктуры этого важного международного мероприятия проходило при активном участии Республики Корея.

Весной 2009 г. была достигнута договоренность о поддержке корейской стороной совершенствования Дальневосточного российского портово-логистического комплекса, связывающего железную дорогу между Транскорейской и Транссибирской магистралью, об увеличении числа воздушных маршрутов между Инчхоном и Владивостоком [30]. После того, как российский министр транспорта РФ И. Е. Левитин посмотрел мост Инчхон-тэгё на остров Йонджондо (Инчхон), он поручил своему заместителю обсудить с корейской стороной вопрос о строительстве моста через Босфор Восточный на остров Русский (г. Владивосток). Такое обсуждение состоялось 6 марта [30].

В контексте рассматриваемой темы следует упомянуть Диалог Россия – Республика Корея (ДРПК), одной из задач которого являлась стратегия реализации планов развития Дальнего Востока и Сибири [31].

30 сентября 2010 г. Республика Корея и РФ отмечали 20-летие установления дипломатических отношений. Ли Мёнбак и Д. А. Медведев были удовлетворены тем, что обе страны неуклонно развивали контакты в политике, экономике и культуре и имели в качестве определенного ориентира концепцию «Трёх новых Шёлковых путей в железнодорожной, энергетической и сельскохозяйственной сферах» [32; 33].

Важность Дальнего Востока России в корейско-российских отношениях была подтверждена на церемонии закрытия второго Диалога Республика Корея – Россия,

проведённой в Санкт-Петербурге 2 ноября 2011 г. Ли Мёнбак подчеркнул необходимость укрепления корейско-российского экономического сотрудничества, особенно это касалось Сибири и Дальнего Востока России [34].

На президентских выборах, состоявшихся в декабре 2012 г., президентом была избрана Пак Кынхе, представительница правящей партии «Сэнури» (новое название Партии великой страны) [35]. Правящей партии удалось сохранить власть, однако политика Республики Корея в отношении России вновь изменилась. Пак Кынхе была дочерью бывшего президента Пак Чонхи, который начал первые корейско-советские контакты в 1970-е годы. В начале 2000-х годов Пак Кынхе уже предлагала конкретный план сотрудничества с Россией, опираясь на железнодорожное сообщение. В 2002 г. Пак Кынхе планировала принять участие в президентских выборах 2003 г. и готовила политическую программу для представления общественности своего видения и возможностей в качестве лидера государства, а роль в этом сыграла её организация – Институт по корейско-российским вопросам [36]. Пак Кынхе предложила «экономический скачок через межкорейское экономическое сотрудничество и продвижение на [евразийский] континент» в качестве видения политики своей страны и разработала план открытия евразийской железной дороги Пусан – Москва в конце 2003 г. для реализации этого. В то время правительство Ким Дэчжуна планировало построить железную дорогу, проходящую в Китай через линию Кёнън, но Пак Кынхе предусмотрела Евразийскую железную дорогу, соединяющую Сеул, Вонсан, Приморский край и Москву. Это связано с тем, что логистический центр Северо-Восточной Азии может создаваться в Маньчжурии, когда он проходит через Китай, но он строится недалеко от линии перемирия в Корее, возле демилитаризованной зоны, тогда возможно развивать Приморский край в связи использованием железной дороги [36].

Новый президент Пак Кынхе вложила свою политическую философию в «Евразийское сотрудничество» и «Креативную экономику». В дни избрания президентом она предложила, что, поскольку обстановка в плане безопасности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии неопределённая, то укрепление доверия со странами СВА является очень важным, и в будущем развитие двусторонних отношений между основными странами будет включать трёхстороннее сотрудничество, многостороннее сотрудничество в СВА и евразийское сотрудничество. Было предложено объединить доверие и экономическое сотрудничество [37]. В своей инаугурационной речи 25 февраля 2013 г. она сказала: «Креативная экономика – это сближение науки и техники и промышленности, сближение культуры и промышленности и создание цветов на границе между отраслями. Это создание новых рынков и новых рабочих мест на основе конвергенции, а не просто расширение существующих рынков. В основе «креативной экономики» лежат наука и технология, а также ИТ-индустрия, которую я ценю» [38]. Итак, политика Пак Кынхе в отношении России и её Дальнего Востока также опиралась на «Евразийское сотрудничество» и

«Креативную экономику». 27 марта 2013 г. Министерство иностранных дел и Министерство объединения Республики Корея официально доложили президенту «Инициативы по мирному сотрудничеству в Северо-Восточной Азии и расширению евразийского сотрудничества» [39].

Два месяца спустя вице-премьер и министр планирования и финансов Хён Осок на встрече министров внешней политики заявил, что Россия, вступая во Всемирную торговую организацию, планирует стать новым двигателем роста в Евразии; она проводит новую восточную политику по развитию Дальнего Востока и Сибири и укреплению сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Эти обстоятельства выступали важными аргументами в пользу уточнения внешнеполитического курса Республики Корея. Неслучайно Хён Осок объявил о продвижении «Новой северной политики», включившей укрепление политических и внешних связей, а также экономическое сотрудничество с Россией [40].

В интервью с ТАСС, которое состоялось в Сеуле 2 сентября 2013 г., Пак Кынхе подчеркнула, что Россия является страной, которая будет сотрудничать в интересах мира на Корейском полуострове и совместного развития в Северо-Восточной Азии. По мнению Пак Кынхе, взаимодополняющему сотрудничеству будет способствовать потенциал России – культура, искусство, фундаментальная наука, природные ресурсы [41].

На корейско-российском саммите, проведённом в Санкт-Петербурге 7 сентября того же года в рамках саммита Большой двадцатки, Пак Кынхе заявила, что важной задачей нового правительства является укрепление евразийского сотрудничества и что она лично мечтала о железной дороге из Пусана через Россию в Европу. Кроме того, Пак Кынхе отметила важность объединения задач сотрудничества в Евразии и развития Дальнем Востоке России [42; 43].

Эти же идеи, но в усиленном варианте, Пан Кынхе озвучила на «Конференции международного сотрудничества в эпоху Евразии», состоявшейся в Сеуле 18 октября 2013 г. Она предложила «Евразийскую инициативу», чтобы сделать Евразию единым, творческим и мирным континентом. Ключевыми планами Евразийской инициативы выступали интеграция и расширение евразийских энергетических, транспортных и логистических сетей посредством сотрудничества между Республикой Корея и Россией, трёхстороннее сотрудничество между Республикой Корея, КНДР и Россией и укрепление отношений с другими государствами Евразии, являвшимися стратегическими точками, могущими соединять северные и южные экономические регионы вокруг Корейского полуострова [44].

Пак Кынхе была уверена, что, если региональная экономическая интеграция ускорится, Евразия может создать огромный единый рынок, а новая Евразия предоставит новые возможности для инвестиций и трудоустройства, а также послужит новым континентом для следующих поколений. Кроме того, инновационная экономика России и «креативная экономика» Кореи имели общее: они были основаны на

творчестве людей, науке, технологиях, ИТ-технологиях, и такая интеграция этих возможностей делала Евразию двигателем глобального роста [44].

Чтобы реализовать Евразийскую инициативу, Пак Кынхе предложила «Трастовый процесс на Корейском полуострове». Это должно способствовать установлению мира и стабильности на Корейском полуострове, активному развитию Дальнего Востока и сотрудничеству между Республикой Корея, КНДР и Россией посредством развития межкорейских отношений и создания основы для мирного воссоединения на Корейском полуострове на основе укрепления доверия между двумя Кореями. Пак Кынхе предложила «Инициативу о мире и сотрудничестве в Северо-Восточной Азии», в рамках которой страны Северо-Восточной Азии начинают обсуждать различные вопросы, например, изменение климата, стихийные бедствия, ядерная безопасность и кибернетическое сотрудничество [45]. Она рассматривала обсуждения, диалог важной формой постепенного расширения масштабов взаимной деятельности.

Согласно совместному заявлению Пак Кынхе и В. В. Путина по итогам корейско-российского саммита в Сеуле 13 ноября 2013 г., Пак Кынхе подчеркнула, что делает упор на сотрудничество с Россией в ходе продвижения политики евразийского сотрудничества. В. В. Путин подчеркнул, что Россия во многих отношениях поддерживает сотрудничество с Республикой Корея, включая развитие Дальнего Востока России и Сибири и модернизацию экономики [46].

Обе стороны договорились об обмене опытом реализации экономической политики для развития российского Дальнего Востока и Сибирского региона, в частности, обе стороны инвестировали в реализацию стратегии социально-экономического развития и других федеральных специальных программ на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе до 2025 г. и выразили заинтересованность в их участии. Обе стороны согласились, что связь между Корейским полуостровом и Транссибирской магистралью будет способствовать миру и процветанию Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии, а также развитию сотрудничества между Евразией. Также было принято решение о расширении инвестиций в рыбный и сельскохозяйственный секторы с использованием передовых технологий на Дальнем Востоке и в Сибири [46].

Однако в связи с политическим скандалом Национальное собрание Республики Корея объявило 9 декабря 2016 г. импичмент Пак Кынхе [47], а 10 марта 2017 г., когда Конституционный суд отстранил её от должности президента [48], Евразийская инициатива была фактически прекращена.

На президентских выборах, состоявшихся в мае 2017 г., был избран кандидат от Демократической партии Тобуро Мун Чжэин [49]. В своём первом телефонном разговоре с В. В. Путиным Мун Чжэин подчеркнул, что Россия является лучшим партнёром для мира и процветания в Евразии и он намерен расширить сотрудничество между двумя странами в области развития Дальнего Востока [50].

В соответствии с «Пятилетним планом правительства Мун Чжэина в области государственного управления», объявленным 19 июля 2017 г., «Новая северная политика» нацеливалась на преодоление геополитической напряжённости и конкуренции в Северо-Восточной Азии [51]. Для реализации этой политики при Президенте Республики Корея был создан Комитет экономического сотрудничества по северному направлению. Его задачи и функции нашли отражение в специальном указе Президента от 25 августа 2017 г. [52].

Приморский край стал первым российским регионом, который посетил Мун Чжэин. 6–7 сентября 2017 г. Мун Чжэин находился во Владивостоке, участвуя в Восточном экономическом форуме. Выступая на пленарном заседании ВЭФа, Мун Чжэин подчеркнул тесную связь между Пусаном и Владивостоком: «Владивосток является крупнейшим морским городом России. Мне представилась возможность впервые посетить этот город. Атмосфера этого города мне по-особому приятна. Дома на холмах, если смотреть со стороны портов Владивостока, напоминают город Пусан, где я провёл юность. Сейчас в порт Камчхон в городе Пусан по-прежнему приходят российские судна с продукцией морского промысла. Перед станцией Пусан можно увидеть вывески на русском языке, можно попробовать русский хлеб и кефир». Мун Чжэин также подчеркнул, что пространством, где встречаются его «Новая северная политика» и «Новая восточная политика» В. В. Путина, является Дальний Восток [53].

На церемонии провозглашения будущего видения порта Пусан, состоявшейся 16 марта 2018 г. в новом порту Пусана, президент Мун Чжэин подчеркнул, что успех «Новой северной политики» также зависит от инноваций порта Пусан [54]. В начале 2020 г. Комитет экономического сотрудничества по северному направлению выразил уверенность, что 2020 г. станет Годом нового сотрудничества по северному направлению. Коллективные усилия, направленные на достижение целей «Новой северной политики», будут способствовать созданию основ будущего роста и предпосылок для объединения двух Корей [55].

Итак, за тридцать лет в Республике Корея сменилось семь президентов. Президент Ро Дэу провозгласил «Северную политику», Ким Ёнсам сделал немало в деле становления практического взаимодействия РК и РФ на российском Дальнем Востоке, Ким Дэчжун способствовал созданию и деятельности корейско-российского подкомитета Дальнего Востока и Сибири, Но Мухен проводил «Сбалансированную дипломатию» в Северо-Восточной Азии, Ли Мёнбак внедрял «Прагматический дух» во внешней политике Республики Корея, Пак Кынхе выступила с «Евразийской инициативой», а ее преемник Мун Чжэин стал инициатором «Новой северной политики». Каждый из президентов Республики Корея вносил своё видение и своё понимание в формирование отношений с Российской Федерацией и её составной частью – российским Дальним Востоком или, по-другому, – с Тихоокеанской Россией.

Список литературы

1. 대한민국 외교사료해제집 : 1986 / 외교부. – 서울 : 외교부, 2017. – 1591쪽. – Сборник аннотированных исторических источников по внешним делам Республики Корея: 1986 / Министерство иностранных дел. – Сеул : Министерство иностранных дел, 2017. – 1591 с.
2. 양수미. 노태우 행정부의 한국-소련 수교 결정요인에 관한 연구 : 석사학위 청구논문 / 양수미. – [출판 장소 없음], 2011. – 71 с. – Ян Суми. Исследование по фактору решения администрации Ро Дэу об установлении корейско-советских дипломатических отношений : дис. ... магистра / Ян Суми. – [Б. м.], 2011. – 71 с.
3. 모스크바 내외신 기자회견. – Пресс-конференция в Москве с корейскими и иностранными СМИ. – <http://dams.pa.go.kr:8888/dams/ezpdf/ezPdfReader.jsp?itemID=/DOCUMENT/2009/11/26/DOC/SRC/0104200911264118800041188013155.PDF> (дата обращения: 13.04.2020).
4. Забровская, Л. В. Россия и Республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству (1970–1990-е гг.) / Л. В. Забровская. – Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1996. – 127 с.
5. 李瑛雨. 韓國의 北方政策에서의 소련 // 平和研究. – 1985. – 第10卷, 第1號. – 163–197쪽. – Ли Ёну. СССР в Северной политике Кореи // Изучение мира. – 1985. – Вып. 10. – С. 163–197.
6. 유세희. 한국의 대소련정책 // 평화연구. – 1989. – Vol. 14. – 131–139쪽. – Ю Се-хи. Политика Кореи в отношении СССР // Изучение мира. – 1989. – Вып. 14. – С. 131–139.
7. 한·러관계사료집: 1990–2003 / 한정숙, 홍현익, 강윤희, 최우익. – 서울 : 서울대학교 출판부, 2005. – 713쪽. – Сборник источников по истории корейско-российских отношений: 1990–2003 гг. / Хан Джонсук, Хон Хёник, Кан Юнхи, Чхве Уик. – Сеул : Изд-во Сеульского ун-та, 2005. – 713 с.
8. 「冷戰시대 청산」 상징효과 // 동아일보. – 1994. – 6월 8일. – 5면. – Символизирующий эффект «ликвидации периода холодной войны» // Тона ильбо. – 1994 – 8 июня. – С. 5.
9. 한국토지공사 러 나훗카에 공단조성 // 경향신문. – 1996. – 2월 3일. – 9면. – Корейская земельная корпорация будет строить промзону в российской Находке // Кёнхян синмун. – 1996. – 3 декабря. – С. 9.
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о создании российско-корейского индустриального ком-

плекса на территории свободной экономической зоны «Находка». – URL: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=383cf946-1e8b-43f3-aa4a-04716d71ec69> (дата обращения: 13.04.2020).

11. 한·러 경제인 초청 만찬 연설 – 1999. 5. 27. – Речи на обеде корейско-российских деятелей экономики 27 мая 1999 г. – URL: http://kdjpeace.com/home/bbs/board.php?bo_table=d02_02&wr_id=259&sca=&sfl=wr_content&stx=%B7%AF%BD%C3%BE%C6&sop=and&page=4 (дата обращения: 14.04.2020).

12. 경의선 철도·도로 연결 기공식 연설 – 2000. – Речь на церемонии закладки строительства сообщения железнодорожной линии Кёный и автомобильных дорог 18 сентября 2000 г. – http://kdjpeace.com/home/bbs/board.php?bo_table=d02_02&wr_id=456&sca=&sfl=wr_content&stx=%B1%D8%B5%BF&sop=and (дата обращения: 14.04.2020).

13. Состоялись переговоры Владимира Путина и Президента Южной Кореи Ким Дэ Чжуна // Президент России : офиц. сайт. – 2001. – 27 февраля. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/40906> (дата обращения: 13.04.2020).

14. Российско-Корейское совместное заявление 26 февраля 2001 года. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/3304> (дата обращения: 13.04.2020).

15. 노 대통령, 푸틴 러시아 대통령과 정상회담 // 대한민국 정책브리핑. – Саммит президента Но с президентом России Путиным // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2003. – 22 октября. – URL: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=30025613> (дата обращения: 14.04.2020).

16. 노 대통령 «하반기 러시아 방문 희망» // 대한민국. – Президент Но: «Надеюсь посетить Россию во второй половине года» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2004. – 5 июля. – URL: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=65043766> (дата обращения: 14.04.2020).

17. 푸틴 대통령 «에너지·교통 프로젝트에 관심» // 대한민국 정책브리핑. – Президент Путин: «Заинтересован в энергетических и транспортных проектах» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2004. – 23 сентября. – URL: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=65066633> (дата обращения: 13.04.2020).

18. Начало беседы с Президентом Республики Корея Но Му Хёном // Президент России : офиц. сайт. – 2004. – 21 сентября. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22605> (дата обращения: 13.04.2020).

19. Российско-Корейская Совместная декларация 23 сентября 2004 г. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/2038> (дата обращения: 13.04.2020).

20. Российско-Корейский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества 19 ноября 2005 г. – URL: <http://krem lin.ru/supplement/4712> (дата обращения: 13.04.2020).

21. 북방과 교류의 문을 열다 // 이명박 대통령 기념 재단. – Открыть дверь для сотрудничества по северному направлению // Мемориальный фонд президента Ли Мёнбака. – 2008. – 18 декабря. – URL: http://leemyungbak.org/history/memoirs_view.php?idx=566 (дата обращения: 14.04.2020).

22. 선진화의 길, 다 함께 열어갑시다 – 대한민국 제 17대 대통령 취임사. – Все вместе откроем дорогу к продвижению! : Инаугурационная речь 13-го президента Республики Корея. – URL: <http://15c wd.pa.go.kr/korean/data/expreside nt/ntw/speech.html> (дата обращения: 14.04.2020).

23. 좁코프 러시아 총리 접견 결과 // 대한민국 정책브리핑. – Итог встречи с премьер-министром России Зубковым // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2008. – 26 февраля. – URL: <http://www.korea.kr/news/blueHouseView.do?newsId=148649311> (дата обращения: 14.04.2020).

24. 2008년 외교통상부 업무보고 결과 // 대한민국 정책브리핑. – Отчёт работы Министерства иностранных дел и торговли за 2008 год // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2008. – 11 марта. – URL: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=155285211> (дата обращения: 14.04.2020).

25. Телефонный разговор с Президентом Республики Корея Ли Мён Баком // Президент России : офиц. сайт. – 2008. – 20 мая. – URL: <http://kremlin.ru/eve nts/president/news/155> (дата обращения: 13.04.2020).

26. 한·러 정상통화 «동시베리아 개발 등 협력» // 대한민국 정책브리핑. – Телефонный разговор государственных глав Кореи и России «Сотрудничество в развитии Восточной Сибири и др.» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2008. – 21 мая. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148652480> (дата обращения: 14.04.2020).

27. 이 대통령 «횡단 철도는 한·러 경제권 묶어줄 것» // 대한민국 정책브리핑. – Президент Ли: «Транссибирская железнодорожная магистраль будет связывать корейско-российский экономический регион» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2008. – 26 сентября. – URL: <http://www.kore a.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148657414> (дата обращения: 14.04.2020).

28. 이 대통령 «철·에너지·녹색 실크로드» 건설 제안 // 대한민국 정책브리핑. – Президент Ли предлагает построить «Железный, энергетический и

зелёный шёлковый путь» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2008. – 29 сентября. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148657470> (дата обращения: 14.04.2020).

29. Совместное Заявление Российской Федерации и Республики Корея. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/237> (дата обращения: 13.04.2020).

30. 국토부, 한·러 교통부 차관 회의 개최 // 대한민국 정책브리핑. – Министерство земли проводило встречу вице-министров транспорта Кореи и России // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2009. – 28 марта. – URL: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=155338219> (дата обращения: 14.04.2020).

31. KRД 소개 // 한러대화. – О ДРПК // Диалог Россия – Республика Корея : офиц. сайт. – URL: http://ekrd.or.kr/bbs/content.php?co_id=introduction (дата обращения: 14.04.2020).

32. Поздравление Президенту Республики Корея Ли Мён Баку // Президент России : офиц. сайт. – 2010. – 30 сентября. – URL: <http://kremlin.ru/events/präsident/news/9083> (дата обращения: 13.04.2020).

33. 한·러 정상, 수교 20년 축하메시지 교환 // 대한민국 정책브리핑. – Государственные главы Кореи и России обмениваются поздравительными посланиями к 20-летию установления дипломатических отношений // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2010. – 30 сентября. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148699745> (дата обращения: 14.04.2020).

34. 이 대통령, 한·러 극동시베리아 경제협력 강화 역설 // 대한민국 정책브리핑. – Президент Ли подчеркивает важность укрепления экономического сотрудничества между Кореей и российским Дальним Востоком и Сибирью // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2011. – 3 ноября. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148721458> (дата обращения: 14.04.2020).

35. 박근혜, 사상 첫 여성대통령 // 경향신문. – 2012. – 12월 20일. – 1면. – Первая в истории [РК] женщина-президент Пак Кынхе // Кёнхян синмун. – 2012. – 20 декабря. – С. 1.

36. 허만섭. «유라시아철도 내년에 개통시키겠다» // 주간동아. – Хо Мансоп: «В следующем году я буду открывать Евразийскую железную дорогу» // Чуган Тона : [сайт]. – 2004. – 22 октября. – URL: <https://weekly.donga.com/List/3/all/11/68080/1> (дата обращения: 15.04.2020).

37. 박 당선인, «북한의 핵실험으로 인한 국력 소모는 스스로 무너지는 길» // 대한민국 정책브리핑. – Избранный президент Пак: «Потребление национальной

энергии из-за ядерного испытания – это путь к самому краху» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2013. – 13 февраля. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148755758> (дата обращения: 15.04.2020).

38. 박근혜 대통령 취임사. – Инаугурационная речь Пак Кынхе. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148756155> (дата обращения: 15.04.2020).

39. 국민행복·희망의 새시대 여는 «신뢰외교» // 대한민국 정책브리핑. – «Доверенная дипломатия», открывающая новую эру народного счастья и надежды // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2013. – 27 марта. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148757819> (дата обращения: 14.04.2020).

40. 현오석 부총리, «러시아와 경제협력 강화... 새로운 북방정책 추진» // 대한민국 정책브리핑. – Вице-премьер Хён Осок: «Укрепление экономического сотрудничества с Россией... Продвижение новой северной политики» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2013. – 21 мая. – URL: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=155896068> (дата обращения: 15.04.2020).

41. 박 대통령 «평화통일 기반 확실하게 구축» // 대한민국 정책브리핑. – Президент Пак: «Создание прочной основы для мирного объединения» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2013. – 6 сентября. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148766894> (дата обращения: 15.04.2020).

42. Встреча с Президентом Республики Корея Пак Кын Хе // Президент России : офиц. сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19170> (дата обращения: 13.04.2020).

43. 푸틴과 정상회담서 «부산발 유럽행 철도 꿈꿔» // 대한민국 정책브리핑. – Президент Пак в саммите с Путиным «Мечтаю о железных дорогах от Пусана в Европу» // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – URL: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148766928> (дата обращения: 15.04.2020).

44. 유라시아 컨퍼런스 대통령 기조연설문. – Вступительная речь президента [Пак Кынхе] на Евразийской конференции. – URL: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132026512> (дата обращения: 15.04.2020).

45. 유라시아 컨퍼런스 기조연설(국문). – Вступительная речь на Евразийской конференции (на государственном языке). – URL: <http://www.korea.kr/briefing/speechView.do?newsId=132026414> (дата обращения: 15.04.2020).

46. Совместное Заявление Российской Федерации и Республики Корея 13 ноября 2013 года. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/1564> (дата обращения: 13.04.2020).

47. 박 대통령 탄핵 가결 // 부산일보. – 2016. – 12월 10일. – 1면. – Законопроект по импичменту президента Пак был принят // Пусан ильбо. – 2016. – 10 декабря. – С. 1.

48. 대한민국의 봄, 다시 시작이다 // 한겨레. – 2016. – 3월 11일. – 1면. – Весна Республики Корея заново начинается // Хангёре. – 2016. – 11 марта. – С. 1.

49. 문재인 대통령 «통합의 시대 열겠다» // 동아일보. – 2017. – 5월 10일. – A1면. – Президент Мун Чжэин: «Я буду открывать эпоху объединения» // Тона ильбо. – 2017. – 10 мая. – С. A1.

50. 블라디미르 푸틴 러시아 대통령과의 통화 결과 브리핑 // 대한민국 정책브리핑. – Брифинг по итогам телефонного разговора Президента РК с Президентом России Владимиром Путиным // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2017. – 12 мая. – URL: <http://www.korea.kr/news/blueHouseView.do?newsId=148833778> (дата обращения: 15.04.2020).

51. 문재인정부 국정운영 5개년 계획. – Пятилетний план правительства Мун Чжэина в области государственного управления – URL: <http://www.korea.kr/common/download.do?fileId=145049693> (дата обращения: 24.04.2020).

52. 북방경제협력위원회의 설치 및 운영에 관한 규정 (대통령령 제28254호). – Правила об установлении Комитета экономического сотрудничества по северному направлению : указ Президента № 28254. – URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=196933&ancYd=20170825&ancNo=28254&efYd=20170825&nwJoYnInfo=Y&efGubun=Y&viewCls=callsRvsDocInfoR&chrClsCd=010202#0000> (дата обращения: 16.04.2020).

53. Пленарное заседание Восточного экономического форума. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55552> (дата обращения: 15.04.2020).

54. 문재인 대통령, 부산항의 미래비전 선포식 참석 // 대한민국 정책브리핑. – Президент Мун Чжэин присутствует на церемонии объявления будущего видения порта Пусан // Брифинг по политике Республики Корея : офиц. сайт. – 2018. – 16 марта. – URL: <http://www.korea.kr/news/blueHouseView.do?newsId=148848898> (дата обращения: 15.04.2020).

55. 북방위, «2020년 신북방협력의 해» 정책방향 발표 // 북방경제협력위원회. – Комитет экономического сотрудничества по северному на-

правлению объявил о направлении политики на «Год Нового сотрудничества по северному направлению 2020» // Комитет экономического сотрудничества по северному направлению : офиц. сайт. – 2020. – 12 февраля. – URL: https://www.bukbang.go.kr/bukbang/about_pr/0010/?boardId=bbs_0000000000000005&mode=view&cntId=37&category=&pageIdx= (дата обращения: 15.04.2020).

References

1. *Collection of Annotated Historical Sources on Foreign Affairs of the Republic of Korea: 1986. Ministry of Foreign Affairs.* Seoul: Ministry of Foreign Affairs, 2017. 1591 p. (In Korean).
2. Yang Sumi. *Study on the decision factor to establish diplomatic relations with the Soviet Union and Korea in the Roh, Tae-woo administration : Thesis for a master's degree.* S. 1., 2011. 71 p. (In Korean).
3. *Press conference in Moscow for Korean and foreign media.* Available at: <http://dams.pa.go.kr:8888/dams/ezpdf/ezPdfReader.jsp?itemID=/DOCUMENT/2009/11/26/DOC/SRC/0104200911264118800041188013155.PDF> (accessed 13 April 2020). (In Korean).
4. Zbrovskaia L.V. *Rossiya i Respublika Koreya: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu (1970–1990-e gg.)* [Russia and the Republic of Korea: from confrontation to cooperation (1970–1990s)]. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, 1996. 127 p.
5. Lee Youngwoo. USSR in Korea's the Northern Policy. *Peace Research*, 1985, iss. 10, pp. 163–197. (In Korean).
6. Yoo Sehee. Korea's policy toward Russia. *Peace Research*, 1989, iss. 14, pp. 131–139. (In Korean).
7. Hahn Jeongsook, Hong Hyunik, Kang Yoonhee, Choi Wooik. *Collection of sources on the history of Korean-Russian relations: 1990–2003.* Seoul: SNUPRESS, 2005. 713 p. (In Korean).
8. Symbolizing the effect of ending the Cold War period. *Dong-A Ilbo*, 1994, June 8, pp. 5. (In Korean).
9. Korean Land Corporation will build an industrial zone in Russian Nakhodka. *Kyunghyang Shinmun*, 1996, December 3, p. 9. (In Korean).
10. *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Korea for the Establishment of the Korea-Russia Industrial Complex in the Nakhodka Free Economic Zone.* Available at: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=383cf946-1e8b-43f3-aa4a-04716d71ec69> (accessed 13 April 2020). (In Russian).
11. *Speeches at the dinner of Korean-Russian economic leaders on May 27, 1999.* Available at: http://kdjpeace.com/home/bbs/board.php?bo_table=d02_02&

wr_id=259&sca=&sfl=wr_content&stx=%B7%AF%BD%C3%BE%C6&sop=and&page=4 (accessed 14 April 2020). (In Korean).

12. *Groundbreaking speech for the Gyeongui Line and road connection, September 18, 2000.* Available at: http://kdjpeace.com/home/bbs/board.php?bo_table=d02_02&wr_id=456&sca=&sfl=wr_content&stx=%B1%D8%B5%BF&sop=and (14 April 2020). (In Korean).

13. President Vladimir Putin and South Korean President Kim Dae-jung held negotiations. *President of Russia: official site*, 2001, February 27. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/40906> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

14. *Russian-Korean Joint Statement, February 26, 2001.* Available at: <http://kremlin.ru/supplement/3304> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

15. The summit between President Roh Moo-hyun and President of Russia Putin. *Republic of Korea Policy Brief*, 2003, October 22. Available at: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=30025613> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

16. President Roh: "I hope to visit Russia in the second half of the year". *Republic of Korea Policy Brief*, 2004, 5 July. Available at: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=65043766> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

17. President Putin: "I am interested in energy and transport projects". *Republic of Korea Policy Brief*, 2004, September 23. – Available at: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=65066633> (accessed 13 April 2020). (In Korean).

18. Opening remarks at a meeting with President of the Republic of Korea Roh Moo-hyun. *President of Russia: official site*, 2004, September 21. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22605> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

19. *Russian-Korean Joint Declaration, September 23, 2004.* Available at: <http://kremlin.ru/supplement/2038> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

20. *Russian-Korean Joint Action Plan for Trade and Economic Cooperation of November 19, 2005.* Available at: <http://kremlin.ru/supplement/4712> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

21. Opened door for Northern cooperation. *President Lee Myung-bak Memorial Foundation*, 2008, December 18. Available at: http://leemyungbak.org/history/memoirs_view.php?idx=566 (accessed 14 April 2020). (In Korean).

22. *Together we shall open a road to advancement! – Inaugural speech of the 13th President of the Republic of Korea.* Available at: <http://15cwnd.pa.go.kr/korean/data/expresident/ntw/speech.html> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

23. Outcome of the meeting with Prime Minister of Russia Zubkov. *Republic of Korea Policy Brief*, 2008, February 26. Available at: <http://www.korea.kr/news/blueHouseView.do?newsId=148649311> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

24. 2008 Annual Policy Report of Ministry of Foreign Affairs and Trade. *Republic of Korea Policy Brief*, 2008, March 11. Available at: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=155285211> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

25. Telephone conversation with President of the Republic of Korea Lee Myungbak. *President of Russia: official site*, 2008, May 20. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/155> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

26. Telephone conversation between the leaders of Korea and Russia “Cooperation in the development of Eastern Siberia, etc.”. *Republic of Korea Policy Brief*, 2008, May 21. – Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148652480> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

27. President Lee: “The Trans-Siberian Railway will link the Korean-Russian economic region”. *Republic of Korea Policy Brief*, 2008, September 26. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148657414> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

28. President Lee proposes to build an “Iron, Energy and Green Silk Roads”. *Republic of Korea Policy Brief*, 2008, September 29. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148657470> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

29. *Russian-Korean Joint Statement*. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/237> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

30. Ministry of Land held a meeting of Vice Ministers of Transport of Korea and Russia. *Republic of Korea Policy Brief*, 2009, March 28. Available at: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=155338219> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

31. About KRD. *Korea-Russia Dialogue*: official site. Available at: http://ekrd.or.kr/bbs/content.php?co_id=introduction (accessed 14 April 2020). (In Korean).

32. Congratulations to President of Republic of Korea Lee Myungbak. *President of Russia*: official site, 2010, September 30. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/9083> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

33. Leaders of Korea and Russia exchange congratulatory messages on the 20th anniversary of the establishment of diplomatic relations. *Republic of Korea Policy Brief*, 2010, September 30. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148699745> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

34. President Lee emphasized the importance of strengthening economic cooperation between Korea and the Russian Far East and Siberia. *Republic of Korea Policy Brief*, 2011, November 3. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148721458> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

35. First female president in history Park Geunhye. *Kyunghyang Shinmun*, 2012, December 20, pp. 1.

36. Hue Mansup: “Next year I will open the Eurasian Railway”. *Weekly Dong-A*, 2004, October 22. Available at: <https://weekly.donga.com/List/3/all/11/68080/1> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

37. President-elect Park: “National energy consumption due to a nuclear test is the path to ruin itself”. *Republic of Korea Policy Brief*, 2013, February 13. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148755758> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

38. *President Park Geunhye’s Inauguration Address*. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148756155> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

39. Trust-Based diplomacy heralding a new era of hope and happiness for the people. *Republic of Korea Policy Brief*, 2013, March 27. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148757819> (accessed 14 April 2020). (In Korean).

40. Deputy Prime Minister Hyun Ohseok: «Strengthening economic cooperation with Russia... Promoting the New Northern Policy». *Republic of Korea Policy Brief*, 2013, May 21. Available at: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=155896068> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

41. President Park: “Building a basic foundation for peaceful unification”. *Republic of Korea Policy Brief*, 2013, September 6. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148766894> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

42. Meeting with President of the Republic of Korea Park Geunhye. *President of Russia: official site*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/19170> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

43. President Park at the Summit with Putin: “I dream about the railway from Busan to Europe”. *Republic of Korea Policy Brief*. Available at: <http://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148766928> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

44. *President’s opening speech at the Eurasian Conference*. Available at: <http://www.korea.kr/archive/speechView.do?newsId=132026512> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

45. *Opening speech at the Eurasian Conference (in national language)*. Available at: <http://www.korea.kr/briefing/speechView.do?newsId=132026414> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

46. *Russian-Korean Joint Statement, November 13, 2013*. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/1564> (accessed 13 April 2020). (In Russian).

47. President Park’s impeachment bill passed. *Busan Ilbo*, 2016, December 10, pp. 1.

48. Spring of the Republic of Korea begins anew. *The Hankyoreh*, 2016, March 11, pp. 1.

49. President Moon Jaein: “I will open an era of integration”. *The Dong-A Ilbo*, 2017, 10 May, pp. A1. (In Korean).

50. Briefing after the telephone conversation with the President of Russia Vladimir Putin. *Republic of Korea Policy Brief*, 2017, May 12. Available at: <http://www.korea.kr/news/blueHouseView.do?newsId=148833778> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

51. Five-year Plan for the Moon Jaein Administration of State Affairs – URL: <http://www.korea.kr/common/download.do?fileId=145049693> (дата обращения: 24.04.2020).

52. *Regulations on the establishment and operation of the Presidential Committee on Northern Economic Cooperation: Presidential Decree No. 28254.* – Available at: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=196933&ancYd=20170825&ancNo=28254&efYd=20170825&nwJoYnInfo=Y&efGubun=Y&viewCls=callsRvsDocInfoR&chrClsCd=010202#0000> (accessed 16 April 2020). (In Korean).

53. *Plenary session of the Eastern Economic Forum.* Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/55552> (accessed 15 April 2020). (In Russian).

54. President Moon Jaein attends the ceremony to announce the future vision of the Port of Busan. *Republic of Korea Policy Brief*, 2018, March 16. Available at: <http://www.korea.kr/news/blueHouseView.do?newsId=148848898> (accessed 15 April 2020). (In Korean).

55. Presidential Committee on Northern Economic Cooperation announced policy direction for the «Year of New Northern Cooperation 2020». *Presidential Committee on Northern Economic Cooperation*: official site, 2020, February 12. Available at: https://www.bukbang.go.kr/bukbang/about_pr/0010/?boardId=bbs_0000000000000005&mode=view&cntId=37&category=&pageIdx= (accessed 15 April 2020). (In Korean).

УДК 332.142.2(518)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/126-136>

С. К. Песцов¹, Центр глобальных и региональных исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
E-mail: skpfox@yandex.ru

ТРУДНАЯ ПЕРИФЕРИЯ: СТРАТЕГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОЖИВЛЕНИЯ «РЖАВОГО ПОЯСА» КИТАЯ*

Аннотация. Оживление Северо-Востока Китая – его старой промышленной базы, превратившейся за годы открытости и реформ в отстающую периферию, является одной из наиболее важных и, одновременно, сложных задач в рамках государственной политики управления региональным развитием. Попытки системного решения этой задачи руководством страны начали предприниматься с начала 2000-х годов. Нельзя утверждать, что инициативы, связанные с усилиями по преодолению периферийности Северо-Востока, за прошедшие годы оказались безрезультатными. В то же время говорить о радикальном переломе негативных тенденций в развитии этого региона довольно затруднительно. Очевидным подтверждением того, что цель «оживления» Северо-Востока всё ещё далеко не достигнута, могут служить все новые инициативы в этом направлении. Нынешняя администрация во главе с президентом Си Цзиньпином, подтверждая сохраняющуюся актуальность проблемы оживления северо-восточного региона, в августе 2014 г. и апреле 2016 г. анонсировала обновление планов решения этой задачи. В данной статье рассматриваются общие подходы и промежуточные итоги государственной политики оживления Северо-Восточного региона КНР, позволяющие сделать некоторые выводы относительно её сильных сторон и недостатков. Предпринятый анализ подтверждает актуальность, как минимум, нескольких важных выводов. Во-первых, достигнутые позитивные изменения в развитии экономики и социальной сферы региона подтверждают значимость согласованной и всесторонней стратегии для управления региональным развитием. Во-вторых, важным обстоятельством, огра-

¹ Сергей Константинович Песцов, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской Академии Наук, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Песцов С. К. Трудная периферия: стратегия и результаты оживления «ржавого пояса» Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 126–136. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/126-136>.

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-514-93004 «Управление развитием сопредельных территорий России и Китая в начале XXI века: национальные практики как основа теоретической рефлексии».

ничающим эффективностью предпринимаемых усилий, стало долго сохранявшееся упрощённое представление о возрождении старой промышленной базы. Оно сводило эту задачу к проблеме промышленных технологий без учёта важности системной реформы и институциональных инноваций. И, в-третьих, подход, опирающийся преимущественно на согласованные правительственные усилия сверху вниз, вовсе не является гарантией успеха. Таким образом, опыт прошедших лет ясно показывает, что успешное решение задачи оживления китайского «ржавого пояса» возможно только в рамках целостного регионального проекта, объединяющего цели экономического роста, социального прогресса и улучшения экологии, равно как и усилия множества акторов на национальном и локальном уровнях.

Ключевые слова: КНР, Северо-Восток Китая, «ржавый пояс», старая промышленная база, периферия, ресурсная зависимость, региональная экономика, управление региональным развитием, государственная стратегия, структурные реформы, технологические инновации, экономический рост.

Sergey K. Pestsov¹, Center for Global and Regional Studies, IAE FEB RAS, Vladivostok, Russia
E-mail: skpfox@yandex.ru

DIFFICULT PERIPHERALS: STRATEGY AND RESULTS OF REVITALIZING THE “RUST BELT” OF CHINA*

Abstract. Revitalization of the Northeast China's old industrial base, which has turned into a lagging periphery over the years of openness and reform, is one of the most important and, at the same time, most difficult tasks in the framework of the state policy of managing regional development. Attempts to systematically solve this problem by the country's leadership began in the early 2000s. It cannot be argued that over the past years, initiatives related to efforts to overcome the periphery of the Northeast have been unsuccessful. At the same time, it is rather difficult to talk about a radical turn in negative trends in the development of this region. Several new initiatives in this direction can serve as clear confirmation that the goal of revitalizing the North-East is still far from being achieved. The current administration, led by President Xi Jinping, confirming the con-

¹ Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

For citing: Pestsov S. K. Difficult peripherals: strategy and results of revitalizing the “rust belt” of China // Pacific RIM: Economics, Ppolitics, Law. 2020. No. 3. P. 126–136. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/126-136>.

* The article was prepared within the framework of the RFBR grant No. 20-514-93004 "Management of the development of adjacent territories of Russia and China at the beginning of the XXI century: national practices as the basis of theoretical reflection".

tinuing urgency of the problem of revitalizing the northeastern region, in August 2014 and April 2016 announced an update of plans to address this problem. This article examines the general approaches and intermediate results of the state policy of revitalizing the northeastern region, allowing drawing some conclusions regarding its strengths and weaknesses. The analysis confirms the relevance of at least several important conclusions. First, the positive changes achieved in the development of the economy and social sphere of the region confirm the importance of a coordinated and comprehensive strategy for managing regional development. Secondly, an important factor limiting the effectiveness of the efforts being made is the long-held simplistic view of the revival of the old industrial base. It reduced this task to the problem of industrial technology without considering the importance of systemic reform and institutional innovation. And third, a top-down approach, even one that relies heavily on concerted government efforts, is by no means a guarantee of success. Thus, the experience of past years clearly shows that a successful solution to the task of revitalizing the Chinese «rust belt» is possible only within the framework of a holistic regional project that combines economic growth, social progress and environmental improvement, as well as the efforts of many actors at the national and local levels.

Key words: PRC, Northeast China, old industrial base, "rust belt", periphery, resource dependence, regional economy, regional development management, government strategy, structural reforms, technological innovation, economic growth.

Управление региональным развитием, учитывая размеры и географию Китая, а также роль регионов в содействии экономическому развитию страны, традиционно выступает одним из ключевых компонентов общегосударственной политики развития. Одним из наиболее важных и достаточно специфическим объектом приложения усилий традиционно выступает регион Северо-Востока, включающий провинции Лянин, Цзилинь и Хэйлуцзян, а также восточные части автономных районов Внутренней Монголии. Благодаря богатству природных ресурсов, уникальной истории развития и геополитическим отношениям с СССР, этот регион в 1950–1960-е годы возник в качестве первого промышленно развитого района и крупнейшей промышленной базы Китая. Основатель КНР Мао Цзэдун называл Северо-Восток «старшим сыном» страны, на плечах которого, согласно китайской традиции, покоится будущее семьи [4]. Однако за годы реформ положение региона существенно ухудшилось, а сам он превратился в проблемную периферию, для обозначения которой всё чаще используется термин «ржавый пояс». Первоначально это понятие с 1980 г. стало употребляться в качестве неофициального названия для промышленного региона США, вступившего в полосу глубокого и затяжного экономического кризиса, сопровождавшегося деиндустриализацией, упадком городов и депопуляцией. Ныне это

понятие стало общеупотребительным для определения депрессивных территорий в разных странах, включая и Северо-Восток Китая [6; 10].

Стратегия оживления Северо-Востока: цели и средства

Задача возрождения Северо-Востока Китая, превратившегося в «ржавый пояс» страны, была сформулирована центральным правительством в начале 2000-х годов в качестве отдельного направления общей политики регионального развития [7]. Специальная региональная политика реформирования старой промышленной база Китая впервые была анонсирована в документе «О реализации стратегии возрождения северо-восточной старой промышленной базы и других старых промышленных баз», одобренном ЦК КПК и Государственным советом Китая 5 октября 2003 г. Вслед за этим Национальная комиссия по развитию и реформам КНР представила первый список 100 возрождаемых объектов, финансируемых за счёт займов казначейских облигаций. Государственным советом Китая были также учреждены руководящая группа и постоянный офис (Управление Государственного совета по возрождению старой промышленной базы Северо-Востока и других районов (State Council Office for Revitalizing Northeast Old Industrial Base and Other Areas – SCORNOIBOA), призванные координировать реализацию политики [9]. Центральным правительством были определены четыре основные задачи активизации северо-восточного промышленного «ржавого пояса», включая усилия по реструктуризации государственных предприятий (state-owned enterprise – SOE), продвижению частного сектора, оптимизации структуры промышленности и привлечению большего объёма внутренних и зарубежных инвестиций [8]. Правительства провинций Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян, в свою очередь, начали разработку собственных планов, конкретизирующих программные цели [3].

Углубление реформы государственной системы управления активами и государственными предприятиями, содействующее расширению смешанной собственности и частному сектору экономики, рассматривалось как средство повышения экономической жизнеспособности региона. Оптимизация существующего промышленного комплекса и модернизация его технологий выступали основным средством оживления некогда важных промышленных баз. Северо-Восток должен был продолжать развивать те отрасли, которые в наибольшей степени адаптированы к условиям местных отраслевых комплексов, и одновременно уделять внимание развитию современного сельского хозяйства с целью укрепления позиций в качестве основного производителя и поставщика зерна. Регион нацеливался на расширение открытия своей экономики для других частей страны и остального мира. Местным правительствам рекомендовалось повышать занятость и расширять охват системы социального обеспечения. Крайне важным также являлось решение задач изменения режима экономического роста, предотвращения нерациональных инвестиций и дублирования строительных проектов с использованием низкоуровневых технологий [13].

Одновременно Государственным советом была запущена пилотная программа по реформированию налоговой системы в регионе, чтобы стимулировать капиталовложения и техническое перевооружение. Компании в ряде отраслей, таких как машиностроение, нефтехимия, судоходство и транспортные средства, освобождались от уплаты НДС при покупке оборудования и техники с датой 1 июля 2004 г. В марте 2004 г. Государственный совет КНР объявил, что провинции Цзилинь и Хэйлуцзян должны стать двумя единственными экспериментальными районами для отмены сельскохозяйственных налогов [2, р. 8–9]. Инвестиции преимущественно направлялись в программы по корректировке структуры промышленности, преобразованию старых государственных предприятий и осуществлению высокотехнологичных индустриальных проектов.

Региону предлагалось осуществить корректировку структуры собственности, чтобы сократить государственный и расширить негосударственный сектор. Эта стратегия, названная стимулированием реформы существующего масштаба экономики (*yi zengliang cu cunliang de gaige zhanlüe*), продемонстрировавшая эффективность в прибрежных районах на юго-востоке Китая, теперь должна была помочь оживлению северо-востока. Предполагалось, что развитие негосударственного сектора в регионе не только создаст новые возможности трудоустройства для увольняемых с госпредприятий работников, но и подтолкнёт последние к повышению эффективности и конкурентоспособности благодаря сокращению избыточного числа занятых [2, р. 9]. В соответствии с политическими документами правительства 2003 г., ряд старых промышленных городов на Северо-Востоке Китая были выбраны в качестве пилотных для снятия с ключевых крупных предприятий социальных функций с целью постепенного освобождения их от социального обременения. Социальные расходы предполагалось компенсировать финансами из центрального бюджета. Одновременно планировалось решить вопрос коллективных предприятий, управляемых SOE [5, р. 106].

Для организаций социального обеспечения в трёх северо-восточных провинциях (Ляонин, Цзилинь и Хэйлуцзян) в таких сферах, как базовое пенсионное и медицинское страхование, выделялись дополнительные средства из центрального бюджета. Финансовые ресурсы, предоставленные трём провинциям, составили в 2003–2005 гг. 66,16 млрд юаней, включая 36,93 млрд юаней на базовые пенсионные страховые взносы для работников, 11,94 млрд юаней на пособия на проживание и пособия по безработице для уволенных работников государственных предприятий, 6,71 млрд юаней в качестве суточных для жителей города и 10,58 млрд юаней в качестве средств на иные пилотные проекты по реформе социального обеспечения [5, р. 106–107].

Руководство трёх северо-восточных провинций также представило собственные программы экономических и социальных реформ [11, р. 234–235]. Провинция Ляонин в качестве приоритета объявило структурную перестройку, предполагаю-

щую укрепление ключевых предприятий с целью превращения провинции в национального и международного производителя оборудования и важного поставщика сырья. Эту задачу предполагалось решить к 2010 г. путём консолидации трёх основных отраслей: нефтехимии, металлургии и производства оборудования. Другие меры включали содействие экономическому развитию уездов для стимулирования экономического развития сельских районов; ускорение развития современной сферы услуг и повышение её качества; поощрение создания новых отраслей промышленности и лёгкой промышленности, а также содействие применению информационных технологий в традиционной промышленности. Собственный комплексный план был представлен провинцией Цзилинь [2]. Осуществляя модернизацию и максимизацию своей промышленности, провинция планировала развивать современное сельское хозяйство и сферу услуг. Для исправления дисбаланса между тяжёлой и лёгкой промышленностью провинция намеревалась стимулировать развитие переработки сельскохозяйственной продукции и производство фармацевтических препаратов [2, р. 11]. Провинция Хэйлуцзян акцентировала внимание на мерах по реорганизации и обновлению государственных предприятий, управляемых местными органами власти, консолидации системы социального обеспечения и ускоренного развития новых отраслей промышленности в городах с истощёнными ресурсами. Основные задачи, которые ставила перед собой провинция, включали удержание уровня безработицы в городе в пределах 5%, ограничение тенденции к ухудшению экологической обстановки и ежегодное увеличение стоимости промышленной продукции более чем на 10% или увеличение ВВП более чем на 9%. Соответственно, к 2008 году ВВП провинции должно было удвоиться. В качестве приоритета ею были выбраны пять основных отраслей: производство оборудования, нефтехимия, энергетика, производство экологически чистых и специальных продуктов питания, а также фармацевтика [2, р. 11–13].

Стратегия оживления Северо-Востока: промежуточные итоги

Тем не менее, за годы, прошедшие со времени начала реформ, констатируют специалисты в самом Китае и за его пределами, задача оживления Северо-Востока по-прежнему далека от своего решения. «Регион всё ещё экономически борется с теми же проблемами, с которыми он сталкивался при запуске плана... Последовательные центральные администрации не смогли осознать важность институциональной и управленческой реформы в регионе, сосредоточившись вместо этого на стимулирующей политике, которая преуспела только в сохранении структурных проблем» [3]. Так, чрезвычайно медленными темпами продвигается реформа SOE. Хотя объём промышленного производства госпредприятий в процентном отношении к общему объёму производства с 74% в 1998 г. снизился до 37% в 2011 г., однако заметного повышения производительности среди них не продемонстрировали.

Соотношение потерь к активам в государственных предприятиях региона выросло с примерно 3% в начале 2000-х годов до более 10% в последние годы [3]. Серьёзным недостатком, снижающим эффективность усилий, остается неадекватная промышленная политика. Фактическая поддержка региона в области реформы промышленной политики оказалась гораздо слабее той, которая ожидалась. В настоящее время промышленность на Северо-Востоке по-прежнему ещё остается на нижнем уровне цепочки создания стоимости. Хотя за последнее десятилетие производство в значительной степени заменило добычу полезных ископаемых, но строительство и производство электроэнергии, выпуск вторичного сектора по-прежнему возглавляется такими отраслями, как переработка нефти, производство цветных металлов и пищевая промышленность.

Как и прежде, Северо-Восток испытывает гнёт «ресурсного проклятия». Сельскохозяйственные угодья, нефть, древесина и металлы сыграли важную роль в общем развитии Китая. Однако они же сделали его более уязвимым в условиях централизованного планирования и растущих потребностей в ресурсах других регионов. Несмотря на многочисленные заявления, фискальные трансферты северо-востоку со стороны центрального правительства в течение последующих десятилетий оставались почти неизменными. Хотя инвестиции в регион из бюджета центрального правительства возросли после объявления в 2003 г. плана оживления, вскоре они вернулись к прежним уровням. Больше того, эти средства часто помогали госпредприятиям списывать их долги, но не мотивировали какие-либо реальные структурные реформы для устранения плохого управления и неэффективности производства [4]. В значительной степени неизменно проблемной остаётся и деловая среда. Бюрократическая волокита и доминирование SOE всё ещё создают серьёзные препятствия для привлечения частных инвестиций из внешних источников, при этом успех в бизнесе основывается больше на выстраивании отношений, нежели на обеспечении производительности. Это выступает тормозом развития местной деловой культуры, поскольку молодёжь северо-востока зачастую предпочитает мигрировать из региона. Ситуация усугубляется тем, что заработная плата, выплачиваемая государственным служащим, которая является одной из самых низких в стране из-за избытка рабочей силы, побуждает чиновников к поиску ренты.

Заключение

Очевидным подтверждением того, что цель «оживления» Северо-Востока всё ещё далеко не достигнута, могут служить новые инициативы в этом направлении. Нынешняя администрация во главе с президентом Си Цзиньпином, подтверждая сохраняющуюся актуальность проблемы оживления северо-восточного региона, в августе 2014 г. и апреле 2016 г. анонсировала обновление планов решения связанных с этим задач.

В совместном политическом документе ЦК КПК и Государственного совета «Некоторые мнения относительно всестороннего возрождения старых промышленных баз, включая северо-восток», появившемся в 2016 г., предложенная стратегия названа «основной политикой нового века», подчёркивая, что этот период будет иметь решающее значение для возрождения региона. Согласно документу, регион испытывает нарастающее давление на экономический рост, тогда как государственные предприятия по-прежнему остаются недостаточно жизнеспособными. К 2020 году, отмечается в нём, отрасли, переживающие спад, и регионы с истощающимися ресурсами должны кардинальным образом изменить свои модели роста [1].

Эти планы, как и раньше, нацелены на содействие «реформе и развитию частной экономики», включая такие меры, как сокращение пространства административных разрешений, открытие большего количества секторов для частных инвестиций, предоставление большей финансовой поддержки и государственно-частное партнёрство [12]. Отчасти повторяя стратегию возрождения северо-востока, взятую на вооружение центральным правительством в 2003 г., они также предусматривают множество вспомогательных мер, специально разработанных для региона. К концу 2017 г. центральным правительством было выпущено более 60 документов по этому вопросу, с созданием в рамках государственного аппарата значительной армии бюрократии, ориентированной на решение этой задачи [3]. И всё же все эти усилия центральных властей по оживлению «ржавого пояса» посредством оптимизации деловой среды, инвестиций в технологии или предложения стимулов для привлечения капиталов и молодых талантов, пока что окупаются не в полной мере. Традиционные отрасли промышленности, по-прежнему преобладающие в регионе, продолжают испытывать разного рода трудности, а утечка мозгов остается столь же острой проблемой. И в 2019 г. экономики Ляонина, Цзилиня и Хэйлунцзяна всё ещё находились среди тех, которые в наибольшей степени оказываются подверженными спаду [3].

Тем не менее, нельзя утверждать, что инициативы, связанные с усилиями по преодолению периферийности Северо-Востока, за прошедшие годы оказались безрезультатными. В то же время практические результаты этих попыток делают актуальными, как минимум несколько важных выводов. Во-первых, достигнутые позитивные изменения в развитии экономики и социальной сферы региона подтверждают значимость согласованной и всесторонней стратегии для управления региональным развитием, подобной той, которая была взята на вооружение центральными и местными органами власти Китая в 2003 г. вместо прежней разрозненной тактики решения отдельных вопросов. Во-вторых, даже такой подход, опирающийся на согласованные правительственные усилия в основном сверху вниз, не является гарантией успеха. Начавшаяся с 2003 г. «битва за будущее северо-востока, – констатирует в этой связи Э. Бэтсон, – стала косвенной дискуссией о выборе, стоящем

перед Китаем, между рыночными реформами или государственной промышленной политикой» [14]. В рамках политики предоставления преференций Северо-Востоку правительство начало реализацию ряда программ, направленных на преодоление наиболее очевидных проблем, тормозящих развитие региона. Однако продолжающиеся государственные субсидии для государственных предприятий вступили в противоречие с обязательствами правительства по обеспечению развития частного рынка, а местные чиновники часто оказывались неспособными проводить рыночную политику. Наконец, ещё одним важным обстоятельством, ограничивающим эффективность предпринимаемых усилий, стало долго сохранявшееся упрощённое представление о возрождении старой промышленной базы, сводившее эту задачу к проблеме промышленных технологий без учёта важности системной реформы и институциональных инноваций. Таким образом, опыт прошедших лет ясно показывает, что успешное решение задачи оживления китайского «ржавого пояса» возможно только в рамках целостного регионального проекта, объединяющего экономический рост, социальный прогресс и улучшение экологии.

Список литературы

1. China to revitalize the Northeast. – URL: http://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2016/04/27/content_281475336315607.htm (дата обращения: 29.09.2020).
2. Dong Lisheng. China's drive to revitalise the Northeast. – DOI <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.462> // China Perspectives. – 2005. – № 58, March–April. – URL: <http://journals.openedition.org/chinaperspectives/462> (дата обращения: 29.09.2020).
3. Disparities in China's regional growth: A look at H1 2019 GDP Data. China briefing. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-regional-growth-disparities-increased-h1-2019-gdp-growth-numbers/> (дата обращения: 29.09.2020).
4. Elaine Chan. China's Northeastern rust belt was once «Eldest Son», now struggling as runt of the litter. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3008778/chinas-northeastern-rust-belt-was-once-eldest-son-now> (дата обращения: 29.09.2020).
5. EU–China cooperation activity on regional policy within the policy dialogue between DG REGIO and NDRC. Final report of Chinese expert. English language version // EU–China Cooperative Research Program on Regional Policy. Research Report of the Chinese Expert Group. December 2010. 375 p. – URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/studies/2010/euchina-cooperative-research-program-on-regional-policy-research-report-of-the-chinese-expert-group (дата обращения: 29.09.2020).

6. Li Fangchao. Plan to revitalize Northeast region. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2007-08/09/content_6018172.htm (дата обращения: 29.09.2020).
7. Liu Shijin. Revitalizing the old industrial bases in Northeast China Calls for new ways of thinking and strategic measures. – URL: http://en.drc.gov.cn/2003-12/01/content_36597899.htm (дата обращения: 29.09.2020).
8. Northeast China gets helping hand. – URL: http://en.people.cn/200311/27/eng20031127_129136.shtml (дата обращения: 29.09.2020).
9. Tan Khee Giap. 2014 Annual provincial and regional competitiveness analysis for greater China economies. Development strategies under the new normal / Tan Khee Giap, Yuan Randong, Sangiita Yoong Wei Cher. – Singapore : World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd, 2015. – 356 p.
10. The economist intelligence unit. China's North-East: (Still) Striving for revitalisation. – URL: http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1556388139&Country=China&topic=Economy_1 (дата обращения: 29.09.2020).
11. The State Council Leading Group of revitalizing the old industrial bases in the Northeast region holds its first meeting // People's Daily. – 2004. – March 24.
12. Yuan Yang. Rust-Belt decline poses threat to Chinese. – URL: <https://www.ft.com/content/ed8523ac-de36-11e7-a8a4-0a1e63a52f9c> (дата обращения: 29.09.2020).
13. Zhang Pingyu. Revitalizing old industrial base of Northeast China: process, policy and challenge // Chinese Geographical Science. – 2008. – № 18 (2). – P. 109–118.

References

1. *China to revitalize the Northeast*. Available at: http://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2016/04/27/content_281475336315607.htm (accessed 29 September 2020).
2. Dong Lisheng. China's drive to revitalise the Northeast. – DOI <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.462>. *China Perspectives*, 2005, no. 58, March–April. Available at: <http://journals.openedition.org/chinaperspectives/462> (accessed 29 September 2020).
3. *Disparities in China's regional growth: A look at H1 2019 GDP Data*. *China briefing*. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/china-regional-growth-disparities-increased-h1-2019-gdp-growth-numbers/> (accessed 29 September 2020).
4. Elaine Chan. *China's Northeastern rust belt was once «Eldest Son», now struggling as runt of the litter*. Available at: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3008778/chinas-northeastern-rust-belt-was-once-eldest-son-now> (accessed 29 September 2020).
5. EU–China cooperation activity on regional policy within the policy dialogue between DG REGIO and NDRC. Final report of Chinese expert. English language version.

EU–China Cooperative Research Program on Regional Policy. Research Report of the Chinese Expert Group. December 2010. 375 p. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/studies/2010/euchina-cooperative-research-program-on-regional-policy-research-report-of-the-chinese-expert-group (accessed 29 September 2020).

6. Li Fangchao. *Plan to revitalize Northeast region.* Available at: https://www.chinadaily.com.cn/china/2007-08/09/content_6018172.htm (accessed 29 September 2020).

7. Liu Shijin. *Revitalizing the old industrial bases in Northeast China Calls for new ways of thinking and strategic measures.* Available at: http://en.drc.gov.cn/2003-12/01/content_36597899.htm (accessed 29 September 2020).

8. *Northeast China gets helping hand.* Available at: http://en.people.cn/200311/27/eng20031127_129136.shtml (accessed 29 September 2020).

9. Tan Khee Giap, Yuan Randong, Sangiita Yoong Wei Cher. *2014 Annual provincial and regional competitiveness analysis for greater China economies. Development strategies under the new normal.* – Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd, 2015. – 356 p.

10. *The economist intelligence unit. China's North-East: (Still) Striving for revitalisation.* Available at: http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1556388139&Country=China&topic=Economy_1 (accessed 29 September 2020).

11. The State Council Leading Group of revitalizing the old industrial bases in the Northeast region holds its first meeting. *People's Daily*, 2004, March 24.

12. Yuan Yang. *Rust-Belt decline poses threat to Chinese.* Available at: <https://www.ft.com/content/ed8523ac-de36-11e7-a8a4-0a1e63a52f9c> (accessed 29 September 2020).

13. Zhang Pingyu. Revitalizing old industrial base of Northeast China: process, policy and challenge. *Chinese Geographical Science*, 2008, no. 18 (2), pp. 109–118.

УДК 343.346(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/137-145>

Е. А. Князева¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kniazeva.ea@dvfu.ru

**КВАЛИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЙ ТРЕБОВАНИЙ В ОБЛАСТИ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ С УЧЁТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ
СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЁЙ 263¹ УК РФ**

Аннотация. В представленной научной работе анализируются проблемы квалификации субъективных признаков статьи 263¹ УК РФ. Установлено, что данная норма была изменена в части субъекта преступления, а именно – была введена уголовная ответственность за несоблюдение требований в области транспортной безопасности пассажирами и иными лицами, т.е. лицами, обладающими признаками общего субъекта преступления. В качестве квалифицированных признаков анализируемой нормы была введена уголовная ответственность за групповое совершение данного преступления при наличии неосторожной формы вины, а именно – группа лиц по предварительному сговору и организованная преступная группа. Мы считаем, что введение соучастия в такого рода преступлениях представляет серьёзную проблему для последующего применения статьи 263¹ УК РФ на практике, поскольку квалифицировать в случае нарушений указанных в рассматриваемой нами норме специальных правил по указанным в частях третьей и четвёртой признакам будет практически невозможно. Нам видится, что основная проблема ответственности соучастников за нарушение требований в области транспортной безопасности состоит в необходимости установления двух важных моментов: 1) ограничение круга

¹ Екатерина Анатольевна Князева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Князева Е. А. Квалификация нарушений требований в области транспортной безопасности с учётом особенностей субъективных признаков преступления, предусмотренного статьёй 263¹ УК РФ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 137–145. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/137-145>.

специальных субъектов анализируемого состава преступления и его отражение на ответственность других соучастников; 2) оценка уголовно-правовой характеристики роли субъекта и других соучастников преступления. Сделан вывод о том, что соучастие по исследуемой нами норме возможно лишь в тех случаях, когда исполнителем данного преступления является специальный субъект. Остальные лица подлежат уголовной ответственности как организатор, подстрекатель или пособник. Полагаем, что следует исключить данные квалифицированные признаки из исследуемого нами состава и говорить о неосторожном сопричинении, а не о соучастии.

Ключевые слова: квалификация, нарушение требований, неосторожное сопричинение, неосторожная форма вины, соучастие, субъективная сторона преступления, субъект преступления, транспортная безопасность, транспортная инфраструктура.

Ekaterina A. Knyazeva¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: knyazeva.ea@dvfu.ru

QUALIFICATION OF VIOLATIONS OF REQUIREMENTS IN THE FIELD OF TRANSPORT SECURITY, TAKING INTO ACCOUNT THE FEATURES OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME STIPULATED BY ARTICLE 263¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The present research work analyzes the problems of qualifying the subjective characteristics of Article 263¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. It was established that this provision was changed in terms of the subject of the crime, namely, criminal liability was introduced for non-compliance with the requirements in the field of transport safety by passengers and other persons, i.e. persons possessing the characteristics of a common subject of a crime. As qualified features of the analyzed norm, criminal liability was introduced for the group commission of this crime in the presence of a careless form of guilt, namely, a group of persons by prior conspiracy and an organized criminal group. We believe that introduction of complicity in this type of crime is a serious problem for the subsequent application of Article 263¹ of the Criminal Code of the Russian Federation in practice, since it will be practically impossible to qualify in

¹ Ekaterina A. Knyazeva, PhD, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Knyazeva E. A. Qualification of violations of requirements in the field of transport security, taking into account the features of the subjective side of the crime stipulated by article 263¹ of the Criminal Code of the Russian Federation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 137–145. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/137-145>.

case of violations of the rules specified in the norm under consideration by the signs indicated in parts three and four. We see that the main problem of responsibility of accomplices for violation of requirements in the field of transport security is the need to establish two important points: 1) limiting the range of special subjects of the analyzed corpus delicti and its reflection on the responsibility of other accomplices; 2) assessment of the criminal law characteristics of the role of the subject and other accomplices in the crime. It is concluded that complicity according to the norm we are investigating is possible only in cases where the perpetrator of this crime is a special subject. The rest of the persons are subject to criminal liability as organizer, instigator or accomplice. We believe that it is necessary to exclude these qualified signs from the composition we are studying and talk about careless complicity, and not about complicity.

Keywords: qualification, violation of requirements, careless submission, careless form of guilt, complicity, the subjective side of the crime, the subject of the crime, transport security, transport infrastructure.

Транспортная безопасность является частью национальной безопасности и входит в стратегию безопасности Российской Федерации. Её обеспечение осуществляется различными нормами права, в том числе уголовно-правовыми, как общими, так и специальными. К последним как раз и относится статья 263¹ УК РФ, которая устанавливает ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности.

Впервые указанная норма была введена в действующий уголовный закон Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 195-ФЗ [1], и с момента установления она практически не применяется на практике. Анализ статистических данных по количеству осужденных лиц показывает, что 2011 г. – 0 чел., 2012 г. – 0 чел., 2013 г. – 2 чел., 2014 г. – 2 чел., 2015 г. – 2 чел., 2016 г. – 0 чел., 2017 г. – 2 чел., 2018 г. – 1 чел., 2019 г. – 1 чел. [2].

Можно говорить о нескольких причинах столь редкого применения на практике данной нормы: во-первых, перечень самих требований, которые лица обязаны соблюдать, был принят Постановлением Правительства только в 2014 г. [3]; во-вторых, в самой конструкции нормы статьи 263¹ УК РФ имеются недостатки. В частности, новеллизации законодателя подверглись субъективные признаки данной нормы, а именно криминализация несоблюдения требований транспортной безопасности пассажирами и иными лицами и установление уголовной ответственности за групповое совершение данного преступления при наличии неосторожной формы вины.

Действующая норма об ответственности за нарушение требований в области транспортной безопасности предусматривает две группы субъектов данного преступления:

1. Лица, не исполняющие требования по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах (ч. 1 ст. 263¹ УК РФ);

2. Лица, не исполняющие указанные в законе требования, если они ответственны за обеспечение транспортной безопасности (ч. 2 ст. 263¹ УК РФ).

К первой группе субъектов можно отнести физических лиц, следующих либо находящихся на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средствах [3]. При этом стоит отметить, что посягательство на транспортную безопасность может быть осуществлено не только указанными лицами, но и другими гражданами, не находящимися на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средств.

Постановление Правительства РФ от 15.11.2014 № 1208 в подпункте «г» п. 3 запрещает в том числе физическим лицам совершать действия, создающие препятствия (в том числе с использованием транспортных и других технических средств) функционированию транспортного средства или ограничивающие функционирование объектов транспортной инфраструктуры, включая распространение заведомо ложных сообщений о событиях или действиях, создающих угрозу транспортной безопасности объекта транспортной инфраструктуры или транспортного средства, а также действия, направленные на повреждение (хищение) элементов объекта транспортной инфраструктуры или транспортного средства, которые могут привести их в негодное для эксплуатации состояние либо состояние, угрожающее жизни или здоровью персонала субъекта транспортной инфраструктуры или подразделения транспортной безопасности, пассажиров и других лиц.

Включение в качестве субъекта ст. 263¹ УК РФ не только лиц, которые в силу должностных обязанностей ответственны за обеспечение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и на транспорте, но и других физических лиц позволило устранить проблемы квалификации неисполнения требований по соблюдению транспортной безопасности. Что является, несомненно, положительным моментом редактирования законодателем данной нормы.

Таким образом, субъектом ч. 1 ст. 263¹ УК РФ является любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, обязанное соблюдать требования транспортной безопасности на транспортном средстве или объекте транспортной инфраструктуры.

Вторую группу субъектов преступления, которые относятся к ч. 2 ст. 263¹ УК РФ, можно разделить на две категории: 1. Лица, ответственные за обеспечение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры; 2. Лица, ответственные за обеспечение безопасности на транспорте [4].

Согласно п. 5 постановления Правительства РФ от 5 апреля 2017 № 410 субъект транспортной инфраструктуры в целях обеспечения транспортной безопасности обязан

назначить лицо, ответственное за обеспечение транспортной безопасности [5]. К субъектам транспортной инфраструктуры Федеральный закон «О транспортной безопасности» в п. 9 ст. 1 относит юридические лица, индивидуальных предпринимателей, а также физических лиц, являющихся собственниками объектов транспортной инфраструктуры и (или) транспортных средств или использующих их на ином законном основании. Таким образом, исходя из смысла указанных норм, субъектами части 2 ст. 263¹ УК РФ могут быть только те лица, на которые исполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах установлены в законном порядке.

К числу таких лиц можно отнести собственников объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств либо лиц, использующих их на ином законном основании, работников транспортной организации, обязанных соблюдать установленные требования по обеспечению транспортной безопасности; лиц, проводящих аттестацию сил обеспечения транспортной безопасности, оценку уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, а также лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность в сфере обеспечения транспортной безопасности [6].

Закономерно возникает вопрос: что делать, если по каким-либо причинам такое лицо назначено не будет? В таком случае юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица, являющиеся собственниками объектов транспортной инфраструктуры и (или) транспортных средств или использующие их на ином законном основании, нести уголовную ответственности по ст. 263¹ УК РФ не будут. При этом они могут быть привлечены к ответственности по другим нормам уголовного законодательства, например, по статье 109 или статье 118 УК РФ.

Субъективная сторона обеих частей статьи 263¹ УК РФ выражается в неосторожной форме вины, в которой на субъект преступления возложена обязанность предвидеть возможные последствия нарушения требований транспортной безопасности.

Новеллизацией данной нормы стало введение законодателем института соучастия, который отразился в общих квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках: группа лиц по предварительному сговору (ч. 3 ст. 263¹ УК РФ) или организованная группа (ч. 4 ст. 263¹ УК РФ).

Столь неожиданное введение для неосторожных уголовно наказуемых деяний признаков группового преступления выглядит, мягко говоря, неоднозначно. Все групповые преступления в доктрине уголовного права относятся к институту соучастия (ст. 35 УК РФ) и имеют место только в умышленных преступлениях.

С одной стороны, такое отступление законодателя от положений Общей части уголовного закона можно понять. Статья 263¹ УК РФ относится к такой группе преступлений, особенностями которых является наличие обязательного элемента – правонарушение иной отраслевой принадлежности, а именно наруше-

ние требований в области транспортной безопасности, которые могут быть совершены в результате согласованных действий группы лиц при наличии неосторожной формы вины к наступившим в результате их действий последствиям.

Практика расследования техногенных катастроф показывает, что им нередко предшествует длительное организованное взаимодействие лиц, сознательно идущих на нарушение правил безопасности. Этот пример введения в Особенную часть уголовного закона норм, не предусмотренных статьями его Общей части, показывает, что природа преступлений, связанных с нарушением специальных правил, существенно отличается от сущностных свойств иных преступных деяний. И эти особенности влияют на специфику установления признаков состава преступления, в том числе и в той части, которая касается институтов Общей части уголовного права [7].

Другие авторы предлагают сконструировать диспозицию ст. 263¹ УК РФ в виде двух составов преступления: формального состава, предусматривающего ответственность за неисполнение или несоблюдение требований в области транспортной безопасности, создавших угрозу причинения вреда, и материального, при условии наступления общественно опасных последствий [8].

С другой стороны, в теории уголовного права к такого рода преступлениям принято относить неосторожное сопричинение (например, ст. 216 УК РФ), а не соучастие. К тому же в науке уголовного права не разработан единый подход к ответственности соучастников в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил.

Основная проблема ответственности соучастников за совершение такого рода преступлений связана не только с особенностями нарушения специальных правил, но и со спецификой субъекта преступления (часть вторая статьи 263¹ УК РФ). Некоторые авторы указывают на необходимость полного и правильного освещения двух взаимосвязанных важных вопросов: как отражается ограничение круга исполнителей (специальных субъектов таких преступлений) на ответственности других соучастников и какое значение имеет уголовно-правовая характеристика функциональной роли специального субъекта для оценки его преступного деяния [9].

Соучастие по рассматриваемой нами норме возможно, но с оговоркой, что нарушение указанных в диспозиции статьи 263¹ УК РФ правил совершено только лицом, которое в соответствии с законом обязано это правило соблюдать, т.е. должен быть специальный субъект преступления. Таким образом, непосредственным исполнителем данного преступления может быть только лицо, прямо указанное в статье 263¹ УК РФ. Остальные же лица, обладающие признаками общего субъекта, могут быть организаторами, подстрекателями или пособниками, но никак не исполнителями (соисполнителями) таких преступлений.

Наука уголовного права и судебно-следственная практика такое допускает. В части 4 статьи 34 УК РФ прямо определено, что лицо, не являющееся субъектом

преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьёй, несёт уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

Вопрос соучастия в форме соисполнительства лиц в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил в разные периоды развития науки уголовного права рассматривался по-разному. Некоторые учёные отрицали возможность признания иных, кроме прямо указанных или подразумеваемых лиц в таких преступлениях в качестве соисполнителей [10, с. 319]. Другие видели возможность соучастия в форме соисполнительства в отдельных составах преступлений, связанных с нарушением специальных правил, в зависимости от особенностей их законодательной конструкции [11, с. 12–16].

В заключение хотелось бы сказать, что проблема соучастия в преступлениях с неосторожной формой вины, связанных с нарушением специальных правил, коими являются требования в области транспортной безопасности, возникла давно, и некоторые авторы предлагают решить её посредством внесения изменений в Общую часть уголовного закона с помощью формирования нового института уголовного права, правда без уточнения, что из себя представляет данный институт. Скорей всего, авторы говорят об институте уголовной ответственности соучастников преступления с неосторожной формой вины [12].

Нам же видится, что создание подобного института в уголовном праве излишне, и в такого рода преступлениях верно говорить о неосторожном сопричинении, а не о сложном соучастии в форме группы лиц по предварительному сговору и организованной группе.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением транспортной безопасности : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 195-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103008/ (дата обращения: 02.10.2020).
2. Данные судебной статистики. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 02.10.2020).
3. Об утверждении требований по соблюдению транспортной безопасности для физических лиц, следующих либо находящихся на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средствах, по видам транспорта, а также в зонах безопасности, установленных вокруг отдельных судов и (или) иных плавучих средств с ядерным реактором либо судов и (или) иных плавучих средств, транспортирующих ядерные : постановление Правительства РФ от 15 ноября 2014 г.

4. Пикуров, Н. И. Квалификация транспортных преступлений / Н. И. Пикуров. – Москва : РАП, 2011. – 168 с.
5. Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий метрополитенов : постановление Правительства РФ от 5 апреля 2017 г. № 410 // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214960/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 02.10.2020).
6. Годунов, О. И. К вопросу о новеллах уголовной ответственности за нарушение требований в области транспортной безопасности // Научный поиск. – 2014. – № 3.2. – С. 67–71.
7. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил : монография / колл. авт.: В. К. Андрианов, В. Б. Боровиков., О. А. Мотин и др. ; под. ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2018. – 458 с.
8. Рязанов, Н. С. К вопросу о соучастии в преступлении, предусмотренном статьей 263¹ УК РФ // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. – Москва : РГУП, 2018. – 352 с.
9. Энциклопедия уголовного права. Т. 6 : Соучастие в преступлении / С. С. Аветисян, Е. А. Галактионов, Р. Р. Галиакбаров, Л. Д. Ермаков [и др.]. – Санкт-Петербург : Изд. профессора Малинина, 2007. – 564 с.
10. Козлов, А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
11. Волженкин, Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 12–16.
12. Пикуров, Н. И. Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности // Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 56–62.

References

1. *On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with ensuring transport security: Federal Law of July 27, 2010 No 195 FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103008/ (accessed 02 October 2020). (In Russian).
2. *Judicial statistics data.* Available at: <http://www.cdep.ru/> (accessed 02 October 2020). (In Russian).
3. *On approval of requirements for compliance with transport safety for individuals traveling or being at transport infrastructure facilities or vehicles, by type of transport: Resolution of the Government of the Russian Federation of November 15, 2014*

No 1208. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171081/ (accessed 02 October 2020). (In Russian).

4. Pikurov N.I. *Kvalifikatsiya transportnykh prestuplenii* [Qualification of transport crimes]. Moscow: Russian Academy of Justice Publ., 2011. 168 p.

5. *On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for anti-terrorist security of facilities (territories), taking into account security levels for various categories of metro systems: Resolution of the Government of the Russian Federation of April 5, 2017 No. 410*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214960/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed 02 October 2020). (In Russian).

6. Godunov O.I. K voprosu o novellakh ugolovnoi otvetstvennosti za narushenie trebovaniy v oblasti transportnoi bezopasnosti [To the issue of novels of criminal liability for violation of requirements in the field of transport security]. *Nauchnyi poisk*, 2014, no. 3.2, pp. S. 67–71.

7. Pudovochkin Yu.E., ed. *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannye s narusheniem spetsial'nykh pravil: monografiya* [Criminal liability for crimes related to violation of special rules]. Moscow: Russian State University of Justice Publ., 2018. 458 p.

8. Ryazanov N.S. K voprosu o souchastii v prestuplenii, predusmotrennom stat'ei 2631 UK RF [To the issue of complicity in a crime under article 2631 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In: Pudovochkin Yu.E., Brilliantov A.V., eds. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya ugolovnogo zakona: sbornik materialov* [Actual problems of the theory and practice of applying criminal law: a collection of materials]. Moscow: Russian State University of Justice Publ., 2018. 352 p.

9. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 6: Souchastie v prestuplenii* [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 6: Complicity in a crime]. St. Petersburg: Publishing house. professor Malinin, 2007. 564 p.

10. Kozlov A.P. *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: traditions and reality]. St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2001. 362 p.]

11. Volzhenkin B.V. Nekotorye problemy souchastiya v prestupleniyakh, sovershaemykh spetsial'nymi sub"ektami [Some problems of complicity in crimes committed by special subjects]. *Ugolovnoe pravo*, 2000, no. 1, pp. 12–16.

12. Pikurov N.I. Novoe v ugolovno-pravovoi okhrane transportnoi bezopasnosti [New in criminal law protection of transport security]. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 3, pp. 56–62.

УДК 343.35(470+592.3)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/146-156>

Т. В. Филоненко¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru

О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ И В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: ОПЫТ СИНГАПУРА

Аннотация. В статье рассматривается пагубный характер коррупции как угрозы национальной безопасности России, с учётом данных Индекса Восприятия Коррупции, опубликованного международной неправительственной организацией Transparency International. Исследуется система мер по противодействию коррупции в Сингапуре. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью применения в Российской Федерации передового опыта развитых стран, успешно применяющих антикоррупционные механизмы. Целью работы является исследование нормативного регулирования противодействия коррупции в Сингапуре; анализ нормативно-правовых актов Сингапура, образующих основу реализации антикоррупционной политики Сингапура. В качестве методологической основы исследования выступают общенаучные методы познания (анализ, обобщение, аналогия, классификация, сравнение), системный и историко-сравнительный методы. В результате исследования проведён анализ основополагающих нормативно-правовых актов Сингапура в сфере противодействия коррупции. Выявлены предписания уголовно-правового характера, содержащиеся в «позитивном» законодательстве. Выявлены тенденции деятельности публичных структур и частных организаций в сфере противодействия коррупции. Анализируются положительный международно-правовой опыт противодействия коррупции в Сингапуре, специфические методы и средства, широко апробированные и показавшие свою высокую эффективность. Описываются ключевые аспекты борьбы с коррупцией, принимаемые политическим лидером Сингапура с целью устранения коррупциогенных факторов в высших эшелонах власти. Автором рассматриваются законодательные особенности нейтрализации коррупционной угрозы. Анализируется положительный междуна-

¹ Татьяна Викторовна Филоненко, соискатель кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Филоненко Т. В. О мерах противодействия коррупции в России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 146–156. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/146-156>.

родно-правовой опыт противодействия коррупции в Сингапуре, специфические методы и средства, широко апробированные и показавшие свою высокую эффективность. Описываются ключевые аспекты борьбы с коррупцией, принимаемые политическим лидером Сингапура с целью устранения коррупциогенных факторов в высших эшелонах власти. Анализируется положительный опыт применения в странах общего права института конфискации имущества *in rem*, что является формой решения традиционных уголовно-правовых задач гражданско-правовыми средствами и означает взыскание в доход государства имущества физического лица, если оно (имущество) существенно превышает источник его доходов и имеются подозрения, что оно нажито преступным путём. Научная новизна характеризуется проведением анализа правовой основы противодействия коррупции в Сингапуре; представлением с использованием компаративистского подхода результатов исследования нормативно-правовых актов Сингапура.

Ключевые слова: коррупция, противодействие преступности, Сингапур, зарубежный опыт, уголовное право, компаративистика, взяточничество, международно-правовой опыт, антикоррупционные механизмы, конфискация имущества, коррупциогенный факторы, преступления коррупционной направленности.

Tatyana V. Phylonenko¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru

ANTI-CORRUPTION MEASURES IN RUSSIA AND IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION: THE EXPERIENCE OF SINGAPORE

Abstract. The article discusses the pernicious nature of corruption as a threat to Russia's national security, taking into account the data from the Corruption Perception Index published by the international non-governmental organization Transparency International. It explores the system of anti-corruption measures in Singapore. The urgency of this topic is determined by the need to apply in the Russian Federation the best practices of developed countries that successfully apply anti-corruption mechanisms. The purpose of the work is to study the normative regulation of anti-corruption in Singapore; to analyze the legal acts of Singapore, which form the basis for the implementation of anti-corruption policy in Singapore. The methodological basis of the study is based on general scientific methods of cognition (analysis, generalization, analogy, classification, compari-

¹ Tatyana V. Phylonenko, doctoral candidate of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Phylonenko. T. V. Anti-corruption measures in Russia and in the countries of the Asia-Pacific region: the experience of Singapore // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 146–156. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/146-156>.

son), system and historical and comparative methods. As a result of the research, an analysis of the fundamental regulatory legal acts of Singapore in the area of anti-corruption was conducted. Prescriptions of criminal law nature contained in "positive" legislation were revealed. Trends in the activity of public structures and private organizations in the sphere of corruption counteraction have been revealed. The positive international legal experience of counteraction to corruption in Singapore, specific methods and means that have been widely tested and have shown high efficiency are analyzed. The key aspects of the fight against corruption adopted by the political leader of Singapore to eliminate corruption factors in the higher echelons of power are described. The author examines the legislative features of neutralizing the threat of corruption. Positive international legal experience in combating corruption in Singapore is analyzed, as well as specific methods and tools that have been widely tested and proved to be highly effective. The key aspects of the fight against corruption adopted by the political leader of Singapore to eliminate corruption factors in the higher echelons of power are described. Positive experience of application in common law countries of the institution of confiscation of property in rem is analyzed, which is a form of solving traditional criminal tasks by civil law means and means of recovery of an individual's property into the state's income if it (property) significantly exceeds the source of its income and there are suspicions that it was gained through criminal means. The scientific novelty is characterized by the analysis of the legal framework for combating corruption in Singapore; presentation of the results of the study of Singapore's legal acts using the comparativity approach.

Keywords: corruption, crime prevention, Singapore, foreign experience, criminal law, comparativistics, bribery, international legal experience, anti-corruption mechanisms, confiscation of property, corruption factors, corruption-related crimes.

Международное антикоррупционное движение Transparency International опубликовало Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI) за 2018 г. [1]. Россия заняла 138 место из 180 и набрала 28 баллов из 100. В последние три года Россия набирала 29 баллов, а в 2020 году потеряла один балл и опустилась на три места. Столько же баллов набрали Папуа-Новая Гвинея, Ливан, Иран, Гвинея и Мексика.

В течение последних десятилетий Российская Федерация проводит национальную политику противодействия коррупции, которая нацелена на минимизацию коррупционных проявлений во всех сферах жизни российского общества. В рамках определения дальнейшего вектора указанной деятельности представляет интерес опыт противодействия коррупции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона как территориальной единицы, оказывающей влияние на внешнюю политику, экономику, культурные и иные связи с Россией в целом и её Дальним Востоком в частности.

Изучение опыта разных стран позволяет лучше разобраться в современных тенденциях развития законодательства, обеспечивающего борьбу с коррупцией, оценить эффективность принимаемых для этого мер, отыскать наиболее подходящие для конкретной страны в данных обстоятельствах средства и способы кардинального решения насущных проблем. Нельзя не согласиться с экспертами в том, что коррупция сегодня представляет собой трансграничное явление, что повышает ценность сравнительных исследований, позволяет лучше подготовиться к тому, что уже происходит в соседних государствах и может коснуться России в ближайшем будущем [2].

В данной работе мы постараемся осветить те нормы зарубежного законодательства, которые, с нашей точки зрения, могли бы быть успешно имплементированы в национальное право, поскольку доказали свою высокую эффективность в правоприменительной практике других стран.

Несмотря на развитие и совершенствование антикоррупционного законодательства во многих странах мира, очень немногие государства можно отнести к числу тех, что обладают эффективной законодательной антикоррупционной базой, которая на практике доказала свою эффективность. Одним из таких государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе является Сингапур. Именно Сингапур первым среди современных индустриальных стран начал активную борьбу с коррупцией и укрепление морально-нравственных устоев власти. На сегодняшний день, являясь достаточно жёстким авторитарным государством, Сингапур занимает лидирующие места в мировых рейтингах по отсутствию коррупции, экономической свободе и уровню управляемости. Конечно, трудно сравнивать маленькое островное государство с населением в 4 млн человек и огромную Россию, которая имеет иную историю и иные традиции. Но пример Сингапура убедительно демонстрирует, что благодаря политической воле, эффективным изменениям в законодательстве, независимости судебного корпуса вполне реально свести коррупцию к очень низкому уровню всего за несколько лет. Чёткие и простые для понимания цели реформ, жёсткие методы их реализации, часто вопреки ориентирам западных моделей развития обеспечили отличные, как это признаётся в мировом сообществе, результаты [3].

Сингапур ратифицировал Конвенцию ООН против коррупции 2003 г. в ноябре 2009 г., а также является членом ФАТФ и АГТ с 1992 г. и 1997 г. соответственно. Сингапур был принят в члены Эгмонтской группы подразделений финансовой разведки в 2002 г. Сингапурская система криминализации взяточничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе основана главным образом на законе и прецедентом праве, интерпретирующем закон.

Антикоррупционная стратегия страны ориентирована на три главные задачи: избавление государственного аппарата от взяточников, упрощение бюрократических процедур и ужесточение правовой регламентации полномочия чиновников, контроль за соблюдением этических стандартов служебной деятельности. В качест-

ве первоочередных мер, которые могли бы быть наиболее эффективными в борьбе с коррупцией, руководство страны определило следующее:

- создание более современного антикоррупционного законодательства;
- учреждение специального максимально самостоятельного государственного органа по борьбе с коррупцией;
- ужесточение уголовной ответственности за коррупцию;
- установление высоких социальных гарантий государственным и муниципальным служащим;
- практику постоянной и планомерной ротации управленческих кадров;
- законодательные гарантии безопасности лица и членов его семьи, давших показания по факту коррупции;
- широкое освещение антикоррупционной деятельности в СМИ;
- проведение независимой экспертизы законов и нормативных актов на предмет коррупционных последствий [3, с. 117–119].

На практике указанные меры выражаются, в первую очередь, в организации специализированного независимого государственного органа – «Бюро по расследованию коррупционной деятельности». Причём, следует отметить, что результативность деятельности Бюро находит широкую поддержку у населения Сингапура, что, в свою очередь, привело к росту инициативных обращений населения в Бюро с сообщениями о злоупотреблениях, в том числе коррупционного характера, со стороны должностных лиц государственных структур и частного сектора. Подобная инициатива поддерживается законодательством, обеспечивающим и предусматривающим соблюдение конфиденциальности взаимодействия Бюро с жителями в этой части. Законодательство даёт право сотрудникам Бюро производить аресты и обыски подозреваемых, их имущества и изучать состояние банковских счетов самостоятельно, без санкционирования подобных действий со стороны органов прокуратуры и суда, что позволяет более оперативно реагировать на сообщения о преступлениях.

Немаловажным является проявление политической воли и отношение чиновников высших органов государственной власти, включая Президента и премьер-министра, к формированию и действию соответствующих законодательных актов. Помощник директора Бюро по расследованию коррупционной деятельности *Muhammed Ali* указывает на важность антикоррупционных законов, «которые позволяют выявлять и расследовать все типы коррупции без опасения или предубеждения» [4], результаты которых касаются министров, членов Парламента, чиновников высокого ранга, бизнесменов, и регулярно публикуются и доводятся до сведения населения.

Сингапур развивает стандарты функционирования коммерческих организаций, направленные на обеспечение «прозрачности» финансовых операций и неза-

медлительное информирование государственных структур о «подозрительных» сделках. В том числе это относится к организации «внутренних» комитетов аудита, которые выполняют по сути роль подразделений (специальных филиалов государственных компетентных органов), выявляющих признаки злоупотреблений и коррупции со стороны служащих предпринимательской сферы.

Отдельного внимания заслуживают нормы, регламентирующие деятельность государственных служащих за рубежом. Обсуждая запреты и ограничения, связанные с замещением должностей государственной службы, многие почему-то забывают о методе не только кнута, но и пряника, который также достаточно успешно зарекомендовал себя в других странах.

Так, в Сингапуре – стране, победившей коррупцию, в целях стимулирования законопослушного поведения чиновников пошли по пути упрощения всех процедур принятия решений в аппарате государственной власти, лишили чиновников неприкосновенности, но вместе с тем и подняли заработную плату государственных служащих и судей (до 1 миллиона долларов в год), т. е., с одной стороны, продемонстрировано усиление ответственности, а с другой – поощрение за добропорядочное поведение и создание четкой структуры иерархического роста служащих в органах власти [5, с. 38–40].

Исследователь коррупции в Сингапуре *Jon S. T. Quah* выделяет две стратегические линии, проводимые властями в данном направлении: а) снижение возможности проявления коррупции путём ужесточения законодательства к правонарушителям (взяточникам) и ужесточения в пресечении коррупционного поведения; б) снижение возможности совершения злоупотреблений должностными лицами путём «повышения жалования и условий службы» [6]. Сингапурские чиновники – самые высокооплачиваемые в мире. Очевидно, что государственным служащим, которые добровольно соглашаются на соблюдение ими запретов и ограничений, необходимо обеспечить, ко всему прочему, ещё и комфортный уровень жизни для того, чтобы лицо, замещающее конкретную должность, этим уровнем жизни дорожило и стремилось его сохранить.

Общий базис противодействия коррупции в Сингапуре основан на формировании политики «нулевой терпимости» (*zero-tolerance policy*) любых проявлений коррупции в обществе. Осознание населением пагубности получения (предоставления) незаконного вознаграждения является основой профилактических мер и воздействия на условия существования подобной преступности.

На наш взгляд, в России в настоящее время более пристального внимания заслуживают нормы, касающиеся уголовной ответственности физических лиц. Сама по себе необходимость и значимость привлечения к уголовной ответственности физических лиц нигде в мире уже с давних времен не вызывает ни вопросов, ни сомнений. В целом подходы к привлечению к уголовной ответственности физических лиц похожи в разных странах, и они хорошо изучены, но, тем не менее, в каж-

дой стране имеются свои особенности. Так, во многих странах закреплены следующие положения:

1) лишение права занимать определённую должность или заниматься определённой деятельностью обязательно за совершение коррупционных преступлений и состоит в пожизненном запрете занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления и его ведомствах, государственных организациях и организациях, в уставном капитале которых доля государства составляет более 50%, в том числе в национальных управляющих холдингах, национальных компаниях, институтах развития, акционером которых является государство;

2) к лицам, совершившим коррупционное преступление, не применяется условное осуждение;

3) к лицам, совершившим коррупционное преступление, не применяются сроки давности освобождения от уголовной ответственности [2].

Представляется, что указанные нормы вполне успешно могут быть имплементированы в национальную правовую систему с целью повышения уровня эффективности антикоррупционного законодательства.

Но, как демонстрирует практика правоприменения, наиболее эффективным механизмом в противодействии коррупции является не уголовный запрет, а институты гражданского права, явно недооцененные отечественными юристами.

В настоящее время в разных странах очень активно применяется конфискация *in rem*, т.е. конфискация, которая может быть проведена без уголовного судопроизводства либо параллельно с ним. Во многих странах независимо от правовых традиций гражданская конфискация активов давно считается эффективным инструментом борьбы с коррупцией и любыми доходами, получаемыми от преступлений. Этот механизм эффективно используется для возвращения похищенных государственных активов и выведенных за границу коррупционных доходов. Например, в ноябре 2015 г. США возвратили Республике Корея 1 130 000 долларов США, незаконно присвоенных бывшим диктатором Чон Ду Хваном, которые изъяты в порядке гражданской конфискации на территории США у членов его семьи [2].

Институт «конфискации *in rem*» многие специалисты характеризуют как самый эффективный инструмент в противодействии любой корыстной (в том числе коррупционной) преступности. Базовая его идея сводится к тому, чтобы сделать бессмысленным (запредельно рискованным) любое криминальное обогащение. А принцип реализации сводится к следующему – «если ты честный человек, то значит, как честный человек, должен рассказать, откуда взялось конкретное имущество; а если этого не сделаешь, то так честным человеком и останешься, но уже без конкретного имущества» [5, с. 39].

В современном общем праве конфискация имущества *in rem* является формой решения традиционных уголовно-правовых задач гражданско-правовыми средствами

и означает взыскание в доход государства имущества физического лица, если оно (имущество) существенно превышает источник его доходов и имеются подозрения, что оно нажито преступным путём. В 1960 г. в Сингапуре был принят Закон, который позволял считать доказательством взятки то, что обвиняемый жил не по средствам или располагал объектами собственности, которой он не мог приобрести на свои доходы, как подтверждение того, что он получал коррупционные доходы [5].

В большинстве стран, где внедрялась конфискация *in rem*, всё начиналось с активов, которые подлежат государственной регистрации: ценные бумаги, недвижимость, транспорт и т. д. В ряде государств рассматриваемый инструмент является значимым источником пополнения государственного бюджета [7, с. 52–55].

В отечественном правовом пространстве до сих пор не окончены дебаты по вопросу об имплементации такой конфискации, поскольку частично эти нормы всё же присутствуют в национальном праве. В соответствии со ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, и иных лиц их доходам», в силу которой, если должностное лицо при декларировании своих доходов не представило сведения о законности их происхождения, прокурор в исковом порядке инициирует процесс конфискации имущества, приобретённого на доходы, законность происхождения которых не доказана. Данная норма корреспондирует с положениями Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также Федерального закона «О противодействии коррупции».

Полномочия прокурора при реализации данных функций регламентированы Приказом Генерального прокурора от 14.04.2015 № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», и об организации прокурорского надзора за исполнением данного федерального закона».

Стоит согласиться с А. А. Арямовым и Е. О. Руевой в том, что при всей своей схожести с конфискацией *in rem* рассматриваемое отечественное правовое явление таковым не является, поскольку в процессе его дефинирования изначально заложены недостатки, сводящие на нет эффективность его реализации.

В частности, субъектами воздействия данного правового феномена являются должностные лица, декларирующие свое имущественное положение (в сферу контроля попадают также их супруги и несовершеннолетние дети); следовательно, оформление имущественных активов на других лиц минимизирует негативные риски возможной конфискации. Так, в рамках расследования «дела Захарченко» прокуратурой был установлен родственник круг лиц, которые способствовали совершению коррупционных преступлений полковником полиции Захарченко, регистрируя на себя имущество, приобретённое на добытые незаконным путём деньги [7].

Кроме того, активы, подлежащие контролю в Российской Федерации, ограничены недвижимостью, транспортом и ценными бумагами. Иные виды имущества, такие как драгоценности, антиквариат, предметы искусства и др. в декларацию о доходах не включаются, а, следовательно, могут быть использованы в качестве актива для размещения средств, в том числе и полученных незаконным путём. Даже хранение наличных денег «под подушкой» может приобретать титанические размеры: например, то же самое дело Захарченко показало, что в одном помещении может быть аккумулировано 9 млрд наличных денежных знаков [7].

Обращает на себя внимание и тот факт, что операциями с иным имуществом можно обосновывать «правомерность» приобретения недвижимости, транспорта или ценных бумаг: квартира приобретена за счёт доходов, полученных от реализации драгоценностей или предметов искусства, а законность приобретения данных активов находится за пределами контрольных мероприятий.

Да и контролю подлежат операции с имуществом всего лишь за три года, предшествующие процедуре декларирования, таким образом, ссылаясь на финансовые поступления за этим периодом сводит риск возможной конфискации к нулю.

Стоит отметить и ещё один момент, препятствующий эффективной работе механизма противодействия коррупции: в настоящее время прокуратура не имеет права обращения в суд с иском о взыскании имущества, приобретённого на неподтверждённые доходы государственного служащего, который сам уволился. Данное обстоятельство имеет важное практическое значение.

По заявлению председателя Счётной палаты РФ А. Кудрина: «Я ориентируюсь на общие исследования, и они показывают, что уровень коррупции пока не снижается. Я думаю, этот ущерб может измеряться триллионами рублей». В своём интервью А. Кудрин заявил о необходимости расширения полномочий Счётной палаты: «Нам нужны полномочия использовать методы, которые позволили бы доказать или опровергнуть случаи коррупции или хотя бы подготовить более подробные материалы для правоохранительных органов. Эти методы мы сейчас разрабатываем, у нас есть идеи» [8].

Таким образом, с нашей точки зрения, нормы, регламентирующие процедуру контроля за соответствием расходов и доходов лиц, занимающих государственные должности, нуждаются в существенном совершенствовании.

Подводя некоторые итоги сказанному, отметим следующее.

В настоящее время прослеживается тенденция постоянного развития антикоррупционного законодательства, совершенствования существующих механизмов противодействия коррупции в мире. При этом важным является то обстоятельство, что как в России, так и за рубежом законодательство не сводится сегодня лишь к уголовно-правовым мерам, а охватывает широкий круг регулирования различных сфер деятельности. Заданный вектор представляется авторам правильным, поскольку совершенно

очевидным является то, что противодействовать коррупционным проявлениям только уголовно-правовыми средствами в условиях нынешнего времени не представляется возможным. С этой точки зрения для России чрезвычайно важным и полезным является опыт тех государств, которые достигли определённых успехов в противодействии коррупции с целью заимствования зарубежных норм, способных повысить уровень эффективности в борьбе с коррупционными проявлениями в нашей стране.

Список литературы

1. Индекс восприятия коррупции. Электронный ресурс: [www. transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiisii](http://www.transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiisii) / (дата обращения 04.09.2020).
2. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / А. С. Автономов, Н. А. Голованова, В. В. Гриб и др.; отв. ред. А. С. Автономов. М. : Юрист, 2017. – 132 с.
3. Магукян А. Р., Хаджиев Т. Д. Антикоррупционная стратегия Сингапура: ориентация на результат // Право и управление. 21 век. №1(26) 2019.
4. Muhammed, Ali. Eradicating Corruption – The Singapore Experience / Ali Muhammed // Paper presented at the Seminar on International Experiences in Good Governance and Fighting Corruption in Bangkok. Thailand, 2000. – 17 February.
5. Степанов О.А. О противодействии коррупции уголовно-правовыми и иными средствами в России и за рубежом // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 38–40.
6. Quah, Jon S. T. Corruption in Asian Countries: Can't It Be Minimized? / Jon S. T. Quah // Public Administration Review. – November 1999 – December 1999. – Vol. 59, No. 6.
7. Арямов А. А., Руева Е. О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 3. С. 52–55.
8. Кудрин А. Коррупция демонстрирует стабильность. Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/4220126> Дата обращения (28.09.2020 г.).

References

1. Corruption Perceptions Index. Electronic resource: [www. transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiisii](http://www.transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiisii) / (circulation date 04.09.2020).
2. Legal and organizational anti-corruption measures: a comparative study / A. S. Avtonomov, N. A. Golovanova, V. V. Grib et al.; ed. by A. S. Avtonomov. Moscow: Lawyer, 2017. 132 c.
3. Magukyan A. R., Khajiev T. D. Anticorruption Strategy of Singapore: focus on results. (in Russian) // Law and Administration. 21 century. №1(26) 2019.

4. Muhammed, Ali. The Singapore Experience / Ali Muhammed // Paper presented at the Seminar on International Experiences in Good Governance and Fighting Corruption in Bangkok, Thailand. – 2000. – 17 February.

5. O. A. Stepanov. On Combating Corruption by Criminal and Other Means in Russia and Abroad // International public and private law. 2018. № 2. С. 38–40.

6. Quah, Jon S. T. Can't It Be Minimized? / Jon S. T. Quah // Public Administration Review. – November 1999 – December 1999. – Vol. 59, No. 6.

7. A. A. Aryamov, E. O. Rueva, Problems of Using the Institute for Confiscation of Property as a Means to Counteract Corruption // Russian Investigator. 2017. № 3. С. 52–55.

8. Kudrin, A. Corruption shows stability. Electronic resource: <https://www.kommersant.ru/doc/4220126>. Date of circulation (28.09.2020).

УДК 351.855.3:796.071(470+510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/157-166>

В. В. Литовченко¹, Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Хабаровск, Россия
E-mail: nigaz-969@mail.ru

РОССИЯ И КИТАЙ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ДОПИНГОМ

Аннотация. Спорт высших достижений является отражением экономического и политического влияния на международном уровне. Россия со времен СССР, являясь одним из мировых лидеров, занимала ведущие позиции в мировом спорте. Вместе с тем последние события в сфере крупных международных соревнований, серьёзные допинг-скандалы, отстранение ведущих спортсменов от соревнований показывают, что успех в современном спорте высших достижений неизменно связан с правильной трактовкой и реализацией на национальном уровне международно-правовых норм, связанных с допингом. Особую роль занимает уголовно-правовая охрана «чистоты» спорта от преступных посягательств в сфере использования и оборота допинговых средств. Автором проанализированы основы законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики в области противодействия применению запрещённых препаратов в спорте. Осуществлена оценка национального законодательства двух стран в контексте их соответствия международно-правовым договорам и соглашениям. Проведён сравнительный анализ действующих административных и уголовно-правовых норм. Систематизированы основные положения и подходы в правовом регулировании данной сферы в России и Китае. Отдельно рассмотрены нормы, регламентирующие уголовную ответственность за преступные деяния, в которых допинг является предметом преступления. Также в работе уделяется внимание уголовной политике в сфере борьбы с использованием допинга национальными спортсменами. Автор приходит к выводу, что две страны – на правильном пути, модифицируя нормы, касающиеся допинга, в соответствии с текущими реалиями спорта высших достижений. Несмотря на необ-

¹ Виталий Витальевич Литовченко, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Хабаровск, Россия.

Для цитирования: Литовченко В. В. Россия и Китай: совершенствование законодательства в области борьбы с допингом // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 157–166. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/157-166>.

ходимость внесения некоторых изменений, в дальнейшем принятые меры в России и Китае должны дать положительный результат.

Ключевые слова: спорт высших достижений, законодательство, существующее в России и в КНР, субъекты международной спортивной деятельности, правоотношения, ответственность, борьба с допингом, незаконное употребление, наказание.

V. V. Litovchenko¹, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia
E-mail: nigaz-969@mail.ru

RUSSIA AND CHINA: IMPROVING ANTI-DOPING LEGISLATION

The sport of records reflects the economic and political influence at the international level. Since the times of the USSR, Russia has been one of the world leaders, holding leading positions in world sports. At the same time, the latest events in the sphere of large international competitions, serious doping scandals, banishment of the leading athletes from the competitions demonstrate that a success in modern sports of the highest achievements is inevitably connected with the correct interpretation and implementation of international legal norms related to doping at the national level. A special role is played by criminal legal protection of sport "cleanliness" from criminal encroachments in the sphere of use and circulation of doping means. The author analyzed the basics of legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China in the sphere of counteraction to the use of prohibited drugs in sport. National legislation of the two countries was assessed in the context of their compliance with international legal treaties and agreements. A comparative analysis of existing administrative and criminal legal norms was made. The main provisions and approaches to legal regulation in this area in Russia and China were systematized. The norms regulating criminal liability for criminal acts in which doping is a subject of crime are considered separately. Also, attention is paid to criminal policy in the sphere of struggle against doping by national sportsmen. The author comes to the conclusion that the two countries are on the right track by modifying the norms concerning doping according to the current realities of the high-performance sport. Despite the necessity to make some changes in the future, the measures taken in Russia and China should give positive results.

¹ Vitaly Vitalievich Litovchenko, postgraduate student of the Criminal law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia.
For citing: Litovchenko V. V. Russia and China: Improving Anti-Doping Legislation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 157–166. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/157-166>.

Keywords: sport of records, legislation existing in Russia and the PRC, subjects of international sports activities, legal relations, liability, the fight against doping, illegal use, punishment.

К числу субъектов международного спортивного права, оказывающих огромное воздействие на международную спортивную систему, относятся государства. Каждое государство в международном спортивном движении имеет:

- общий международно-правовой статус, т.е. определённый в целом международным правом, его принципами набор прав и обязанностей, присущих в равной степени всем государствам;
- специальный международно-правовой статус, т.е. набор прав и обязанностей, определённый специфическим положением государства, особыми договорами, например, статус члена Совета Европы;
- индивидуальный международно-правовой статус, т.е. совокупность прав и обязанностей конкретного государства.

Государства могут быть равны в обладании правосубъектностью, но её объём будет неодинаков. Так, все они в равной степени могут заключать международные договоры по вопросам спорта и физической культуры, однако не у всех государств количество таких договоров одинаково, а соответственно и набора прав и обязанностей.

Одной из основных групп межгосударственных правоотношений в спортивной сфере являются правоотношения, имеющие в качестве предмета внутренние правовые режимы, в которых взаимодействуют между собой субъекты международной спортивной деятельности.

В рамках таких правоотношений государства согласовывают те или иные изменения во внутреннем законодательстве в одностороннем, двустороннем, многостороннем или универсальном порядке. Тем самым происходит некая унификация внутренних правовых режимов. Например, если государства-участники Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте (Париж, 19 октября 2005 г.) устанавливают единый перечень запрещённых препаратов, тем самым они юридически унифицируют подходы в одном из самых острых вопросов международного спорта.

Каждое государство обладает спортивной функцией, т.е. осуществляет деятельность по обеспечению функционирования и развития сферы физической культуры и спорта соответствующим набором инструментов и методов, с учётом государственных интересов.

Физкультурно-оздоровительная и спортивная деятельность в зарубежных странах – это органичное сочетание и соединение усилий государства, его органов управления, различных общественных и частных организаций, учреждений, институтов.

Отметим, что примерно до 1960-х годов роль государства в развитии спорта во многих странах была отнесена к номинальной, но после того как советский спорт и советские спортсмены, благодаря помощи государства, заняли ведущие позиции во многих видах спорта, роль государства в ряде стран Европы и Восточной Азии (Германия, Финляндия, Франция, Швеция, Япония, КНР) начала в 1970-е гг. постепенно преобразовываться. Импульсом для таких изменений стало прежде всего финансирование спорта высших достижений из государственного бюджета.

Мотивы вовлечения государства в спорт довольно разнообразны и зависят от множества факторов. Можно выделить следующие:

- функция обеспечения потребностей индивида (поддержание здоровья нации);
- экономическая и трудовая функция;
- правоохранительная и социализирующая функция (поддержание общественного порядка);
- функция политического воспитания в духе господствующей идеологии;
- функция укрепления национального престижа;
- законодательная функция;
- функция развития международных отношений.

Государственная заинтересованность и поддержка в КНР способствовали развитию профессионального футбола в 90-х гг. Активное участие государства было подкреплено ещё и финансовой поддержкой спонсоров. Акцент был сделан на развитие отдельных видов спорта с целью их перерастания в профессиональные виды. В ходе реформ была поставлена задача создания механизма, который способствовал бы, с одной стороны, статусу и роли спорта в китайском обществе, с другой – роли рынка в системе современного профессионального спорта.

Говоря о законодательном закреплении основ регулирования профессионального спорта, важно, чтобы законодательство и спорт не вступали в противоречие [см.: 9, с. 351–356].

Рассмотрим особенности систем спортивного законодательства, существующего в России и КНР.

Российская Федерация достаточно долго шла по пути цивилизованной борьбы с применением запрещённых препаратов профессиональными спортсменами до скандала в 2016 г. на Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро. До этого момента правовую регламентацию запрета употребления допинга составляли, как правило, нормативные акты, которые были признаны международным сообществом. Более пристально проблема с применением допинговых препаратов нашла отклик после 2006 г. На сегодняшний день основу её составляют следующие нормативно-правовые акты:

1. Приказ Министерства спорта Российской Федерации № 947 от 09 августа 2016 г. «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил» [7];

2. Федеральный закон № 329-ФЗ от 04 декабря 2007 года «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта, определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте [2];

3. Статьи 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, принятые Федеральным законом № 392-ФЗ 22.11.2016 г. Устанавливают уголовную ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте; использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте [3];

4. Статья 6.18 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, введена Федеральным законом № 413-ФЗ от 06.12.2011 г. Устанавливает административную ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним [4];

5. Глава 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации, введена Федеральным законом № 13-ФЗ от 28.02.2008 г. Её положения регулируют трудовые отношения с работниками, функция которых состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участии в спортивных соревнованиях по определённым виду или видам спорта [5];

6. Постановление Правительства Российской Федерации № 339 от 28.03.2017 г. «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» [6];

7. Приказ Министерства спорта, туризма и молодёжной политики Российской Федерации № 293 от 13.05.2009 г. «Об утверждении порядка проведения допинг-контроля». Определяет мероприятия и процедуру проведения допинг-контроля в спорте [8];

8. Федеральный закон № 240-ФЗ от 27.12.2006 г. «О ратификации международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» [1].

Из приведённых выше нормативных актов можно констатировать, что Российская Федерация установила несколько видов ответственности за правонарушения и преступления в сфере применения допинга. Выраженной проблемой на сегодняшний день является отсутствие правоприменительной практики.

В КНР, к сожалению, меры по борьбе с подобными проявлениями достаточно скудны. Первый в истории КНР «Закон о физической культуре и спорте» был принят Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) в 1995 г. Закон обязал государство предупреждать и пресекать применение запрещённых препаратов и средств в спорте.

В 2004 г. Госсовет КНР принял «Положение о борьбе с допингом в спорте». Он закреплял порядок проведения антидопингового контроля и ответственность за употребление запрещенных препаратов.

В 2006 г. КНР была подписана Международная конвенция по борьбе с допингом в спорте. Это означало, что Китай идёт по пути сотрудничества и согласования норм в области антидопингового контроля во время соревнований и тренировок.

В дальнейшем, после выявленных фактов массового употребления допинга китайскими спортсменами, Верховный народный суд КНР опубликовал судебное разъяснение от 18 ноября 2019 г. Разъяснение (2019) № 16 [10]. Оно содержит толкование применения уголовного законодательства по допинговым делам «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении уголовных дел, связанных с контрабандой, незаконным оборотом / продажей и употреблением допинговых средств / веществ». Нижеследующие положения вступили в силу с 1 января 2020 г.

В разъяснении указывается, что наказание за контрабанду, незаконную продажу и незаконное употребление допинга назначается в целях обеспечения справедливого и равного проведения спортивных соревнований, а также защиты здоровья спортсменов и назначается в соответствии с нормами УК КНР и УПК КНР.

1. Действия спортсменов, обслуживающего персонала, связанные с контрабандой веществ, установленных в Перечне допинговых средств, а также незаконное использование другими лицами таких средств в целях контрабанды, т.е. контрабанда предметов, веществ и грузов, запрещённых государством к ввозу/вывозу, квалифицируются по ч. 3 ст. 151 УК КНР (контрабанда редких растений и изделий, препаратов из них и иных запрещённых государством к импорту и экспорту товаров, грузов, предметов, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или кратковременным арестом и денежным штрафом либо только денежным штрафом (как самостоятельное наказание), а при наличииотягчающих обстоятельств – наказывается лишением свободы на срок свыше пяти лет и денежным штрафом, таких как:

1. Совершение указанных действий, если ранее в течение года два и более раз был подвергнут административной ответственности за совершение таких действий;

2. Использование (этих средств / веществ) или подготовка к использованию (этих средств / веществ) для несовершеннолетних спортсменов или спортсменов с ограниченными возможностями здоровья;

3. Использование (этих средств / веществ) на важнейших спортивных соревнованиях внутри страны или на важнейших международных соревнованиях;

4. Если действия привели к тяжёлой общественной обстановке, вызвали большой общественный резонанс, (предыдущий пункт (п .4) применяется в случаях, когда вещества / товары не являлись запрещёнными к ввозу / вывозу из

страны (т. е. те вещества, которые разрешены к ввозу / вывозу), но имело место уклонение (т. е. неуплата налога) от уплаты налога суммой 10 000 юаней (100 000 руб.) на эти объекты, или если ранее в течение года два и более раз был подвергнут административной ответственности за совершение таких действий с указанными объектами.

2. Действия, совершённые в нарушение государственных правил, связанные с несанкционированным распоряжением допинг-веществами (стимулирующими веществами), торговый оборот которых установлен нормами законодательства, в том числе нормами административного права, дезорганизующие структуру рынка, квалифицируются в соответствии со ст. 225 УК КНР и считаются незаконной предпринимательской деятельностью. Наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или кратковременным арестом и штрафом либо только штрафом в размере от однократного до пятикратного размера незаконно полученного дохода или конфискацией имущества.

3. Незаконное употребление несовершеннолетними лицами и лицами с ОВЗ (инвалидами) на спортивных соревнованиях допинга (стимулирующих веществ) в результате воздействия на этих лиц их опекунов, попечителей, законных представителей (т. е. опекуны, попечители или законные представители вовлекают, заставляют употреблять допинг-вещества своих подопечных, которые участвуют в соревнованиях), при наличии одного из следующих обстоятельств, квалифицируется по ст. 260.1 УК КНР, наказывается лишением свободы на срок до трёх лет или кратковременным арестом, если:

1. Имеет место принуждение несовершеннолетнего лица или инвалида;

2. Длительное вовлечение (заманивание), обман несовершеннолетнего или инвалида;

3. Имеет место наступление иных тяжких последствий, серьёзного вреда здоровью несовершеннолетнего, инвалида.

4. Организация незаконного употребления допинга (стимулирующих веществ) при прохождении вступительных спортивных испытаний, порядок организации и проведения которых юридически установлен, при зачислении в вуз или на службу в государственное или муниципальное учреждение, квалифицируется по ст. 284.1 УК КНР как нарушение установленного порядка проведения экзамена, наказывается лишением свободы на срок от трёх до семи лет и штрафом.

Действия лиц, осведомлённых о совершении вышеуказанных преступных деяний и предоставляющих допинг-вещества, также квалифицируются по вышеуказанной статье.

5. Уголовная ответственность за производство и сбыт веществ, перечисленных в Перечне допинговых средств и продуктов, содержащих такие вещества, установлена ст. 133 и ст. 134 УК КНР и квалифицируется как производство, сбыт

продуктов / веществ, не соответствующих требованиям национальной безопасности, и производство, сбыт продуктов, содержащих ядовитые / токсичные, вредные вещества, наказывается лишением свободы на срок от трёх до семи лет; оставление места ДТП, повлекшее смерть человека, наказывается лишением свободы на срок свыше семи лет.

6. Злоупотребление служебными полномочиями или халатное отношение к своим служебным обязанностям работников и сотрудников государственных органов, осуществляющих антидопинговый контроль, повлекшее серьёзные нарушения процесса антидопингового контроля, нанесение серьёзный ущерб репутации государства или повлекшие осложнение общественной обстановки, квалифицируется по ст. 397 УК КНР как злоупотребление служебными полномочиями, халатное отношение. Наказывается лишением свободы на срок до трёх лет или кратковременным арестом; при наличииотягчающих обстоятельств – лишением свободы на срок от трёх до семи лет, если иное не предусмотрено настоящим Законом. Вышеперечисленные действия, совершённые работниками / сотрудниками частных организаций, квалифицируются также;

7. Совершение действий, перечисленных в настоящем Разъяснении, с веществами, которые относятся к наркотическим или ядовитым, и образующих состав преступления, квалифицируются по соответствующим статьям УК КНР.

«Данный шаг крайне важен для борьбы с допингом в Китае», – указал глава Антидопингового центра при Главном государственном управлении КНР по делам физкультуры и спорта Чэнь Чжиюй. «Китай добился значительного прогресса в борьбе с допингом, но мы осознавали, что наказания за грубые нарушения антидопинговых норм недостаточны», – отметил он.

«Новое судебное толкование теперь поможет пресечь допинг в зародыше и защитить здоровье населения», – подчеркнул Чэнь Чжиюй [10]. Об этом сообщает «Рамблер».

Рассмотренные положения нормативного документа в области противодействия применению допинга позволяют сделать вывод о том, что КНР всерьёз отреагировала на массовые обвинения в попытках применения допинга профессиональными спортсменами. Наконец установлена уголовная ответственность именно за деяния, связанные с допингом. В частности, она охватывает контрабанду, незаконный оборот, продажу, употребление допинговых средств, принуждение к употреблению, организацию употребления, производство запрещённых средств.

Принятые в России и Китае меры однозначно дадут положительный результат. Необходимо лишь выработать грамотный механизм по методике расследования таких преступлений.

Список литературы

1. О ратификации международной конвенции о борьбе с допингом в спорте : Федеральный закон от 27 декабря 2006 г. № 240-ФЗ. – URL: <http://base.garant.ru/12151266/> (дата обращения: 20.08.2020).
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации :. Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 20.08.2020).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08 июня 2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.08.2020).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23 июня 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04 июля 2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.08.2020).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25 мая 2020 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 29.08.2020).
6. Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации № 339 от 28 марта 2017 г. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71543416/> (дата обращения: 29.08.2020).
7. Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил : приказ Министерства спорта Российской Федерации № 947 от 09 августа 2016 г. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/456012975> (дата обращения: 29.08.2020).
8. Об утверждении порядка проведения допинг-контроля : приказ Министерства спорта, туризма и молодёжной политики Российской Федерации № 293 от 13 мая 2009 г. – URL: <http://base.garant.ru/12169718/> (дата обращения: 29.08.2020).
9. Алексеев, С. В. Международное спортивное право : учебник для студентов вузов / С. В. Алексеев ; под ред.. П. В. Крашенинникова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 895 с.
10. Китай ввел уголовную ответственность за допинговые преступления. – URL: <https://sport.rambler.ru/other/43185940-kitay-vvel-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-dopingovye-prestupleniya/> (дата обращения: 29.08.2020).

References

1. *On the ratification of the international convention against doping in sport: Federal Law of December 27, 2006 No. 240-FZ*. Available at: <http://base.garant.ru/12151266/> (accessed 20 August 2020). (In Russian).
2. *About physical culture and sports in the Russian Federation.: Federal Law of December 4, 2007 No. 329-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (accessed 20 August 2020). (In Russian).
3. *The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on June 08, 2020)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 20 August 2020). (In Russian).
4. *Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on June 23, 2020) (as amended and supplemented, entered into force on July 04, 2020)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed 20 August 2020). (In Russian).
5. *Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on May 25, 2020)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed 29 August 2020). (In Russian).
6. *On approval of the list of substances and (or) methods prohibited for use in sports for the purposes of Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 339 dated March 28, 2017*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71543416/> (accessed 29 August 2020). (In Russian).
7. *On the approval of the All-Russian Anti-Doping Rules: Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation No. 947 dated August 09, 2016*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/456012975> (accessed 29 August 2020). (In Russian).
8. *On approval of the procedure for conducting doping control: Order of the Ministry of Sports, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation No. 293 dated May 13, 2009*. Available at: <http://base.garant.ru/12169718/> (accessed 29 August 2020). (In Russian).
9. Alekseev S.V. *Mezhdunarodnoe sportivnoe pravo: uchebnik dlya studentov vuzov* [International sports law: a textbook for university students]. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2013.895 p.
10. China has criminalized doping crimes. Available at: <https://sport.rambler.ru/other/43185940-kitay-vvel-ugolovnyu-otvetstvennost-za-dopingovye-prestupleniya/> (accessed 29 August 2020). (In Russian).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ INTERNATIONAL LIFE

УДК 325.2(=161.1)(047.53)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/167-177>

«РУССКИЕ РАЗГОВОРЫ»: МИХАИЛ ДРОЗДОВ

Как сообщал портал *RUSSKIE.ORG*, Институт Русского зарубежья начал новый проект – «Русские разговоры». В рамках этого проекта политолог, историк, директор Института Русского зарубежья Сергей Пантелеев¹ будет обсуждать злободневные проблемы Русского мира с известными экспертами, учёными, политическими и общественными деятелями, живущими как в России, так и за рубежом. Первый разговор прошел 22 апреля 2020 г. с живущим в китайском городе Шанхае председателем Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом, Михаилом Дроздовым². Портал *RUSSKIE.ORG* опубликовал полный текст разговора, с которым мы знакомим читателей нашего журнала.

"RUSSIAN TALKS": MIKHAIL DROZDOV

According to *RUSSKIE.ORG*, the Institute of Russian Abroad has launched a new project – "Russian Conversations". Within this project, a political scientist, a historian, the director of the Institute of Russian Abroad, Sergey Panteleev³ will discuss topical

¹ Сергей Юрьевич Пантелеев, политолог, историк, директор Института Русского зарубежья. г. Москва, Россия.

² Михаил Владиславович Дроздов, председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом, г. Шанхай, КНР.

Для цитирования: «Русские разговоры»: Михаил Дроздов / С. Ю. Пантелеев, М. В. Дроздов (интервью) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 167–177. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/167-177>.

© Портал *RUSSKIE.ORG*, Пантелеев С. Ю., Дроздов М. В., 2020

³ Sergey Yuryevich Panteleev, political scientist, historian, director of the Institute of Russian Abroad. Moscow, Russia.

problems of the Russian world with renowned experts, scientists, political and public figures living both in Russia and abroad. The first conversation took place on April 22, 2020 with the Chairman of the World Coordination Council of Russian Compatriots Living Abroad, Mikhail Drozdov¹, who lives in the Chinese city of Shanghai. The RUSSKIE.ORG portal has published the full text of the conversation with which we are introducing the readers of our magazine.

Сергей Пантелеев: Здравствуйте, дорогие друзья. Институт Русского зарубежья начинает новый проект. В ближайшее время и на большую перспективу мы будем в режиме онлайн встречаться с русскими экспертами, живущими в разных странах мира, и вести «Русские разговоры» о самом главном. Мы будем говорить о том, что волнует нас, живущих в России, ближнем и в дальнем зарубежье, в нашем необъятном Русском мире. Этот проект мы начинаем в светлую седмицу, это очень хороший знак, это очень здорово, это символично, это по-русски. Как начать и с кем начать, я особо долго не думал, этот разговор, опять же, достаточно символично мы начинаем с председателем Всемирного координационного совета российских соотечественников Михаилом Дроздовым. Во-первых, Михаил возглавляет, наверно, главную, ключевую организацию, которая координирует движение соотечественников по всему миру, а во-вторых, все мы сегодня живём в условиях мировой пандемии коронавируса. Михаил Дроздов проживает в Шанхае, давно возглавляет русскую общину, и вся эта история с коронавирусом началась именно в Китае. Именно от Михаила Дроздова я впервые услышал и понял, что коронавирус – это серьёзно. Первые посты, написанные Михаилом ещё в феврале, меня поначалу удивили. Вот с этого момента, с первого вопроса, который волнует сегодня всех, мы и начнем. Михаил, здравствуйте.

Михаил Дроздов: Здравствуйте, Сергей. Рад приветствовать вас, рад приветствовать всех, кто нас смотрит и слушает.

С. П.: Итак, как я уже сказал, всё началось в Китае. Каков он – китайский опыт борьбы с коронавирусом? Каким он сегодня видится?

М. Д.: Когда в Китае в январе месяце пошли разговоры о какой-то новой инфекции, мало кто воспринял их серьёзно. Среди этих людей был и я, и многие мои друзья и коллеги. При этом действия китайских властей стали, прямо скажем, очень удивлять. Никогда за годы жизни в Поднебесной – а я здесь всё-таки прожил почти четверть века – я не видел настолько решительно настроенного Китая.

¹ Mikhail Vladislavovich Drozdov, Chairman of the World Coordination Council of Russian Compatriots Living Abroad, Shanghai, China.

For citing: "Russian Conversations": Mikhail Drozdov / S. Yu. Panteleev, M. V. Drozdov (interview) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 167–177. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/167-167-177>.

Были перекрыты города, был введён всеобщий карантин в стране, в которой проживает более миллиарда человек. Фактически власти пошли на то, чтобы пожертвовать экономическим ростом. Всё это давало ощущение, что происходит что-то совершенно невероятное. При этом те цифры и те показатели, которые публиковались официально, не давали ответа на вопрос, почему, собственно говоря, китайские власти были настроены так решительно. Даже учитывая вновь появившийся опыт других стран – Италии, США, Испании, где очень много заболевших, окончательного ответа – правильный ли был выбран способ борьбы с этой новой инфекцией – пока нет.

Китай, а затем и всё человечество, столкнувшись с таким вызовом, стали отвечать так, как раньше было отвечать не принято. В последние годы многих, и меня лично, не покидало ощущение, что в мире что-то зреет, это ощущение было разлито буквально в воздухе. Многие говорили, что нас ожидает глобальный экономический кризис. Кто-то говорил, что дело идёт к большой войне. И было довольно очевидно, что многие страны как раз и начали готовиться к экономическому кризису и к большой войне. Но беда пришла не оттуда, откуда мы её ждали. И Китай, надо сказать, продемонстрировал удивительную возможность концентрировать все усилия для того, чтобы решать те задачи, которые они поставили. Насколько сами задачи были поставлены верно или неверно – покажет будущее, но то, что действия властей были очень продуманными, чёткими, из одного решения вытекало другое, то, что эта борьба была развёрнута во всех провинциях Китая, то, что каждый житель Поднебесной получил инструкции – как ему действовать в той или иной ситуации – всё это не может не поражать.

Сейчас бытовая жизнь налаживается. У нас в Шанхае людей и машин на улицах уже не меньше, чем до эпидемии. Правда, все продолжают носить маски, хотя власти уже разрешили не использовать их, за исключением тех случаев, когда ты находишься в скоплении людей. Тем не менее, я практически не вижу людей без масок. Некоторые привычные нам заведения: рестораны, маленькие магазинчики уже открылись, а некоторые нет. Правда, те, что открылись, – стоят пустыми. За короткий срок изменилось бытовое поведение людей. Китайцы очень любят собираться вместе, особенно за столом. Но стоило в таком вот режиме прожить пару месяцев – и теперь все дружно заказывают еду на дом, если не готовят её дома, стараются как можно меньше ходить по магазинам.

Так что история, на мой взгляд, не закончена. Как она будет развиваться дальше – покажет будущее. Карантин дал возможность властям выиграть время, но он не решил проблему. Сейчас Китай очень боится второй волны эпидемии, именно поэтому закрыты границы, именно поэтому тщательно контролируется перемещение людей из одной провинции в другую, из одного города в другой. И, надо сказать, эти опасения небеспочвенны. Из оставшихся на весь Китай 1600 больных практически все – это те, кто приехал из-за рубежа. Например, в лидеры по заболе-

ваемости вышла приграничная провинция Хэйлунцзян. Там сейчас порядка 500 заболевших. По словам властей, все эти люди вернулись из России.

С. П.: Спасибо, Михаил. Был очень важный тезис в вашем рассказе. Он касался того, что что-то назревало. Мы действительно это чувствовали. Многие говорили, что вот-вот мир вступит в новую фазу развития. Ранее это всегда происходило через какую-то большую ломку. Не зря тезис о неких тектонических геополитических разломах был так популярен. Происходящее сегодня – коронавирус, экономический кризис – это те самые события, которые выводят мир в какую-то новую фазу развития. И некие черты этой новой фазы, этого нового мира вами и были уже обозначены. То, что мы сегодня общаемся онлайн, то, что информационные технологии получили удивительный рывок для развития – тоже черты этого нового мира.

Но я хотел бы вернуться к вашему тезису, который был высказан пару месяцев назад. Не скрою, он тогда меня удивил. Напомню, он звучал как предположение, что действия китайских властей были избыточны, а «всё происходящее с коронавирусом – это просто некая великая глупость». Почему вы так сказали, что это значило тогда и насколько сегодня этот тезис, на ваш взгляд, актуален?

М. Д.: Я исходил из той информации, которая была на тот момент. С тех пор мало что изменилось. Если мы будем смотреть на динамику заболевания, на смертность, то мы увидим, что это не чума, не холера, которая грозила бы выкосить половину человечества. Мне представлялось, что китайские власти начали применять избыточные меры для борьбы с этой новой болезнью. Так ли это или нет – я пока не готов сказать. Не готов я и этот свой тезис полностью снять. Мы до сих пор очень многого не знаем. Мы не знаем того, о чем знали люди, принимающие решения на высоком уровне. Очевидно, что политика нынешнего руководства Китая несколько отличается от политики тех руководителей, которые возглавляли Китай в прошлом десятилетии или 20 лет назад. Она характеризуется большей концентрацией власти. Она характеризуется большим упором на возможности государства. Уж очень вписывалась реакция китайского руководства на этот кризис в ту общую тенденцию, которую мы видели последние лет шесть-семь.

Ещё раз повторюсь: нас рассудит время, рано или поздно всё более-менее встанет на свои места. Меня же беспокоит, что победа Китая над коронавирусом носит совершенно промежуточный характер. Если в самое ближайшее время не будет разработана вакцина либо эффективные методы лечения, что остаётся Китаю, чтобы не допустить второй волны? По-прежнему сидеть за закрытыми границами? Как долго китайская экономика, да и вся мировая экономика готова будет терпеть эти неудобства, разрыв всех выстроенных ранее экономических и финансовых цепочек? История с коронавирусом подтолкнёт и уже подталкивает – мы это видим – к распаду мира на отдельные центры силы. И вот тут коронавирус подвернулся как

нельзя более кстати. Он ускорил этот переход. И ускорил его без военных действий. Всё происходит само собой. Может цель в этом?

С. П.: По сути дела, это – прогресс! Это – прогресс человечества! Мы решаем мировые конфликты не путём войны, а путём каких-то, как некоторые считают, искусственных кризисов. Я правильно понимаю?

М. Д.: Я бы так тоже не говорил, что этот кризис искусственный. Болезнь действительно существует. Но желание неких сил воспользоваться этой реально существующей проблемой для ускорения процессов, которые и так шли в мире, – я думаю, могло быть.

Хотя пока что все проиграли. Экономика во всех странах просела. Но если мы будем говорить о создании отдельных центров силы, и если допустить, что Китай для себя ставил такую задачу – что рано или поздно ему нужно будет создавать собственную финансовую, независимую от Вашингтона, от американского печатного станка систему – то, согласитесь, Сергей, что все эти процессы не просто ускорились. Они идут по лавинообразному сценарию.

С. П.: Михаил, я с вами здесь полностью согласен. И когда я употребил слово «искусственный», то, конечно же, прежде всего, имел в виду слово информационный аспект. Потому что вряд ли вы будете отрицать тот факт, что значительный элемент нынешней истории с коронавирусом связан именно с информационной политикой, с формой подачи информации. Более того, здесь, на мой взгляд, сочетаются одновременно и естественные процессы, которые связаны с простыми человеческими реакциями – со страхом, опасением – и с умелым манипулированием, которое здесь тоже, очевидно, присутствует. Ни в коем случае я не являюсь сторонником каких-то там конспирологических трактовок происходящего, но то, что информационный век сегодня правит бал, и экономика во многом будет опираться на новые продвинутые технологии, связанные с информацией, абсолютно очевидно.

М. Д.: Да, поэтому нам сейчас остается только наблюдать. Я думаю, что из этой ситуации быстрого выхода нет. Если говорить о снятии карантинных мер, то речь будет идти о месяцах. А вот процесс преодоления глобального кризиса и перестройки всей мировой системы под новые реалии может занять достаточно серьёзный промежуток времени. И как всегда бывает при кризисах – будут и победители, и проигравшие.

С. П.: Следующий момент, который хотелось бы сегодня обсудить, связан больше с нашими реалиями, с реалиями русской общины. И я хотел бы у Вас спросить: во время активной стадии пандемии в Китае – как эта вся история на ней отразилась? Вы могли бы обозначить какие-то основные тенденции?

М. Д.: В Китае первая русская эмиграция практически вся выехала после прихода к власти КПК в 1949-м году. И русские люди, которые живут здесь сейчас, – это главным образом те, кто начал приезжать в Китай после нормализации

отношений, то есть после 1989 года. У нас особенная ситуация, которой нет в других странах, – здесь практически нет пожилого поколения русских эмигрантов. Как это ни странно, я сам отношусь к старшему поколению современных русских в Китае. Тех, кто старше меня, не так много. Все эти люди, так или иначе, заточены на работу, на бизнес и на экономическое взаимодействие России и Китая.

Когда пришла эпидемия и очень многие компании стали испытывать сложности, немало наших соотечественников, достаточно долго живших в Китае, вынуждены были отсюда уехать. Многие уехали именно в Россию. Я не знаю, насколько это устойчивая тенденция. Если ситуация нормализуется, вполне вероятно, что они как уехали, так и вернуться обратно через некоторое время. Но факт остаётся фактом. Мы отмечаем, что многие из неухавших оказываются в сложной ситуации: они потеряли работу, заработок, у некоторых заканчиваются договоры аренды их квартир, за которые нечем платить. Слава Богу, пока нет визовых проблем. Китайские власти с пониманием относятся к сложившейся ситуации. Даже тем, у кого просрочены визы, их автоматически продляют. При этом к нам начинает всё больше и больше поступать сигналов от наших соотечественников, которые оказались в действительно сложной ситуации. И такую работу с ними мы начали буквально на днях. За короткое время мы получили порядка 30 обращений, и среди них были обращения от людей, сообщивших, что им уже нечего есть. Один человек написал, что он последние три дня пьёт только воду. В острой ситуации русские люди умеют проявлять свои самые лучшие качества. После того, как мы создали группы в социальных сетях, пошли обращения уже другого характера с вопросами: «Чем помочь?». И вот буквально со вчерашнего дня мы начали отправлять продуктовые посылки в разные адреса: от острова Хайнань и Шэньчжэня на юге – до города Хэйхэ на севере.

Эта ситуация, как мне кажется, даст возможность людям заново почувствовать себя общностью. Именно сейчас они начинают понимать, что ждать помощи от местного населения для иностранцев – даже тех, кто здесь прожил много-много лет, – не приходится. Они осознают, что возникшая проблема – это проблема именно нашей общины, тех людей, которые здесь давно живут, как-то обосновались. Такого рода случаи подталкивают других включаться и начать заново ощущать, и главное больше понимать, для чего нужны общественные объединения соотечественников за рубежом.

Через 2,5 года мы будем отмечать 100 лет со дня так называемого «Дальневосточного Исхода» – когда корабли Сибирской флотилии адмирала Георгия Старка ушли из Владивостока и потом пришли сюда, в Шанхай. Эмигранты тогда оказались в совершенно незнакомой им ситуации, и тут же возникло огромное количество каких-то благотворительных объединений, касс взаимопомощи, приютов и так далее, и так далее...

В последние годы ситуация у соотечественников в Китае была более-менее благополучной, и если кому-то и было плохо, то это были единичные случаи. До сих пор не было особой необходимости вести работу по оказанию помощи на системном уровне. Теперь многое изменилось. Скоро, думаю, это будет проявляться не только в Китае. Я получаю похожие сообщения и из других стран. Знаю, что подобная работа ведется в Великобритании, в некоторых странах Европы, в США. В такой сложной ситуации всё больше и больше соотечественников будут ощущать наше единство. Те, кто ещё недавно спрашивал меня: «А зачем всё это? Ну, да, какие-то культурные мероприятия – это понятно. Сохранение русского языка, чтобы дети не теряли связь с родиной – это мы понимаем. А вот так, в целом и по большому, для чего?» А вот для чего! Это несчастье, эта большая проблема мировая – подтолкнёт наших соотечественников к пониманию нужности и полезности общественной работы, нужности и полезности общественных объединений.

С. П.: Вот такой парадоксальный, на самом деле, момент получается, что время социального разобщения, самоизоляции оборачивается, наоборот, некой солидарностью, восстановлением солидарных связей. Причем это ведь действительно не только китайский опыт – это общая тенденция. И мне кажется, воплощение этой общей тенденции отражается, в том числе, и в предложении, которое недавно поступило от Всемирного координационного совета российских соотечественников, который Вы возглавляете. Предложение это было связано с проведением общевойсковой акции «Бессмертный полк – без границ!». Расскажите, пожалуйста, как возникла идея и на что она направлена?

М. Д.: Когда пришло понимание, что 9-го мая, скорее всего, провести запланированные нами по всему миру мероприятия не удастся, мы начали думать над тем, что такую дату – 75 лет со дня Великой Победы нашего народа в Отечественной войне – пропустить всё равно нельзя. Именно «Бессмертный полк» стал настоящим народной акцией, которая объединила всех. Стало очевидно, что совсем отменить эту акцию невозможно, да и не нужно. Но нужно предложить какие-то механизмы для того, чтобы, пусть в новых условиях, но она всё же состоялась. Сейчас, я думаю, нет почти ни одного человека, кроме представителей совсем пожилого поколения, кто не пользовался бы интернетом, у кого не было бы каких-то своих страничек в социальных сетях. Мы исходили из этого. И именно поэтому мы во Всемирном координационном совете подумали о том, что можно было бы выступить с такой инициативой. Я не хочу и точно не буду как-то противопоставлять нашу эту инициативу другим инициативам, которые, кстати, немножко позже, но выдвинули и другие общественные организации, связанные с проведением «Бессмертного полка» за границами России. Мы считаем, что принять участие в этой акции может абсолютно любой человек, и сделать это достаточно просто. Не обязательно даже 9 мая, можно в предшествующие или в последующие дни разместить у

себя, на своих страницах, на каких-то дружественных сайтах любые рассказы, фотографии о своих родственниках. Есть и иные идеи, связанные с разнообразными флешмобами в ознаменование Дня Победы. Акция в таком виде будет проводиться впервые, и поэтому трудно сказать, насколько мы потом сможем позитивно её оценить, насколько она получится. Для того чтобы она получилась, мне кажется, очень важно, чтобы те, кто имеет доступ к средствам массовой информации, те, у кого достаточно большое количество друзей в социальных сетях, как можно шире рассказали об этой акции «Бессмертный полк – без границ!». Если это будет, если это получится, если, открывая ваш компьютер 9 мая, в какую бы социальную сеть вы ни зашли, на какой бы сайт вы ни зашли, вы встретите рассказы о Великой Отечественной войне, рассказы о наших предках – это значит, что акция состоялась.

С. П.: Всемирный координационный совет, сайты, которые входят в систему координационных советов, – это некий прообраз Всемирной русской сети. Русские люди, люди, связанные с русской культурой, сегодня почти все, здесь вы абсолютно правы, так или иначе связаны с интернетом – имеют свои аккаунты в социальных сетях, какие-то свои онлайн-проекты. Сегодня каждый сам себе режиссёр и журналист. Если мы выстроим такую работу во всемирном масштабе, то это действительно будет Всемирная русская сеть. И если Всемирная русская сеть 9 мая встанет в один «Бессмертный полк» – это будет грандиозной акцией. Самое главное, чтобы здесь было меньше бюрократии и больше народности. Меньше формализма. Каждый понимает, что у него есть его родственники, его герои, его предки, и мы, вместе с нашими предками, которые принесли нам победу, встаём в один «Бессмертный полк». Да, мы не можем пройти по улицам, но мы можем сделать большой всемирный «Бессмертный полк» в нашей Всемирной русской сети.

М. Д.: Совершенно с Вами согласен. И ещё раз хочу призвать всех, кто нас видит и слушает, присоединиться к этому важному событию.

С. П.: Следующий вопрос имеет прямую связь с предыдущим. Разговоры о необходимости проведения онлайн-мероприятий, причём на регулярной основе, велись очень давно. И вот мы с вами уже несколько раз, вместе с другими нашими соотечественниками, принимали участие в онлайн-мероприятиях. Это были видеоконференции, организованные Советом Федерации и Министерством иностранных дел. Соотечественники очень активно обсуждали на них самые животрепещущие вопросы, в том числе и вопросы проведения акции «Бессмертный полк – без границ!». Как Вы считаете, эта практика онлайн-мероприятий, она ситуативная, связанная с невозможностью традиционных встреч, и уйдет вместе с коронавирусом, либо всё-таки здесь рождается некий новый формат работы?

М. Д.: Я не буду оригинальным. Мир после коронавируса станет другим. Он будет другим в самых разных вещах. Будут уходить в онлайн все покупки. Кстати говоря, в Китае эта система уже практически реализована. Приобретение товаров

через китайские сети Taobao, Alibaba и др. очень распространено. Среди всех моих знакомых и друзей традиционными магазинами мало кто пользовался и раньше, но теперь, думаю, эта тенденция будет во всемирном масштабе развиваться. Но и общение, которое больше шло в текстовом формате – в формате социальных сетей, будет всё чаще и чаще переходить в видеоформат. И от этого мы уже никуда не уйдём. Причем это будет касаться не только нашего Всемирного движения соотечественников. Это будет касаться многих компаний, которые, отправив некоторых своих сотрудников на удалённую работу, подумают: «А зачем, собственно говоря, нам платить деньги за большие офисы, когда люди могут делать ту же работу из дома?» Я сам в Китае занимаюсь консалтинговым бизнесом, многие наши клиенты тоже сейчас звонят нам по видеосвязи. Если мы до этого говорили по телефону, то сейчас распробовали вот эту форму и поняли, что это всё достаточно просто и эффективно... Я знаю, что некоторые, используя ту же программу Zoom, через которую мы сейчас с вами общаемся, поют песни, даже выпивают, чокаются друг с другом. Мир действительно будет меняться, и наши соотечественники от этого никуда не денутся, не убегут.

Другое дело, что встречи в реальном формате всё равно нужны. Мы же люди, а не прилагаемое к железному ящику, нам нужно ездить, встречаться друг с другом, чувствовать тепло объятий и рукопожатий, своими глазами видеть эмоции собеседников. Так что реальное общение обязательно сохранится.

Если возвращаться к нашему движению, представители соотечественников живут на всех континентах, кроме Антарктиды. И поэтому, конечно, разница во времени играет свою роль – это первое. И второе – мы действительно сделали несколько пробных онлайн-конференций. Сейчас все сидят на карантине, у всех есть возможность и время достаточно безболезненно, без отрыва от работы в такого рода встречах участвовать. Когда всё вернется в более-менее нормальный ритм, согласовать время для того, чтобы оно было удобно людям, которые живут в Израиле, в Аргентине, в Японии и в России, будет не так просто. Тем не менее, эта форма общения закрепится, я просто в этом убеждён.

С. П.: Я тоже абсолютно убеждён в том, что формат онлайн-общения будет развиваться. Более того, стоит напомнить, что русский сегмент интернета – один из самых мощных в мире. Поскольку мы очень хорошо объединяемся именно тогда, когда наступают сложные времена, – вы уже справедливо об этом сказали – это хороший фактор, связанный с нашими возможными будущими победами на ниве консолидации. И давайте не будем скрывать – зачастую наши частые оффлайн-встречи вполне можно переводить в онлайн и не тратить бюджетные средства. В нынешней, новой ситуации, реальные встречи будут тем более важны, тем более ценны именно потому, что мы будем осознавать, как это важно и как это здорово, что мы имеем возможность не просто через вот это окошко в интернете общаться, а

увидеть друг друга, пожать друг другу руки, наконец-то без перчаток, без масок, и да, естественно, чего там скрывать, в кулуарах по-русски обсудить все наши текущие вопросы так, как мы это очень любим. Так что ценность этого живого общения сейчас возрастёт многократно.

М. Д.: Совершенно с Вами согласен. И, кстати говоря, от многих участников нашего движения слышал о том, что сформировавшаяся за многие годы система наших конференций уже немножко начала приедаться. Возможно эти встречи стоит делать по какому-то новому образцу. Очные встречи должны предполагать большее знакомство со страной, с более широким кругом людей, как живущих в России, так и с соотечественниками. Формальные разговоры вполне можно вести онлайн: послушать выступления друг друга, какие-то реплики дать и так далее. А вот поездить и посмотреть своими глазами реальную жизнь, познакомиться с тем, как живут соотечественники в той или иной стране, поговорить с ними, зайти в их дома, посетить школы или кружки, которые они там организуют, встретиться с представителями властных структур – всё это, может быть, станет более важным направлением для будущего взаимодействия в живом формате. Осенью этого года мы планируем всё-таки провести нашу всемирную конференцию, посвящённую вопросам, связанным с взаимодействием бизнеса и соотечественников. Конференция пока не отменена, и я надеюсь, что она всё-таки состоится. В рамках этой конференции предполагался выезд участников в российские регионы. Мне кажется, это очень хороший прецедент. Быть может, такого рода мероприятия можно делать реже, но зато с большим охватом событий. Конференции не должны ограничиваться залом заседаний. То, что я сказал, – это не истина в последней инстанции, но это вопрос для обсуждения и для того, чтобы всё-таки выработать нам какие-то новые формы работы.

С. П.: Вопрос повышения эффективности работы системы координационных советов и, в целом, Русских зарубежных общин уже давно назрел. Тот факт, что на текущий год запланирована ежегодная конференция, посвящённая экономическим аспектам, бизнесу – это тоже показатель того, что есть понимание необходимости переводить работу на более эффективные рельсы. Если у диаспоры нет финансово-экономической базы, то, по большому счёту, диаспоры тоже нет.

Не секрет, что многие сегодня переживают непростые времена: бизнес разрушается, кто-то выживает, как может, сводя концы с концами, а кто-то перестраивает свою деятельность. И перестраивает, улавливая новые тренды, о которых мы сегодня пытаемся говорить. Наверно и для движения соотечественников очень важно уловить эти новые тренды, нащупать их. И в этом плане мой последний вопрос: к чему будет стремиться движение соотечественников, наши русские зарубежные общины?

М. Д.: Прежде всего, как мне кажется, важно не растерять то, что есть. Всё-таки за последние годы нами создана весьма разветвлённая, как вы уже сказали,

русская сеть в виде координационных советов и тех сотен или даже тысяч организаций, которые входят в эту нашу систему. Я считаю, что это наше достижение, поэтому крайне важно было бы эту сеть сохранить.

В результате кризиса, когда обмелел поток грантов и прочей поддержки, многие люди, которые пришли в эту структуру в надежде на выгоды исключительно для себя, будут вымываться, будет происходить очищение движения. Мы все последние годы видели эту тенденцию, но сейчас, мне кажется, она усилится. А что касается будущего... Нам необходимо прежде всего подумать над смыслами: ради чего нам нужна «зарубежная Россия»? Ведь тот же Китай всю свою историю опирался на соотечественников, проживающих за рубежом. Их называют хуацяо. Вот из русских никак хуацяо не получались. Многие русские, уезжая за рубеж, забывали о своей родине, либо старались как можно быстрее интегрироваться, принять новые условия, традиции. И вот сейчас, когда наши соотечественники оказались в сложной ситуации, вдруг стало понятно, что лучше всего опираться именно на своих. Причем опираться на своих во всех областях жизни. Тому же бизнесу лучше опираться на своих. На тех, кто уже осел в государствах пребывания, понимает правила работы в этих странах, может что-то подсказать, у кого есть какие-то связи в местном сообществе. Опирайтесь на своих можно при развитии культурных связей. Опирайтесь на своих можно в гуманитарной сфере. Современное Русское зарубежье, конечно, очень сильно отличается от первых волн русской эмиграции. Они были отрезаны от России. И от этого, как мне кажется, страдала и Россия, и они сами. Сейчас у нас нет этого противопоставления, и нам нужно понять: чем мы можем быть полезны друг другу. Важно, чтобы ушёл скепсис и со стороны российских властных структур, которые, как я чувствую, к современному Русскому зарубежью относятся без особой надежды – я бы так сказал.

Но нужно, чтобы ушел этот скепсис и у тех людей, которые волей судьбы оказались за рубежом, здесь прижились. Надеюсь, что кризис принесёт не только негативные последствия, но и даст нам возможность в очередной раз почувствовать, что мы, проживающие за рубежом, и Россия – это часть единого организма. И нам просто нужно научиться, чтобы этот организм использовал функции своих разных частей правильным образом. Будем к этому стремиться. Я считаю, что такую дискуссию важно развивать. И просил бы Вас, Сергей, когда Вы будете приглашать следующих гостей в свою передачу, задавать им вопрос о будущем нашего движения. Моих интеллектуальных усилий тут, очевидно, совершенно недостаточно, только вместе мы можем выработать общий взгляд на это будущее.

С. П.: Спасибо огромное, Михаил, за этот очень интересный наш первый «Русский разговор». И мне кажется, что этой нашей первой передаче Вы подвели итог китайской мудростью, которая заключается в том, что любой кризис – это возможность нового развития. Пусть этот новый мир будет для Русского мира успешен. До новых встреч!

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
Экономика, политика, право

Научный журнал

2020

№ 3

Главный редактор

А. И. Коробеев

Заместители главного редактора

В. В. Гаврилов, Н. В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь

В. В. Короченцев

Председатель редакционного совета

С. Д. Князев

Редакционный совет

П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Ли Ик Хён, Пак Ноенг, И. В. Панова,
И. И. Рогов, С. В. Севастьянов, О. Н. Третьяк, Фу Куенчен, Хуан Даосю

Редакционная коллегия

К. В. Арановский, Л. Ю. Вотинцева, Е. П. Жариков,
Н. Н. Коротких, В. А. Номоконов, С. К. Песцов

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

Дата подписания в печать 9.10.2020.

Дата выхода в свет 13.10.2020.

Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 14,35. Уч.-изд. л. 12,85.

Тираж 500 экз. Заказ 240.

Цена свободная.

Издатель:

Дальневосточный федеральный университет
690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Отпечатано в типографии Издательства
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10